

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. ГУССЕРЛЬ, А. ШНЕЛЛЬ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. ГУССЕРЛЬ, А. ШНЕЛЛЬ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

УДК 122/129

ББК 87.3

Г96

СОСТАВИТЕЛЬ И РЕДАКТОР: Н. Артеменко

АВТОРЫ ТЕКСТОВ: Э. Гуссерль, А. Шнелль

ПЕРЕВОДЧИКИ, РЕДАКТОРЫ И АВТОРЫ КОММЕНТАРИЕВ:

Г. Чернавин, М. Белоусов

ПРЕДИСЛОВИЕ: А. Крюков, Г. Чернавин

По материалам журнала
«HORIZON. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
<http://horizon.spb.ru>

Гуссерль Э., Шнелль А.

Г96 Феноменология времени. — М. : Группа Компаний «РИ-
ПОЛ классик» /

ISBN 978-5-386-12793-0

В настоящей серии представлены переводы важнейших феноменологических текстов, написанных как классиками феноменологии (Э. Гуссерль), так и ведущими ее представителями (О. Беккер, М. Гайгер, М. Дюфрен, П. Рикер, Х.-Г. Гадамер, М. Риншир, А. Шнелль), а также комментарии к ним. Переводы представленных здесь работ впервые увидели свет на страницах журнала «Horizon. Феноменологические исследования». В данном издании они публикуются в доработанном и расширенном варианте. Первая часть объединяет тексты, посвященные одной из самых сложных тем в феноменологии — теме времени. Работы Гуссерля, посвященные проблеме времени, составляют внушительную часть его наследия. Работа над этой проблемой не прекращалась, начиная с самых ранних текстов 1905–1911 гг. и заканчивая периодом рукописного творчества 1930-х годов. Перед читателем — перевод отдельных фрагментов из Бернау-манускриптов 1917–1918 гг. («Bernau Manuskripte über das Zeitbewusstsein» 1917/18, Ниа XXXIII) и комментарии к ним одного из самых влиятельных современных феноменологов Александра Шнелля.

УДК 122/129

ББК 87.3

ISBN 978-5-386-12793-0

Содержание

Предисловие составителя	
<i>Наталья Артеменко</i>	9

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

Время и феноменология.	
Об аналитике времени в Бернау-манускриптах	
<i>Алексей Крюков</i>	17
 <i>Эдмунд Гуссерль</i>	
Husserliana XXXIII.	
Бернау-манускрипты о сознании времени (1917/1918) ...	45
№ 11 <Содержание и схватывание в протопрезентации, ретенции и протенции>	47
Комментарий переводчика	83
Глоссарий	86
№ 12 <Попытка анализировать протопроцесс без помощи модели «схватывание/схваченное содержание»>	98
Комментарий переводчика	112
Глоссарий	115

№13 <Предотвращение бесконечного регресса в конституировании времени посредством указания на ретенциальную обратную отсылку время-конституирующего сознания к себе самому>	118
Комментарий переводчика	137
Глоссарий	140
№ 14 Мой поток переживаний и Я	142
Комментарий переводчика	154
Глоссарий	159
№ 15 <Временные отношения чистого Я>	161
Комментарий переводчика	173
Глоссарий	175
<i>(Пер. с нем. Г.Чернавина, под ред. М. Белоусова, коммент. Г.Чернавина)</i>	

Подвалы времени.

Конструктивная феноменология Александра Шнелля

<i>Георгий Чернавин</i>	177
-----------------------------------	-----

Александр Шнелль

Время и феномен.

Феноменология времени Гуссерля (1893–1918)	199
--	-----

РАЗДЕЛ С. КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПРЕ-ИММАНЕНТНОЙ ВРЕМЕННОСТИ

Глава III. «Протопроцесс» и двойная

наполняюще-опустошающая интенциональность

в Бернау-манускриптах	201
---------------------------------	-----

§1. Введение	202
------------------------	-----

 §2. «Протопереживания», конститутивные
 для пре-имманентной временности.

Разные уровни временности	207
-------------------------------------	-----

§3. Спуск в пре-имманентную сферу. Подход 1917/1918 гг.	215
§4. Статус протопроцесса в сознании. Гипотеза применимости схемы «схватывание/содержание схватывания»	221
§5 Неприменимость схемы «схватывание/содержание схватывания» для конституирования пре-имманентной временности: «протообъективация»	232
§6. Характеристика протопроцесса и его фаз. «Феномены стихания»	241
§7. Трехмерная диаграмма. Само-явленность протопроцесса. Двойная «наполняюще-опустошающая» интенциональность ...	249
§8. Результат анализа протопроцесса: «ноэма-время»	277
§9. Интерпретация К. Хельда	289
§10. Анализ пре-имманентной временности на границе поля феноменологии: «активная» интенциональность и «пассивная» интенциональность	296
§11. Выводы из исследования протопроцесса	310

(Пер. с франц. Г. Чернавина)

Предисловие составителя

Настоящим трехтомником мы начинаем выпуск серии книг, посвященных современной феноменологической проблематике. Открывает серию рубрика «Феноменология: современные переводы», в которой читателю предлагаются переводы на русский язык важнейших феноменологических текстов, написанных как классиками феноменологии (Э. Гуссерль), так и ведущими ее представителями (О. Беккер, М. Гайгер, М. Дюфрен, П. Рикер, Х.-Г. Гадамер, М. Ришир, А. Шнелль), а также комментарии к ним. Переводы представленных здесь работ впервые увидели свет на страницах журнала «Horizon. Феноменологические исследования». В данном издании они публикуются в доработанном и расширенном варианте.

Цель нашего проекта — показать необычайное разнообразие феноменологии, ее еще не открытые для русского читателя страницы.

Тексты, публикуемые в данной рубрике, поделены на три группы. Первая из них объединяет тексты, посвя-

ценные одной из самых сложных тем в феноменологии — теме времени. Работы Гуссерля, посвященные проблеме времени, составляют внушительную часть его наследия. Работа над этой проблемой не прекращалась, начиная с самых ранних текстов 1905–1911 гг. и заканчивая периодом рукописного творчества 1930-х годов. В первом томе мы публикуем перевод отдельных фрагментов Бернау-манускриптов (“Bernau Manuskripte über das Zeitbewusstsein (1917/1918)” Hua XXXIII) и комментарии к ним одного из самых влиятельных современных феноменологов Александра Шнелля. Как известно, Бернау-манускрипты не были подготовлены к печати и основным принципом составления сборника издателями было место и время их написания: Бернау, 1917–1918 гг. Особо хотелось бы обратить внимание на то, что это тексты, самим Гуссерлем к изданию не подготовленные, т.е. мы имеем дело именно с рукописным наследием, рукописным текстом, чутко передающим особую ритмику гуссерлевского мышления, сложную, многоголосную, соединяющую порой несколько тем одновременно, что безусловно создает определенные сложности при чтении, однако не может не составить момента интеллектуального пиршества. Представленный здесь перевод Александра Шнелля соответствует заключительной главе третьего раздела его книги «Время и феномен», которая называется «“Протопроцесс” и двойная наполняюще-опустошающая интенциональность в *Бернау-манускриптах*». Выбор этого текста не случаен, поскольку предметом анализа Александра Шнелля как раз и явля-

ются манускрипты Эдмунда Гуссерля по проблеме внутреннего сознания времени 1917/1918 годов.

Вторая и третья части рубрики «Феноменология: современные переводы» посвящены феноменологической эстетике. Этот выбор не кажется случайным, так как, с одной стороны, феноменологическая эстетика представляет собой значимое направление в русле эстетической мысли, с другой же стороны, эстетическая проблематика оказалась весьма существенной в рамках феноменологии. Предлагаемая читателю подборка текстов способна дать обзор основных проблем феноменологической эстетики.

Во втором томе собраны тексты, посвященные общим эстетическим вопросам в перспективе их феноменологического рассмотрения. В первую очередь, это вопрос о статусе и определении эстетического удовольствия, о феноменологическом характере эстетического восприятия в целом. Кроме того, это вопрос о возможности феноменологического анализа такого эстетического объекта как произведение искусства, об интенции художника и о специфике художественного акта, рассмотренного не как один из видов человеческой активности, включенный в контекст социальных или психологических отношений, но как совершенно особый, ни к чему иному несводимый акт, создающий собственную структуру опыта. Феноменологическая эстетика оказывается столь важным направлением эстетической мысли именно потому, что обращение к феноменологическому рассмотрению позволяет выявить особый статус

и характер интенциональности, соответствующей эстетическому восприятию и художественному творчеству.

Тексты, представленные в данном томе, ставят перед собой ряд важных эстетических проблем, а также отражают ряд важных подходов к их решению, и, кроме того, демонстрируют, какими путями развивался феноменологический подход к эстетической проблематике и искусству. Том открывается статьей О. Беккера, посвященной специфике художественного творчества, само название которой «О хрупкости прекрасного и авантюризме художника» не только определяет свою особую проблематику, но и характеризует поэтический настрой феноменологической эстетической мысли самого автора. Работа М. Гайгера «К феноменологии эстетического наслаждения» ставит вопрос об уникальном характере эстетического удовольствия, актуальный для эстетической мысли со времени формирования философской эстетики в XVIII в., поскольку это удовольствие является чрезвычайно интенсивным, и одновременно характеризуется «незаинтересованностью», как бы выносящей его за пределы общего контекста человеческой деятельности. Свойство незаинтересованного эстетического удовольствия часто рассматривалось в трудах, посвященных эстетике, на протяжении всего времени ее развития и заставляло различных мыслителей обращать на него особое внимание, обнаруживая его значимость для характеристики духовной деятельности человека. Феноменологический анализ оказывается способным весьма структурировано и последовательно рассмотреть его

специфику. Следующий текст — это работа М. Дюффрена, видного представителя французской эстетической мысли, развивавшего ее в русле феноменологии. Мы представляем читателю введение к его книге «Феноменология эстетического опыта», где заявленная проблема представляется как целый комплекс вопросов, несмотря на то, что сам он искусственно намеревался ограничить круг своего исследования достаточно специфичными вопросами о природе зрительского восприятия искусства. Тем не менее такой комплексный подход указывает на особую значимость эстетического опыта для феноменологической характеристики восприятия в целом. И завершает подборку работа М. Риппира, мыслителя второй половины XX — начала XXI вв., в которой мы можем видеть развитие феноменологического анализа в направлении, созвучном проблематике новейших, в том числе постмодернистских, течений философии.

Третий том нашего издания обращается прицельным образом к феноменологической интерпретации поэтического творчества, к столкновению феноменологического взгляда с поэтической практикой. Это столкновение преобразует как феноменологию, так и эстетику, и мы получаем то, что получило название герменевтического анализа поэзии — философской герменевтики. Здесь представлены тексты двух авторов. Во-первых, читатель может познакомиться с обширным фрагментом работы П. Рикера «Живая метафора», которая прежде переводилась на русский язык

лишь совсем небольшими отрывками. В нашем издании представлены два заключительных очерка данной работы, седьмой и восьмой. Эти два весьма объемных текста достаточно хорошо и полно характеризуют теоретический герменевтический подход Рикера и основной круг поднимаемых им проблем. Дополняют же картину две небольшие работы Х.-Г. Гадамера, посвященные анализу поэзии Пауля Целана — то есть дающие великолепный пример герменевтической практики анализа поэтического текста.

Все переводы снабжены комментариями переводчиков и вступительными статьями, которые призваны облегчить читателю доступ к этим непростым текстам, и, как мы надеемся, помогут в этом нелегком, но очень интересном чтении.

Со своей стороны, как составитель и редактор этих трех томов, я бы хотела выразить благодарность всем переводчикам, скрупулезно работавшим над переводами этих текстов, редакторам переводов и авторам предисловий. Вместе мы проделали большую и, я надеюсь, очень важную и полезную работу. Отдельно я бы хотела поблагодарить издательства и владельцев прав, любезно предоставивших нам разрешение на печать переводов этих текстов. В заключение хотелось бы отметить, что вся эта работа стала возможной благодаря журналу «Horizon. Феноменологические исследования», на страницах которого переводы этих текстов были впервые апробированы.

Наталья Артеменко

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

Алексей Крюков

Время
и феноменология.
Об аналитике времени
в Бернау-манускриптах

Начало прошлого столетия ознаменовалось для истории философии знаменательным событием: появилась новое философствование. Такая удача, появление нового способа философствования в соответствии с определенным методом, с определенной «гигиеной ума», выпадает на долю далеко не каждого философского века. Вся творческая философская биография Эдмунда Гуссерля, основателя этой новой философии, была посвящена продумыванию основ нового способа мышления. Как и подобает крупному философу, Гуссерль начинал свою работу методично, с пересмотра основания человеческого знания, совершенно в картезианском смысле. С методической последовательностью появляются большие концептуальные работы: «Логические исследования» (1900/1901), «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), «Картезианские медитации» (1931), «Кризис европейских наук и европейская трансцендентальная феноменология» (1936). Эти, при жизни Гуссерля опу-

бликованные, а значит одобренные самим автором работы, имели одну важную цель, показать, как возможно новое феноменологическое мышление.

Сразу же сделаем большой смысловой скачок и «возьмем в скобки», минуем стадию объяснения основных феноменологических понятий, терминов, мыслительных ходов Эдмунда Гуссерля. Сразу тематизируем проблему, которая представлена в переведенных ниже манускриптах — это трансцендентальная проблема времени. С термином «трансцендентальный» связано много коннотаций, в первую очередь, история философии позволяет сопоставить различные трансцендентальные теории времени вообще и в частности Гуссерля и Канта. Мы помним, что для Канта время — это априорная форма, являющаяся условием трансцендентального схематизма, способствующего выявлению принципов функционирования 12-ти категорий рассудка. Время для Канта — основная, далее не обосновываемая априорная форма, фундирующая человеческое познание. Тогда какова природа трансцендентального времени у Гуссерля, и в чем ее отличие от кантианской? Заходит ли у него также речь о времени как о далее не обосновываемом элементе нашего познания, выводимы ли из него категории человеческого рассудка, и априорно ли оно? По поводу априорности ответ у Гуссерля положительный: так как трансцендентальное сознание, как его понимает феноменолог, базируется исключительно на аподиктических принципах, значит оно априорно по

своей сути. Что же касается феномена времени как условия для осуществления категориального опыта в смысле трансцендентального схематизма Канта, здесь ответ отрицательный. Гуссерль даже и не ставит вопроса о его необходимости. Тогда возникает вопрос, в чем же, в сущности, заключается отличие в трансцендентальной постановке вопроса о времени между двумя этими мыслителями? И для Канта, и для Гуссерля время — это внутренний феномен. Однако если для Канта время — это априорная форма, то для Гуссерля оно является внутренним интенциональным переживанием наряду с другими переживаниями. Если это так, то по отношению к нему возможна постановка вопроса о единстве акта переживания, которое может в свою очередь подразделяться на длительность как самого временного предмета, так и схватывающего его сознания. Иными словами, ставится вопрос о единстве и гомогенности временного потока переживания времени. И описание такой ситуации для Гуссерля является важной проблемой, тогда как для Канта такой проблемы быть не может в силу формальности временного априорного измерения. Другое важное отличие состоит в том, что у Гуссерля имеется допущение существования объективного времени, хотя наличие его для феноменолога не принципиально, поскольку предметом анализа являются данные трансцендентального сознания. Для Канта же время — это исключительно свойство субъекта, а существует ли объективное время вещей самих по себе — на этот во-

прос не может быть дано однозначного ответа. Также у Гуссерля не ставится вопрос о том, является ли время конститутивным условием для категорий, скорее ставится вопрос о возможности понимания условий возникновения самого времени. И на этот вопрос ответ у Гуссерля положительный — да, мы можем указать на такие условия.

Собственно, феноменология Гуссерля условно подразделяется на два типа феноменологий — статическую и генетическую феноменологии. Если первая занимается описанием способов конституирования смыслов вещей, обоснованием создающих их интенциональных актов, то второй тип феноменологии — это феноменология времени, или описания способов возникновения временных переживаний. К примеру, Гуссерль в одном из текстов, датируемым 1921 годом, различие между статическим и генетическим методом проясняет следующим образом. Исходной посылкой является общее положение о том, что теория сознания является теорией апперцепции.¹ При этом способ анализа возникновения апперцепции может существенным образом отличаться. Немецкий феноменолог указывает на два способа такого анализа. Первый заключается в том, что интенциональные апперцептивные акты рассматриваются в контексте различения но-

¹ *Husserl E. Gesammelte Werke, Bd. XI. Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten, 1918-1926 / hrsg. von Fleischer M. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff, 1966. S. 339.*

эзисных и нозматических структур. В этом случае, указывает Гуссерль, не идет речи о поясняющем генезисе. Другой же способ рассмотрения создает универсальное учение о сознании, конститутивную феноменологию, которая является уже универсальной наукой о всех возможных апперцепциях.¹ Резюмируя можно сказать, что в статическом анализе мы имеем дело с застывшими, или готовыми апперцепциями в контексте нозисных и нозматических структур, в конститутивной же или генетической феноменологии рассматривается всеобщность всех апперцепций, которая конституирует один и тот же предмет.² В последнем случае речь идет об историчности сознания, которая рассматривается уже в контексте анализа временных структур.

В этом пункте мы можем усмотреть и существенное отличие трансцендентальной феноменологии Гуссерля от трансцендентальной философии Канта: время в феноменологии — это переживание, а не априорная форма, интенциональный акт, который сам может конституироваться. Феноменология Гуссерля в отношении рассмотрения проблемы времени в определенном смысле глубже: задача феноменолога состоит в открытии новых способов описания конституирования временного переживания. Не время как априорная форма, но длящееся сознание времени как переживание становится предметом фило-

¹ Ibid. S. 340.

² Ibid. S. 345.

софского, феноменологического анализа. Собственно, генетическая феноменология как метод и есть тема переведенных в настоящем сборнике манускриптов.

Работы Гуссерля, посвященные проблеме времени, можно подразделить на три периода. Первый период охватывает 1905–1911 гг. и связан с обработкой и публикацией лекций по феноменологии внутреннего сознания времени 1904/1905 гг. (*“Vorlesungen zum inneren Zeitbewusstsein”*). Эти лекции и приложения к ним первоначально готовились к публикации Эдит Штайн, а в 1928 году они увидели свет под редакцией Мартина Хайдеггера, на основе уже подготовленных Штайн материалов. Следующий период связан с Бернау-манускриптами, текстами, которые писались в городке Бернау в период зимних каникул 1917/1918 гг. И третий, последний период рукописного творчества, связан с так называемыми С-манускриптами, написание которых датируется 1930-ми годами. Сам Гуссерль планировал издать все три текста, однако из выше перечисленных рукописей публикацию при жизни автора увидели лишь «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени», а Бернау-манускрипты (*“Bernau Manuskripte über das Zeitbewusstsein (1917/1918)”* Hua XXXIII, 2001) и С-манускрипты (*Späte Texte über Zeitkonstitution (1929–1934), Die C-Manuskripte*, Hua VIII, 2006) были опубликованы много позже, благодаря кропотливой работе сотрудников архивов Гуссерля в г. Лёвен (Бельгия) и г. Кёльн (Германия).

Малоизвестная классика

Три выше упомянутых текста объединяет проблема времени. Общая феноменологическая задача заключалась в том, чтобы дать адекватное описание временных процессов, протекающих в сознании. Начало методу было положено в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени» 1905–1911 гг. В отличие от учения Канта о времени как априорной форме сознания, учение немецкого феноменолога не получило широкого распространения среди философской публики, однако хорошо известно исследователям в области феноменологии. В этой специализированной среде указанный текст признан уже классическим. Прежде чем перейти непосредственно к Бернау-манускриптам, необходимо назвать исходные посылки и тезисы феноменологии времени у Гуссерля, представленные в этом первом тексте по проблеме времени.

Предметом анализа является имманентное протекание схватываемого временного объекта, в котором Гуссерль различает длительность временного объекта и длительность самого потока временного переживания. Один из его центральных тезисов заключается в том, что эти две временные длительности суть не одно и то же. Задача феноменолога в том, собственно, и состоит, чтобы попытаться дать адекватное феноменологическое описание процесса схватывания временного имманентного объекта временным имманентным сознанием, а затем объяснить способы синхронизации

этих двух длительностей. Три стандартных временных измерения: прошедшее, настоящее и будущее — остаются отправной точкой для анализа, однако с существенной феноменологической окраской. Главным моментом является так называемая точка первичной импрессии «теперь». Прошлое имеет название «ретенция», или удержание прошедших некогда актуальных моментов теперь, а будущее — «протенция», или предвосхищение восприятия. Своеобразие феноменологического анализа времени состоит в том, что не столько рассматривается парадокс взаимоперехода трех точек временного измерения, сколько в том, чтобы описать процесс удержания длительности временного объекта в сознании. Память о длящемся временном объекте и ретенциональное сознание — это не одно и то же — вот принципиальная установка временной аналитики Гуссерля. Это скорее некоторый отпечаток, шлейф удерживаемых временным сознанием некогда воспринятых точек, которые формируют представление о временном объекте. Память же позволяет проигрывать в нашем сознании некогда длящийся предмет, причем с различной, устанавливаемой сознанием скоростью. Однако, не смотря на то, что память и ретенция — это разные интенциональные акты, Гуссерль говорит о сущностном законе, позволяющем идентифицировать один временной объект, который может восприниматься либо как объект памяти, либо как длящееся восприятие, либо как и то и другое сразу. Немецкий феноменолог приводит свой излюбленный

пример: актуальное восприятие дома, и этот же дом, но проигранный в воспоминании, являют собой один и тот же временной феномен, который представлен в различных актах, в различных модификациях сознания. Тем самым постулируется идентичность того же самого временного объекта.

Другая проблема — это идентичность временного потока восприятия. Проблема, сформулированная немецким феноменологом, выглядит так: во временном потоке должна осуществляться идентификация как временного объекта (все актуальные и некогда актуальные точки «теперь» должны быть идентифицированы в одном временном объекте), так и самого акта восприятия (в сущности, речь идет об известной кантианской проблеме: каким образом можно идентифицировать переживание разрозненных актов сознания). Ответ Канта, как мы помним, носил название «трансцендентального единства апперцепции»). Ответ Гуссерля, не вдаваясь в аналитические подробности, таков: речь идет о структуре двойной интенциональности, когда имманентное сознание времени, конституируя временной объект (поперечная интенциональность), одновременно направлено на самое себя (продольная интенциональность). Тем самым гарантируется единство как самого длящегося временного объекта, так и единство воспринимающего его сознания.

В Бернау-манускриптах и позже в С-манускриптах эти феноменологические темы, понятия, связанные с проблемой времени, такие как ретенция, протенция,

актуальное восприятие в точке «теперь», идентичность временного объекта, идентичность временного протекания, синхронизация временных длительностей как временного объекта, так и протекания временного восприятия, они сохраняются. Однако разработка этих тем получает новую феноменологическую окраску, на что мы укажем ниже.

Бернау-манускрипты: история написания, стиль, структура

Одна из причин, почему Бернау-манускрипты не были подготовлены к печати, заключалась в самом в стиле написания: Гуссерль брался разрабатывать определенную тему, однако в процессе самого письма, как чисто моторной функции, как процесса начертания пером по бумаге, он переключался на смежные темы и проблемы, невероятно усложняя задачу систематизаторам его рукописного наследия приведения мыслительных ходов к единому знаменателю. Задача систематизации написанного и придания рукописям завершенного вида, предназначенного для ознакомления широкой феноменологической публике, возлагалась на редактора рукописного наследия, и первоначально Гуссерль хотел поручить подготовку манускриптов к публикации Роману Ингардену, однако затем он передал эту, так и не реализованную Ингарденом задачу, Ойгену Финку. В 30-х годах Гуссерль занят многочисленными публикационными проектами, как то «Опыт и суждение»,

«Кризис европейских наук и европейская трансцендентальная феноменология», подготовкой амстердамских и парижских докладов, что помешало осуществиться замыслу публикации Бернау-манускриптов. Гуссерль даже хотел опубликовать работу под двумя именами, своим и Финка, поскольку последний принимал активное участие в обсуждении и подготовке рукописи к публикации под общим рабочим названием “Zeit und Zeitigung” (время и временение). Но в таком виде и под таким названием книге не суждено было увидеть свет.

Приведем одну стенографическую заметку Ойгена Финка, в которой упоминаются основные мотивы написания Бернау-манускриптов: «Гуссерль хочет осуществить переработку Бернау-манускриптов: осуществить издание с его точки зрения наиболее важных результатов по сравнению с работой о сознании времени 1905–1910 гг, “оправдание учения Brentano-Аристотеля”, при помощи интенсивного феноменологического анализа, более полной *диаграммы*, рассмотрения проблемы индивидуации, которая уже подводит к проблематике “трансцендентальной логики”, что подразумевает рассмотрение учения о временности идеальных предметов. (Последнее уже находится в печати по другому поводу; а именно в переработке “Трансцендентальной логики”, осуществленной Ландгребе)».¹

¹ Перевод с немецкого (А. К.) приводится по: Einleitung der Herausgeber. In: *Husserl E. Gesammelte Werke*, Bd. XXXIII. Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/1918) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. S. XXV, XXVI.

Эта заметка сотрудника Гуссерля демонстрирует, во-первых, серьезность намерений родоначальника феноменологии в отношении публикаций Бернау-манускриптов, во-вторых, назван целый ряд рассматриваемых в этих текстах проблем. В 1933 году Гуссерль задумывает написание второго тома вслед за Бернау-манускриптами, посвященного проблеме времени, который нам известен под названием недавно опубликованных на немецком языке С-манускриптов, и который является третьей большой книгой, посвященной проблеме времени.

Несколько слов о принципах составления текстов. Как указывают сами издатели манускриптов, основным критерием составления сборника было место и время их написания: Бернау, 1917–1918 гг. Редакторам сборника пришлось решить важную методическую проблему: отсортировать имеющиеся в их распоряжении манускрипты по определенным темам. Было выбрано шесть смысловых блоков для рассортировки рукописного наследия Гуссерля, которые самим Гуссерлем явно и четко не назывались.¹ Также существовало и множество стилистических проблем: логическая аргументация феноменолога не всегда четкая, ясная и прозрачная, труден и метафоричен его немецкий язык, одна нераскрытая тема, не получившая свое-

¹ Einleitung der Herausgeber. In: *Husserl E.* Gesammelte Werke, Bd. XXXIII. Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/18) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. S. XXXI.

го завершения, внезапно обрывается и переходит в другую и также не получает своего четко сформулированного логического завершения, что совершенно контрастирует с опубликованными при жизни Гуссерля «официальными текстами».

При всех выше указанных трудностях составители разбили тексты на шесть тематических групп. Первым номером, по их свидетельству, выбирался текст, который наиболее полно освещал общую тематическую проблематику, за ним следовали манускрипты, по смыслу связанные с первым номером, но освещающие уже конкретные частные проблемы. Такое продвижение от общего к частному позволяет получить наиболее полную картину в попытке разработки новых тем, посвященных проблеме времени, во второй книге Гуссерля. Нельзя не учитывать и историко-философский факт, заключающийся в том, что ко времени написания Бернау-манускриптов уже были опубликованы «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), а это должно было иметь как минимум то последствие, что в этом тексте обязательно должны были быть рассмотрены темы редукции, отношение сознания времени к чистому Я, определение гилетических моментов интенциональных актов касательно временной проблематики. Поэтому все вкратце перечисленные темы, которые разрабатывались и рассматривались в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», неизбежно должны были получить новое звучание.

Выше мы уже указывали, что феноменологию Гуссерля можно рассматривать как статическую, т.е. такую, задача которой состоит в выяснении сущностных принципов трансцендентального интенционального сознания, центром которого является сначала чистое (в более ранних работах, начиная с «Идей»), а затем трансцендентальное Я (поздние тексты Гуссерля), и генетическую, в которой описываются принципы понимания длящегося восприятия. Бернау-манускрипты — книга, в которой изложены принципы генетической феноменологии.

Основные идеи Бернау-манускриптов

Исходной точкой анализа феноменологии времени Гуссерля явился тезис, что восприятие временного объекта также является актом, длящимся во времени, поэтому существует необходимость объяснения феномена длящегося восприятия.¹ Сразу укажем на одну из наиболее важных исходных тем, которая специально рассматривается в Бернау-манускриптах. Этой темой является попытка определения так называемого прото-процесса (Urprozess)², т.е. представлена попытка фе-

¹ Ibid. S. XXXII.

² В представленных в этом сборнике переведенных текстах Бернау-манускриптов данный термин переводится как «прото-процесс». Здесь мы предложим также синонимы для лучшего понимания этого важного термина: первичный или изначальный процесс.

номенологического схватывания всего акта временно́го переживания в его первичной перводанности. Она производится в рамках все той же, уже привычной нам схемы ретенционально-протенционального удержания временного объекта. Но в отличие от «Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени» в Бернау-манускриптах намечаются новые «сюжетные» линии. Во-первых, эксплицитно подчеркивается, что ретенция — это модифицированное сознание настоящего (*Urgegenwart*). Во-вторых, особая роль отводится протенции в формировании актуальности временно́го переживания. В-третьих, проблема решения вопроса о бесконечном регрессе временно́го восприятия получает свое новое решение в Бернау-манускриптах.

Гуссерль указывает на принципиальный момент своей временно́й аналитики, заключающийся в том, что первичный процесс временно́го схватывания обязательно является интенциональным сознанием.¹ Это значит, что в потоке временно́го восприятия нет и не может быть безинтенциональных моментов. В принципе несложно было бы предположить существование некоторого первичного гилетического безинтенционального восприятия, которое в дальнейшем могло бы быть модифицировано и стать интенциональным

¹ *Husserl E.* Gesammelte Werke, Bd. XXXIII. Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/1918) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. S. 6.

в силу различных механизмов функционирования феноменологического метода. Эта возможность, по мысли Гуссерля, исключена категорически: существует одно интенциональное восприятие во всех своих конституирующих моментах.

Феноменологическое описание протопроцесса выглядит следующим образом: актуальное восприятие как бы оказывается зажатым между двумя актами, ретенцией и протенцией, и оно само не столько сам акт восприятия, сколько пограничный момент между первыми двумя. В Бернау-манускриптах появляются новые нотки в определении этих двух первичных актов. Так, ретенция — это не акт приведения к настоящему (*Vergegenwärtigung*), и ни в коем случае не репродуктивное воспроизведение прошлого, не воспоминание, но модифицированное сознание в виде настоящего восприятия прошлого. В Бернау-манускриптах появляются новые мотивы и в определении протенции. Она играет более важную роль для определения протопроцесса, чем в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени». Протопроцесс является постоянно наполняющимся протенциальным процессом, направленным в бесконечность (!)¹, которому противопоставлен горизонт восприятия того, что актуально в своей возможности. Важно то, что новая протенция — это не бесконечные интенциональные акты, но продолжение одной и той же временной интенциональности. Новая протенция является модификацией

¹ Ibid. S. 30.

прошедшей. Тогда схема протекания временного восприятия в контексте новой смысловой нагруженности понятия «протенция» несколько изменяется: уже не столько ретенция играет основную роль, как фиксирующая факт некогда свершившегося временного протекания, сколько протенция формирует первичный процесс, являясь интенциональным актом наполнения некогда пустого ожидания.

Протенция, по сути, устроена также как и ретенция: пустое переживание ожидания становится наполненным, но в любом случае решающую роль играет акт первичного схватывания временного предмета. К определению первичного схватывания Гуссерль приходит через попытку определения оригинального сознания. Оригинальное сознание Гуссерль называет еще наглядным сознанием, которое отличается от ненаглядного. В наглядном непосредственном сознании исполняется полнота восприятия, ненаглядное же сознание еще требует своего наполнения. Тогда, по мысли автора, непосредственное наполненное сознание есть не что иное, как актуальное живое настоящее (*leibhafte Gegenwart*), в непосредственной актуальности которого дан временной предмет так, как он есть. Это так называемый ноль-пункт сознания, в котором осуществлена наивысшая наполненность восприятия временного предмета. Итак, ясность, наивысшая степень наполненности, актуальность — вот что характеризует живое настоящее.¹

¹ Ibid. S. 40.

Особое место Гуссерль уделяет в Бернау-манускриптах еще одному состоянию сознания, о котором в прежних текстах было мало сказано. Кроме таких актов как ретенция, протенция, воспоминание, феноменолог рассматривает еще один важный момент в структуре сознания времени — фантазию. Это состояние сознания является актом, близким ретенциональности. Гуссерль не проводит однозначного различия, говоря об этих актах, и проводит параллель между ними, когда говорит о ясных и неясных ступенях (фантазийных и ретенциональных) сознания. Мы приведем здесь в тезисной форме без особого анализа лишь основной критерий отличия фантазия от воспоминания: фантазия — это не реальное содержание сознания.¹

¹ Различие между фантазией и ретенциональной памятью в частности, и другими актами сознания, такими как воспоминание, воображение, предвосхищение и т. д. в целом, является сложным вопросом, который не находит однозначного ответа в текстах Гуссерля. Однако в последнее время возрастает исследовательский интерес к нахождению тонкого различия между этими актами. Мы остановимся только на конкретном отличии фантазии и воспоминания, о котором здесь идет речь, и которые Гуссерль именно на этих страницах использует как синонимы. Так, с точки зрения современного исследователя Марко Кавалларо, который в свою очередь основывает свои рассуждения на размышлениях Ойгена Финка, одно из различий между фантазией и воспоминанием (репрезентацией) заключается в том, что последнее — это некогда бывшее, «старое» восприятие. (См.: *Cavallaro M. The Phenomenon of Ego-splitting in Husserl's Phenomenology of Pure Phantasy. In: The Journal of the British Society for*

Тема единства сознания и связанная с ней попытка избежать опасности бесконечного регресса (уходящее в бесконечность сознание сознания восприятия временного объекта) в Бернау-манускриптах проговаривается заново и отчасти получает свое новое решение.¹ Сознание одновременно является не только сознанием первичных предметов (*primäre Gegenstände*), но также и вторичных (*sekundäre Gegenstände*), направленных на объект. Это значит, что выше описанная схема осуществления единства сознания повторяется, но с новыми акцентами, и речь заходит в этой связи об опосредованной двойной интенциональности, с одной стороны — на непосредственный временной объект, а с другой стороны — на сам акт.²

Phenomenology, 2016. P. 5) А это значит что фантазия, в основании которой не было реального восприятия, не обладает и реальным содержанием. По поводу фактического сходства терминов фантазия и воспоминание см. также: *Детистова А. С.* Феноменологический проект М. Ришира: фантазия как измерение феноменологического // Вопросы философии. №6, 2012. С. 143. О различии между памятью, с одной стороны, и воображением, фантазией и галлюцинацией — с другой, см.: *Casey E. S.* Imagination, Fantasy, Hallucination, and Memory. In: Philips J., Morley J. (Eds.). Imagination and its Pathologies. MIT Press, Cambridge, 2003. PP. 4-87.

¹ См. также примечания переводчика к тексту № 13. С. ... настоящего издания.

² *Husserl E.* Gesammelte Werke, Bd. XXXIII. Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/1918) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. S. 10.

Как мы уже указывали, появление новых работ, увидевших свет до написания Бернау-манускриптов, а как следствие и новых феноменологических понятий, вводимых в этих текстах, оказало влияние на метод рассмотрения временной проблематики. Речь идет о таких понятиях, как «Я», «гилетическое», «редукция», активно используемых в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии». Эти же концепты активно применяются и в Бернау-манускриптах. Анализ позиции «Я» связан с уже упомянутой проблемой идентичности. Временной поток сознания идентифицируется не только продольной интенциональностью, как в Лекциях 1905 года, но и позицией Я, которая является эманлирующим центром временного схватывания. Гуссерль идет в Бернау-манускриптах дальше и ставит своей задачей описать способ достижения гилетической перводанности временного потока, конституируемого Я. При этом он использует метод редукции: чтобы постичь гилетическую первичную временность, нужно совершить новый тип редукции к самости временного потока. Здесь мы сталкиваемся с определенным парадоксом: попытка схватить Я проблематична, поскольку Я хоть и является центром интенциональной эманации, но оно как бы и не существует, оно — функция, но не конкретный предмет. Оно и существует и не существует, оно вне времени, но является условием протекания временности, является Я-центром, из которого эманлируется всякая временность. Несмотря на определенные

трудности в схватывании гилетического процесса временной самости и временного-вневременного Я, мы все же имеем дело с определенным результатом: Я временного переживания — гарант идентичности временного потока, имеющего фундирующую роль в феноменологическом поле.

Необходимо сказать несколько слов о проблеме индивидуации, которая была одной из важных, по словам Ойгена Финка, в Бернау-манускриптах. Данная проблема заключается в следующем: необходимо идентифицировать интенциональные данные временного объекта, которые даны нам в различные моменты различных модификаций восприятия (в фантазии, в воспоминании, в длительности временного схватывания). Гуссерль говорит в этой связи об индивидуальной сущности соответствующего предмета.¹ Индивидуация (этот термин можно было бы с полным правом заменить на термин «идентификация») того же самого предмета при первом феноменологическом объяснении осуществляется следующим образом: в актуальном восприятии теперь оригинального сознания происходит восприятие предмета; этот предмет переходит затем в ретенциональное содержание, но при этом сохраняет идентичность того же самого предмета. Иными словами, линейность временного акта идентифицируется с одним и тем же предметом, а тем самым осуществляется индивидуация. Эта схема нам хорошо известна из ранних работ, но в Бернау-манускриптах

¹ Ibid. S. 290.

появляются новые оттенки решения проблемы индивидуации-идентификации. Гуссерль вводит понятие объективного времени, в котором каждый момент «теперь» являет собой форму идентичности того же самого предмета.¹ Тогда длительность конституирует себя как становление, которое в каждый момент производит новое бытие, являющееся идентичным с предыдущим. Т. е., как мы видим, проблема решается не только в плоскости линейного протекания времени, но появляется и онтологическая проблематика. В этой связи Гуссерль различает два понятия “*Sosein*” и “*Dasein*”, понимая их как действительность и возможность.² Каждый «индивидуум» (Гуссерль использует этот термин, говоря об индивидуумах в предельно широком смысле: «данная индивидуальная вещь») представляет собой идентичность в настоящем (действительность), коррелирующую с идентичностью в возможности. Под последней понимается бесконечное количество положений «здесь и сейчас», которые может занять индивидуум, и которые представляются в фантазии (во временной аналитике на этом этапе возможность в фантазии рассматривается как синоним протенциональной составляющей временного восприятия).

Аналитика индивидуума осуществляется Гуссерлем в аристотелевском духе, когда он различает протекающие частных, с одной стороны, и общих, родовых

¹ Ibid. S. 294.

² Ibid. S. 299.

свойств индивидуума, с другой. В имманентном сознании времени различаются фазы протекания предметности со своим внутренним порядком и внутренним временным потоком, в котором различается протекание как конкретных свойств, так и родовых свойств предмета.¹ Общее (или родовое) в отличие от частного, конкретного свойства, воспринимается и дается сразу в любой момент, не увеличивается и не уменьшается в своей длительности. Общее дано здесь и сейчас сразу и целиком, наличествует без различий в любой момент протекания временного объекта, без каких бы то ни было дифференциаций. Мы имеем дело с определенной градацией временного восприятия: во-первых, сознание времени схватывает временной объект во всех его фазах, с учетом как его ретенциональных, так и протенциональных составляющих, об этом было уже довольно много сказано, во-вторых, сущностное схватывание, о чем речь заходит именно в Бернау-манускриптах, осуществляется сразу же, в полном объеме, без увеличения или уменьшения его содержания во времени восприятия.

* * *

Представленные ниже переводы некоторых манускриптов Гуссерля с немецкого на русский язык являются несколько сложной, настолько и уникальной задачей: познакомить русскоязычного читателя с ру-

¹ Ibid. S. 310.

кописным наследием родоначальника феноменологии. Уже сама по себе попытка ретрансляции мысли Гуссерля с немецкого языка на русский — задача явно не из легких: опытный читатель немецких текстов Гуссерля прекрасно понимает, сколько интеллектуальных усилий требуется только для чтения известных произведений феноменолога, ставших классическими, прошедших через редакторскую правку и одобренных самим автором к публикации. В случае же перевода рукописного наследия переводчик сталкивается с еще большими трудностями: эти тексты характеризует фрагментарное, сокращенное, лаконичное, не всегда литературное выражение зачастую не выверенных и логически незаконченных мыслей. Эти рукописи в том виде, как они сохранились, не предназначались для публикации и должны были быть в дальнейшем тщательнейшим образом переработаны и подготовлены к печати. Сотрудниками Гуссерль-архивов в Лёвене и Кёльне была проделана огромная работа по дешифрированию рукописного наследия. Российским переводчиком была предпринята попытка ретрансляции расшифрованных манускриптов на русский язык. Значение переведенных текстов сложно переоценить: во-первых, российский читатель получает уникальную возможность ознакомления с мыслительными ходами родоначальника феноменологии, с его идеями, которые могут в дальнейшем помочь самостоятельному исследованию по теме времени; во-вторых, сам стиль представленных здесь манускриптов указывает

на то, что феноменология — это не завершенная система, и с чтением каждого, зачастую не очень ясного и не до конца понятного в силу стиля написания текста Бернау-манускриптов, феноменологическое дело только начинается.

Феноменология — это сам процесс построения системы, который в силу заложенной изначально методической предпосылки не позволяет поставить окончательную точку.

Алексей Крюков

Эдмунд Гуссерль

Бернау-манускрипты
о сознании времени
(1917/1918)

III. К вопросу о применении модели содержания и схватывания при анализе исходного сознания- времени, а также к вопросу об опасности бесконечного регресса¹

[210] № 11 <СОДЕРЖАНИЕ
И СХВАТЫВАНИЕ В ПРОТОПРЕЗЕНТАЦИИ,
РЕТЕНЦИИ И ПРОТЕНЦИИ>²

§1. Фундаментальные факты сознания времени

1) Итак, имеется сознание протонастоящего, в котором нечто сознается как протонастоящее, как теперь сущее. Содержание сознается (в значении сознания) в качестве Теперь, и это Теперь является формой этого содержания.

¹ Перевод выполнен по изданию: *Husserl E. Gesammelte Werke, Bd. XXXIII. Die "Bernauer Manuskripte" über das Zeitbewußtsein (1917/1918) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. S. 210-288. Печатается с любезного разрешения издательства Springer Science+Business Media B.V. © Springer Science+Business Media B.V.*

² В тексте в квадратных скобках — вставки переводчика и номера страниц оригинала, в угловых скобках — вставки редактора, в круглых скобках даны немецкие термины курсивом. — *Прим. пер.*

2) Сознание протонастоящего превращается в континуум сознания прошлого, и в этом континууме содержится то же самое содержание в непрерывно модифицирующейся форме, в форме прошедшествей (*Vergangenheiten*). Они образуют, начиная от нулевой точки протонастоящего, устойчивый континуум. Принадлежащее протонастоящему является тем, что оно есть, в переходе к бытности прошедшим, и является прошедшим как таковым, следовательно, не является больше настоящим. Прошедшее, однако, само находится в потоке, оно таким же способом изменяется в нечто ещё более отдаленно прошедшее, также как и настоящее в «ближайшее прошедшее». Прошедшее есть как таковое, это значит, что имеется настоящее, а именно как сознание в настоящем этого прошедшего, и в нем (в сознании в настоящем) это прошедшее есть «как таковое»; и это вторичное настоящее вновь изменяется, становясь чем-то прошедшим и т. д.

Континуум сознания протонастоящего и сознания прошлого есть континуум потока, в котором из сознания протонастоящего вытекает все время новое сознание, которое само является сознанием настоящего, и хотя оно есть сознание настоящего относительно «только что бывшего», при этом оно также обозначается как сознание прошедшего, поскольку то, что оно первично осознает, в свою очередь представляет собой модификацию настоящего, которое само не является модификацией. Сознание протонастоящего есть сознание чего-то исходно немодифицированного. И оно само осознано как немодифицированное. Всякое дру-

гое, проистекающее оригинальное (*entquellende*) сознание, хоть и является настоящим, но характеризуется как модификация другого сознания, и то, что оно осознает, характеризуется как модификация чего-то другого. Таким образом, есть [211] настоящее, которое осознает другое, более исходное настоящее. Проистечение постоянно нового сознания настоящего из сознания протона настоящего в то же время является проистечением все время нового настоящего, а не протона настоящего, и обладает, однако, одновременно новым свойством.

3) Всякое сознание протона настоящего обладает некой протяженностью в том смысле, что к фазовой точке сознания протона настоящего постоянно присоединяется вновь и вновь новое сознание протона настоящего. При определенных обстоятельствах это присоединение производит сознание чего-то ддящегося, например ддящегося тона. Ко всякой фазе этого континуума протона настоящего, который есть проистечение все время нового протона настоящего, принадлежит континуум прошедших как серия (также нозтически-конститутивно).

4) Протона настоящее может постоянно смыкаться в единство ддящегося протона настоящего, как это было показано только что; но может также присоединяться дискретное новое протона настоящее к постоянному протона настоящему (к «ддящемуся» протона настоящему). Но это, как и все остальное, возможно только в качестве «длительности».

Оба проистечения — постоянное, возникающее из протона настоящих (*Urgegenwärtigkeiten*) и то, что возникает в прошедших — неразделимо едины таким об-

разом, что сознание непрерывно нового протонастоящего (или отдельных новых протособытий) возможно только посредством погружения в прошлое всякой фазы и отрезка. Со всякой фазой протонастоящего сплавлено настоящее прошедшествей как прошедшествей, которые принадлежат к единству того же сознания события. Следует отдельно рассмотреть, что обеспечивает это единство. Так как погружающиеся в прошлое фазы некоего нового, «второго» события не «сплавляются» с фазами первого; хотя даже здесь есть некоторая общая форма связи: одновременность и временная последовательность. Например, шум на лестнице или шелест дождя и мелодия, которую в то же время играют на пианино. Каждое из названного образует для себя единство события, но в рамках одной временной формы. То есть, мы должны различить конституцию этой всеобщей формы и конституцию различных, то одновременных, то следующих друг за другом событий.

[212]

§2. Протопрезентация, ретенциальная модификация, сознание фантазии

Если мы начнем более подробно рассматривать построение время-конституирующего сознания, то приходим к протофакту процесса. Об этом протофакте мы знаем, что он является процессом, поскольку конституируется для себя самого как процесс. Мы приходим к построе-

нию из фаз, <состоящих> в свою очередь из фазы немодифицированного сознания и непрерывности дальнейших фаз, которые являются модифицированным сознанием (ранее не модифицированных фаз), и при этом модификациями непрерывно различных уровней.

Как протопрезентация несет в себе данные ядра («реальные»¹, если она содержит эти данные, не модифицируя), так и всякая проторетенция несет их в себе, но не реально, если она содержит в себе эти данные как модифицированные. А именно, проторетенция как модификация — это модификация другого сознания с данными ядра, и несет в себе данные ядра другого сознания модифицированным и не реальным образом. При этом модификация для сознания и содержание являются непрерывно опосредованными, а также ей свойственна градация ясности и темноты. Подобное нам известно из фантазии. Фантазия может представлять нам предметность как с различной степенью ясности, так и полностью смутным и не наглядным образом. Также в фантазии могут возникнуть замещающие моменты, что вполне можно понять, если мы позволяем смутному сознанию вытеснить наглядное.

¹ Для перевода неологизма «teell» используется калька «реальное». Гуссерль различал реальное и интенциональное содержание сознания. Термин teell нужен Гуссерлю, чтобы обозначить феноменологическое содержание сознания, которое при этом не является интенциональным; различая real и teell, он пытается разнести «феноменологически реальное» и то, что принадлежит «объективной реальности, данной нам в ощущениях». — *Прим. пер.*

В нашем случае градация ясности и смутности следует за градацией ретенциальных модификаций. В общем, никак нельзя будет предположить определенный уровень ретенции, в котором ретенция достигла бы нулевой точки смутности и перешла бы в пустую ретенцию. Когда внимание и особенный интерес выделяют некий отрезок, то ясность удастся сохранять сравнительно дольше, хотя и невозможно избежать обеднения ясности или, тем более, достигнуть полной ясности начала. Это обеднение здесь того же рода, что и обеднение данностей восприятия, а именно данных ощущений в форме [213] «снижения интенсивности». Ясность всякого содержания восприятия может снизиться вплоть до нулевой границы. Это снижение затрагивает все конкретное содержание. Содержание становится все время все более тусклым и, в конце концов, исчезает.

Теперь здесь возникает большое затруднение. В потоке ретенций мы имеем постоянный переход сознания к протопрезентации, и при этом данные ее ядра постоянно переходят в данные ядра ретенции.

Под этим подразумевается:

[1] что действительные, реально осознаваемые данные ядра в постоянном следовании протопроцесса переходят (причем постоянно) в ирреальные¹ данные ядра и

[2] что в вертикальной непрерывности в один момент едино осознанных ретенций (в единстве с относящимся к ним точечным протопрезентациям) возникает единство моментального сознания отрезка только что

¹ То есть — интенциональные. — *Прим. пер.*

протекшего события, в котором протекшие данные ядра осознаются одновременно в единстве с оригинально осознанным в модусе постоянно изменяющейся данности, а именно, <в> своеобразно модифицирующем модусе ретенциальности. Почему это должно вызывать затруднение? А оно все же возникает, этому действительно учит имманентное созерцание. Мы находим отрезок события, относящийся к моментальному теперь, и в соответствии с его «материей» он дан как континуум данных ядра, значимых лишь в качестве прошедших, но так, что они осознаются в модифицированном модусе «Прежде» (Только-что-Прошедшего) на четко определенном меняющемся уровне, к тому же в некоем постоянно распределяющемся по ступеням модусе ясности (интенсивности).

Можно возразить: в «Теперь» есть только точка настоящего события, действительно даны только ему принадлежащие данные ядра. С другой стороны, в общей фазе моментального сознания события мы обнаруживаем заключенным в живой наглядности континуум данных ядра, притом так, что мы вынуждены сказать, что все есть «ощущение», а не чисто сознание или репродукция. Относительно отрезка события, который является моментально-наглядным, мы говорим, что он «еще» в восприятии (подобно тому, как мы называем даже событие в целом, пока оно продолжается, «воспринимаемым»), до тех пор пока имела место протопрезентация. Но когда речь идет о соответствующем наглядном (*anschaulichen*) отрезке [214], мы полагаем, что

у нас есть полное право утверждать, что наглядное является в действительности восприятием, выходящим за рамки протонастоящего, и если мы при этом не хотим отрицать модификацию только что бывшего, то кажется, что мы должны обосновать речь о «восприятии» с помощью континуума данных ощущений. Мы говорим себе: то, что мы в действительности находим в общей моментальной фазе (отрезка), это континуум данных ощущений, который выступает в качестве репрезентанта схватывания прошлого; посредством настоящего мы созерцаем прошедшее, подобно тому, как мы воспринимаем картину или «видим» на картине не присутствующую в настоящем личность.

Можно возразить: верно, что мы в случае таких ретенций обнаруживаем чувственное содержание как ядро и отличаем его от прошлого содержания, которое входит в прошлую точку события в качестве его материи. Мы согласны с тем, что обнаруживаемое в ретенциальном моменте беднее по полноте интенсивности. И оно есть сейчас, тогда как прошедшее не есть сейчас. Также проходящий все фазы отрезка континуум протяжен вплоть до точки протонастоящего. Этот континуум, находится целиком и полностью в сознании моментального события таким образом, что мы склонны рассматривать его как континуум ощущений, сопряженных с такой формой сознания, в которой в градациях ясности являются, представляются в настоящем также и градации прошлого (соответственно прошлые точки отрезка события).

Несомненно, речь идет не о репродукции или просто фантазии. Также фантазия или репродукция (воспоминание) могут быть весьма живыми, и мы знаем, что в таком случае имеют место случаи сомнения, а именно на других уровнях интенсивности ощущений и, соответственно, восприятия. Это «еще слышно» или это живая «фантазия», звонит ли еще колокол, или он уже замолк, и я имею дело с живой фантазией, которую я принимаю за действительно услышанное? Здесь налицо колебание между восприятием и исполненной протенцией (ожиданием) и фантазией (как квази-исполняющим восприятием); и это колебание при более детальном рассмотрении оказывается даже не совсем таким, а скорее колебанием в последующей ретенции (или припоминании), относительно того, было ли это действительно восприятие или фантазия, а также [215] неуверенностью, было ли действительным восприятие, поскольку при столь слабых интенсивностях в опыт легко могут вкрадываться заблуждения, что еще не значит, что это была фантазия, а значит как раз, что это было недействительное восприятие. Всякий раз восприятие является нам как все менее «интенсивное», с чрезвычайно неясными объектами и не отличается разительно от соответствующей фантазии. И все же мы не можем приписать реальные содержания ощущений фантазиям. Воображаемые данные тона или данные цвета это не обнаруживаемые в настоящем данные ощущений, а только воображаемые или репрезентации в воображении чего-то друго-

го. Всякая фантазия была бы тогда одновременно и ощущением, в фантазировании мелодии содержалось бы одновременно и восприятие мелодии. Воспринятая (ощущаемая) мелодия может служить для того, чтобы, образно представляя, привести другую к настоящему, но в таком случае я имею совсем другой феномен по сравнению с феноменом некоей фантазии, в которой, как она сама свидетельствует, чувственные данные даются в модификации фантазии, а не как принадлежащие настоящему, образно или как-то иначе представляющие не данное в настоящем.

Это однако не исключает, что, в случае слабой интенсивности чего-то созерцаемого, восприятие и фантазия одного и того же выглядят весьма сходно. Также и соразмерное восприятию наглядное прерывается большей неясностью и т.д. Сюда относится всеобщее сродство квази-равного. Также чрезвычайно живая устойчивая фантазия родственна соответствующему восприятию: «Мое представление настолько живо, что для меня все так, “как если бы” я это воспринимал».

§3. Протопрезентация и ретенция как схватывания реально содержащихся данных

В случае ретенции сложность состоит в том, что «протовосприятие», протопрезентация непрерывно переходит в ретенцию и при этом сквозным постоянно остается единство чувственного содержания и единоо-

бразная градация ясности это содержания. Кажется, будто все здесь свидетельствует о том, что чувственное содержание реально заключено не только в протопрезентирующем мгновенном сознании, но и во всякой дальнейшей ретенциальной фазе оно не менее реально; то есть, что реально наличествует (*vorliegt*) непрерывность чувственных содержаний, [216] так что она «одухотворена» (*beseelt*) посредством непрерывности «схватывания» и непрерывности сознания, и посредством этого осуществляется предметное конституирование.

Конечно, в связи с этим теперь не следует думать о схватывании в привычном смысле, предполагающем предмет, то есть о фундированном сознании. Это исключено. Для того чтобы еще раз показать это, можно исходить из конкретной ретенции, учитывая то, как она примыкает к только что услышанной предметности ощущения¹ после его прекращения, к некой последовательности тона или констелляции цветов, взятых лишь так, как они даны в ощущениях. Здесь последовательность тона не есть предмет в настоящем (реальное событие), который в свою очередь посредством схватывания репрезентирует прошлое (подобно тому, как схватывание воспринимает в опыте чувственный аспект и посредством этого осознается предмет в пространстве). Тогда очевидно, что конкретная ретенция непосредственно после окончания события выстраи-

¹ Еще одно размышление для того, чтобы показать, что ретенции не являются «схватываниями».

вается из проторетенций того же рода, что действуют (*fungieren*) в качестве таковых в воспринимающем сознании события тона. Конкретная ретенция окончившегося события все же полностью однородна (начиная с тождественной сущности и кончая способом влеченности) с той ретенцией, которая конституирует конкретный фрагмент воспринятого события, а именно, тот его фрагмент, который уже окончился.

Если конкретное сознание является фундированным, то каждая фаза его всякий раз фундирована и наоборот, всякая фаза фундирована, <так же> как и сознание конкретного события. Проторетенции, следовательно, определенно не фундированы, у них нет данных схватывания (репрезентантов) и нет основывающихся на них схватываний, репрезентирований в производном и несобственном смысле. Таким образом, установлено, что, если мы принимаем в протопрезентации и в присоединяющихся ретенциях непрерывность данных протоощущений, протоданное для протопрезентации и для относящихся к той же точке события ретенций «стихания» этого протоданного, то они не могут функционировать в качестве репрезентантов. (N<ota> B<ene>: причем под стиханием понимаются как раз ретенциальные ядра, а [217] не отзвуки протоданных, которые образуют продолжающиеся моменты настоящего (*Gegenwartigkeiten*) параллельно конституирующему протеканию и в качестве таковых претерпевают собственное конституирующее время схватывание.)

Что теперь еще остается? Если мы назвали ядра данными ощущений, то следует обратить внимание на то, что данные ощущений (гилетически) означают в некотором смысле предметы во внутреннем сознании-времени, и это нормальный смысл этого выражения. Но что должно означать данное в ощущениях в случае ядер исходного сознания времени?

Можно было бы ответить следующим образом: если мы попытаемся и дальше придерживаться воззрения, согласно которому чувственные данные в протопрезентации и в ретенции представляют собой сущностно-равные «реальные» составляющие, то что дает нам повод так рассуждать и что за этим кроется? В рефлексии в каждой фазе мы обнаруживаем разделение: 1) протоданное, а именно чувственное ядро, 2) тот модус сознания, в котором оно в качестве оригинально данного осознается и соответственно схватывается в качестве Теперь. В каждой ретенции: протоданное, «схватывание» (способ сознания (*Bewusstseinsweise*)), в котором схватывается прошедшее протоданное. Можно предположить сказать, что за этим крылось бы также некое фундирование, только как раз не столь трудно опровержимое как в случае трансцендентного восприятия. Оно предполагает устойчивый временной объект, протяженный в феноменологическом времени. Об этом здесь, конечно, речи не идет. Но его место занимает здесь протообъективация как моментальное полагание-Теперь. Протопрезентация не фундированно полагает Теперь, она является изначальным сознанием (*Originärbewusstsein*) сво-

его содержания. Ее содержание не есть что-то для себя, оно — только то, что оно есть в качестве содержания, в данном случае содержания протопрезентации. В ретенциях встречается принципиально однородное содержание и оно также есть то, что оно есть, в качестве содержания протопрезентации, при этом оно также есть теперь. Но эта моментальная презентация является фундамирующей для некоего дальнейшего способа сознания, а именно нового ретенциального способа, сознания прошлого. В каждой дальнейшей ретенции возрастает градуальность (постоянная опосредованность) ретенции, и в качестве фундамента всегда остается содержание настоящего, которое моментально «конституируется» посредством сознания-настоящего.

[218]

§4. Уровни интенциональных стиханий как уровни схватываний реального содержания

Мы должны были бы также сказать: пока возникает все время новый отзвук (*Abklang*) в качестве нового настоящего, он ретенциально схватывается, соотносаясь с предшествующим. Это ретенциональное схватывание является, однако, новым настоящим, которое в свою очередь стихает. И это стихание снова схватывается в соотносении с предшествующим.

E_0 переходит в $R[E_0']$, а тот в $R[\{R[E_0']\}]$. Что такое тогда $(R[E_0'])$? E_0' должен быть моментальным содер-

жанием в настоящем, которое схватывается как таковое и в котором представляется только что прошедшее. Это сознание со своим презентующим содержанием в стиханиях, которое должно было бы тогда быть результатом настоящей модификации, а этот результат в свою очередь переживал бы новое фундированное схватывание в качестве прошедшего только что истекшего. При этом теперь E_0' модифицируется в E_0'' , а R в R' , но это R' было бы еще не более высоким уровнем ретенции, а было бы настоящим, лишь схваченным посредством нового R . Таким образом, мы бы имели $R\{(R[E_0'])'\} = R(R'[E_0''])$ и там содержались бы $R R'$ и $R(E_0'')$.

(Так, когда внешнее восприятие (как моментальная фаза) переходит в другую фазу, схватывание восприятия также ретенционально модифицируется, как и презентующее содержание). $R R'$ была бы ретенцией предшествовавшего момента схватывания, а $R(E_0'')$ была бы схватыванием, которое интенционально соотносится с E_0' . Все $R(R'[E_0''])$ ретенционально соотносилось бы с $R(E_0')$, а через него и с E_0 . Это было бы очень похоже на опосредованную образность (*Bildlichkeit*), <например> образность фотографии, <которая> представляет собой изображение гравюры, которая в свою очередь является изображением картины. Мы бы имели, таким образом, нечто вроде непрерывной модификации с непрерывной образностью. Так продолжалось бы и далее. И, вероятно, вышеуказанные законы действительно так и стоит понимать и разъяснять.

Основным законом было бы: всякое протоприсутствующее данное оставляет за собой непрерывные отзвуки, «первый» отзвук вновь является моментально данным в присутствии, но отличается от протоприсутствующего тем, что в первом отзвуке в единстве с моментально данным осуществлялось бы схватывание того же данного в качестве (образного) репрезентанта момента протозвука. [219] В следующей фазе предшествовавший акт вместе со своей фундирующей основой, в которой он сам дан в настоящем, переходят в отзвук и вновь переживают схватывание прошлого, в котором, таким образом, налицо сознание сознания первого протоприсутствовавшего данного и заключена, таким образом, интенциональность второго уровня, которая позволяет обратить рефлексия на первую интенциональность и посредством последней — на первое протоприсутствующее данное в модусе его интенциональной данности.

Итак, подобный взгляд целиком может быть проведен последовательно и непротиворечиво. Можно бы было возразить: каким же образом, если последовательность протоприсутствующих данных $E_0 E_1 \dots E_n$ точно согласуется с рядом стиханий $E_0 E_1 \dots E_0$? Стихания как данные «внутреннего сознания» ничем существенным не отличаются от данных E_k . Если тон в своей интенсивности действительно стихает, то перед нами двойные стихания, или только простые, учитывая, что они должны сливаться? Но почему прочие стихания (отзвуки) не сливаются с протозвуками? Здесь воз-

никают сложности. В данный момент у нас был бы отрезок $E_0^k E_0^{k-1} \dots E_k^0$, происходящий из отзвуков и новых звучаний. Но каждый отзвук сам вновь стихает, и отзвук отзвука вновь сам является отзвуком в ряду отзвуков. Эти отзвуки должны были бы претерпеть вновь ретенциальное схватывание наряду со схватыванием в настоящем. Таким образом, если E_0 переходит в E_0' , то оно претерпевает ретенциальное схватывание смысла $V'(E_0)$; $R(E_0') = V'(E_0)$. E_0' переходит тогда в E_0'' , и у нас было бы тогда $R(E_0'') = V'(E_0')$. E_0'' должно однако претерпеть $R(E_0'')$, которое $= V''(E_0)$. Таким образом, должно было бы $V'(E_0') = V''(E_0)$, также должно было бы <быть> $V'(E_0'') = V''(E_0') = V'''(E_0)$, и тогда вообще должно было бы $V^1(E_0^\pi) = V''(E_0^{\pi-1}) = V'''(E_0^{\pi-2}) = V^{\pi+1}(E_0)$; $V^\kappa(E_0^\lambda) = V^{\kappa+\lambda}(E_0) = V^{\kappa+\alpha}(E_0^{\lambda-\alpha})$, $\alpha < \lambda$. Если мы скажем лишь, что по мере развития модификации стихания на ее основании фундируется постоянно модифицированное ретенциальное сознание, с которым соотнесен реальный момент стихания как репрезентант исходного момента, то в таком случае непонятно, как ретенция могла бы быть соотнесена с более ранними отзвуками, сходным образом, но соответственно на другом уровне. Иначе обстоят дела, если мы рассматриваем всякую ретенцию как ретенцию ретенции, как мы и должны это делать; [220] тогда не только модифицируется отзвук в протопроцессе, но и всякое ретенциальное схватывание, всякое «прошлое по отношению к» модифицируется в дальнейшее прошлое, прошлое прошлого. Все эти сложности едва ли легко разрешить.

§5. Противоположное воззрение: ретенция не фундирована в реельно данном (reell gegeben), в данных настоящего (gegenwärtigen Daten)

Если придерживаться противоположного воззрения, которое не видит в ретенциальном сознании фундирования посредством сознания настоящего и не вкладывает в него настоящего ощущений как моментального настоящего, то перед нами возникают сложности перехода ретенциальных данных ядра в протоданные. Намеченное нами воззрение было бы тогда следующим: протоприсутствие есть сознание «содержания», несамостоятельное сознание, и, будучи моментальным сознанием, оно не может быть без временной протяженности. Содержание же в свою очередь является несамостоятельным, оно выступает только в качестве «присутствующего», то есть как осознанное в этом своеобразии. Это сознание со своим содержанием не является в свою очередь содержанием лежащего дальше в прошлом презентирующего сознания. (Причем, проблема состоит в том, как мы можем об этом знать? Ведь обращение внимания на это в рефлексии уже предполагает сознание, сквозь которое она проходит. Теперь оставим эти сложности в стороне, которые, очевидно, не устраняются, если мы допустим протоприсутствующие не сознаваемые содержания.) Следовательно, мы должны были бы тогда сказать, что это сознание протоприсутствия, взятое конкретно вместе с его содержа-

нием, постоянно модифицируется в другое сознание, которое является «модификацией» более раннего, причем сознание и содержание более раннего оказываются теперь осознанными в модифицированном сознании, в модусе модифицированной данности. Модифицированное (соответственно модифицирующее в отношении своего состава) сознание само является настоящим (*ein Gegenwärtiges*): новое присутствие, относительное протоприсутствие по отношению к его модификации, которая следует за ним в протопроцессе. В таком случае будет напрашиваться вопрос, почему модифицированное сознание должно быть еще и содержанием немодифицированного, а немодифицированное нет? Почему бы не сказать тогда: протоданное возникает в протопотоке жизни и переходит в нечто новое, которое обладает характером ретенции старого, переходит в сознание о нем? Причем вновь сложность [221] <стоит в том>, как нечто, что не является сознанием, превращается в сознание-о.

§6. Изначальное сознание и неизначальное (*nichtoriginäres*) сознание. Сознание и схватывание (*Erfassung*)

Х воспринят = Х дан в оригинале. Противоположность: Х осознан, но не воспринят: Х сфантазирован, Х припомнен, Х каким-то другим образом реактуализован в качестве настоящего, прошедшего или будущего. Х в образе, опосредованная фантазия и образ-

ность. X наглядно осознан, изначально (*originär*) или не изначально, наглядно сфантазирован и т. д. непосредственно или опосредованно; X пусто осознан, непосредственно или опосредованно.

При этом «осознанный соразмерно фантазии X», или переживание «фантазия X» само изначально (*originär*) дано, воспринимаемо, и до восприятия (в качестве рефлексии) оно является как раз действительным, изначальноным переживанием (в противоположность тому, что это переживание, или такое же, может представляться «соразмерно фантазии» или «как прошедшее в припоминании» и т. д.). Каждое переживание «воспринимаемо», является настоящим и должно схватываться в его настоящем. Схватывать индивидуальное в оригинале (переживание или трансцендентный индивидуум) это то же, что и воспринимать или иметь его данным в качестве настоящего: в оригинале. Тогда также настоящее некоего X может быть сфантазированным настоящим, «Теперь фантазией-Теперь» или соразмерным фантазии Теперь и т. д.

Переживание до схватывания (*Erfassung*), до схватывающего восприятия. Переживание как действительное (оригинальное) переживание до схватывания; переживание фантазии до некоего квази-схватывания или схватывание «сфантазированного как такового» и т. п. Что значит обладать переживанием «в оригинале» и затем обращаться к нему, схватывать его в качестве теперешней «действительности»? По контрасту: обладать переживанием данным в оригинале и т. д., и тогда

не только схватывать его само как Теперь, как действительность в настоящем, а схватывать в нем другое, которое либо будет схвачено в характере действительности в настоящем, либо в характере приведения к настоящему и т.д., в характере только что прошедшего, прошедшего и припомненного и т.д.?

[222] Таковы фундаментальные факты, которые, однако, требуют дальнейшего исследования. А оно как раз продвигается в направлении «исходного сознания времени». Гилетический предмет или так или иначе строящееся суждение является оригинальным переживанием и изначально (*originär*) дано как простирающееся настоящее (имманентный временной отрезок), и при этом возможна схватывающая рефлексия, которая раскладывает переживание на его точки времени, и для каждой точки времени проводит различие между протооригинальными модусами данности и неоригинальными (ретенциальными), и схватывает, что длящееся гилетически данное или продолжающее свою длительность суждение представляется в непрерывности «модусов данности», <так,> что перед нами исходно непрерывная последовательность, протопроцесс, в котором имманентные предметы конституируются как единства. Далее, если мы обращаемся к имманентному, а затем возвращаемся к его конститутивному процессу, то мы схватываем, что рефлексивное схватывание этого обращения само не принадлежало процессу; новое схватывание осуществляется в ретроспективном (*rückblickenden*) схватывании, проходящем через ретен-

цию, но как нечто не собственно принадлежащее к ретенированному составу, как если бы мы рефлексировали в фантазии: мы различаем, что принадлежало к самому сфантазированной и самому переживанию фантазии до направленного на него луча, а что нет. Различные переживания, которые следуют в сознании времени, могут образовывать новые переживания так: сознание единства, охватывающее А и В в их последовательности (причем последовательность является осознанной последовательностью), или, скажем, сознание единства и тождества вспомненного А со вспомненным В, или исходно создаваемого как А с тем что представляется как В в припоминании и подобных актах. Сознание единства = сознание такого последовательного наложения.

Какие вопросы имело бы смысл поставить относительно сознания, осознанного предмета, модуса данности предмета?

Мы отличаем изначальное сознание (*Originärbewusstsein*) от неизначального сознания, в одном X изначальное осознан, в другом нет. Это критерий разделения переживаний. Но сами переживания бывают изначальное осознаны или нет. И в протопроцессе, который сам изначальное осознан, мы всякий раз проводим различие между фазами процесса, которые являются протооригинальными фазами, по отношению к которым другие фазы являются неоригинальными. Неоригинальные фазы сами являются, однако, оригинальными моментами переживаний, только так, что относитель-

ного другого «осознанного» в них они не являются изначально дающими. Осознано еще не значит схвачено (*erfasst*), выделено, замечено (схвачено) наряду с чем-то другим.

Схватывание (*Erfassen*) само является моментом переживания, который может быть или не быть в наличии. Если сознание является не изначально сознанием X, то сознание X (например, пустое сознание X) само является изначально переживанием, а это значит, что оно не есть осознанное в другом не изначально сознании, и, с другой стороны, само должно быть схвачено как изначально данное, и, следовательно, как тотчас же скажут, само является предметом изначально сознания. И, таким образом, каждое переживание, включая изначально дающее, со своей стороны изначально дано, и, тем самым, осознано). Что значит это «осознано»? В случае переживания в привычном смысле это означает, что оно осознано в исходном время-конституирующем процессе. В соответствии с различениями, проведенными в этом процессе между оригинальными фазами в качестве изначально сознания и в качестве не-изначально сознания мы приходим к следующему итогу: каждая моментальная фаза процесса является континуумом фазы, которая осознана изначально, и сама является изначально сознанием своего предмета и дальнейших фаз, которые сами изначально осознаны и в свою очередь не являются изначально сознанием их предметного (прошедших фаз временного предмета).

§7. Опасность бесконечного регресса в изначальном сознании протопроцесса в настоящем. Вопрос о схватывании неинтенционального сознания

Если бы каждая фаза процесса осознавалась, то мы должны были бы рассматривать каждую фазу как сознание фазы. Не должно ли это сознание фазы само в свою очередь быть изначально осознано в том же самом смысле и так *in infinitum*? В этом и состоит сложность. Всякое не изначальное сознание, в указанном <смысле> как фаза протопроцесса, само осознанно изначально. Сознание предметов всегда является чем-то в настоящем (*Gegenwärtiges*), даже если этих предметов нет. Если они есть в настоящем, то и [224] сознание о них есть в настоящем. В случае трансцендентных предметов это не составляет сложности, поскольку здесь мы имеем имманентные предметы, которые конституируются в сознании времени, и на них основывается трансцендентное схватывание. Но что значит быть в настоящем (*Gegenwärtigsein*) для протопроцесса, для сознания о нем, в особенности для каждой фазы? Не является ли это сознание вновь чем-то в настоящем, не требует ли оно дальнейшего сознания настоящего и т. д.? Это старая трудность «внутреннего сознания», возведенная к предельным основаниям (*auf das Letzte reduziert*).

В чем может заключаться решение? Естественно, сама собой напрашивается попытка помыслить про-

стирающуюся в бесконечность возможность заново конституировать сознание-о (сознание настоящего). Я могу осознать настоящее точки события в качестве настоящего, затем в свою очередь это сознание и т. д. Конечно, это не так просто сделать для произвольной точки события, которая непременно тотчас исчезает из изначальности (*Originarität*) и переходит в ретенцию, которая таким же образом постоянно исчезает и претерпевает модификацию. Но я могу сначала направить взгляд на наступающую точку события, а затем на ретенцию прошедшего бытия в настоящем (*Gegenwärtigsein*), или сразу на ретенцию прошедшего бытия в настоящем больше не замечаемой точки события, а теперь также сразу в наступающей точке события уже направить взгляд на бытие наступающего в настоящем, на обладание-им-в-качестве-осознанного-в-настоящем (*Als-gegenwärtig-bewusst-Haben*). Тогда ровно также я могу направить взгляд и на бытие в настоящем этого обладания-осознанием-в-качестве-настоящего и т.д.

Теперь можно было бы, в особенности чтобы избежать сложностей, направить внимание на схватывание и сказать, что оно есть то, что конституирует всегда предназначенное повторяться сознание «настоящее», если только оно не проходит сквозным образом через сознание, которое в свою очередь занимается приведением к настоящему (*vergegenwärtigt*). Тогда схватывание, направленное на это сознание и его интенциональное содержание как таковое было бы акту-

ализирующим (*gegenwärtigend*). Настоящим (*Gegenwärtig*) является осознание пропедшего, пропедшее как осознанное в настоящем в сознании, но само пропедшее не есть в настоящем, оно схватывается, причем схватывание направляется на осознанное в сознании прошлого.

Но следует возразить: это само по себе не ясно, и что все-таки в ретенциальном сознании [225] может быть отрефлектировано бытие-бывшего-в-настоящем (*Gegenwärtig-gewesen-Sein*) соответственно бытие-в-качестве-осознанного-как-бывшее-в-настоящем (*Als-gegenwärtig-bewusst-gewesen-Sein*), даже там, где оно могло быть несхваченным.

В моей теории внимания оно объясняется как модус интенционального переживания, у которого есть и противоположный ему модус. Это значит, внимание есть схватывание или квази-схватывание, в зависимости от того является ли интенциональное переживание исходно дающим (*ursprünglich gebendes*) содержание или дающим его в модифицированном виде. И при этом модус занятия позиции может быть со-модифицирован или нет (соответственно это присутствующее согласие, как в случае припоминания, в котором мы участвуем): внимание (*Aufmerken*) это модус осуществления интенционального переживания, причем в упомянутой теории не были затронуты сложности, которые касаются занятия позиции. Я все же не буду сейчас в это углубляться. Соучастие (*Mitmachen*) или не-участие это не такая простая тема, в нем среди прочего играют

роль новые интенциональности и соответствующие наложения или противоборства. Иначе перед нами было бы просто «осуществление» модифицированного или не-модифицированного (а в остальном простого или более сложного) акта, и в противоположность ему модальности негативного осуществления, относящиеся в некоторых случаях ко всем компонентам интенциональности, которые сами являются интенциональными. Таким образом, такова была «теория» или скорее описание.

Должны ли мы теперь отбросить эту теорию или соответственно существенно изменить ее, если скажем, что схватывание протопроцесса и его фаз не имеет дела с интенциональными переживаниями? В таком случае имели бы место модификации внимания переживаний протопроцесса (которые не были бы интенциональными), протоприсутствующих данных и ретенций как данных. Я может направить свой взгляд на интенциональное моментальное переживание, и оно может направить свой взгляд сквозь него. Но что бы это значило? Как следует понимать приравнивание схватывания, соответственно, направленности на интенционально сознаваемое и на что-то, что не интенционально, а «просто есть»? Таким образом, тут мы не продвигаемся. Тот, кто не видит здесь препятствия, не понял специфику интенциональности. Откуда мы знаем, спросим мы снова, о протопроцессе? Откуда мы знаем о протофазах в нем?

§8. Есть ли опасность бесконечного регресса также и в случае протенций?

Я бы хотел сослаться сейчас на протенции и попытаться показать, что каждая протенция как протопротенция исполняется или наполняется посредством того, что в игру вступает нечто новое. Обычно когда имеет место исполнение (*Erfüllung*), например, восприятие в череде восприятий, то сознание наполняется посредством сознания в последовательном «наложении». Но что это может обозначать, кроме своеобразного модуса интенциональности, который интенционально отсылает назад к предшествовавшему? Если теперь протопротенция исполняется в процессе, то перед нами прежде всего неисполненная интенциональность, переходящая в сознание-о, которое имеет характер исполненного. Но в нем мы теперь различаем ядро и характер акта. Ядро здесь, однако, является не как-то иначе сконституированным содержанием схватывания, но самым предметом, который в исполнении осознан без всякого опосредования как «он сам»; и это бытие-осознанным-абсолютно-как-«он-сам» (*Absolut-als-“er-selbst“-bewusst-Sein*) есть его бытие-осознанным-как-теперь. Это ядро не может явиться никак <иначе> кроме как в виде ядра, то есть как феномен ядра исполняющего сознания.

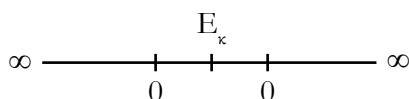
Как обстоят тогда дела с возможным сознанием этого сознания? Пусть мы избегаем регресса, но все-таки сами протенции и их исполнения принадлежат настоящему

(*Gegenwärtigkeiten sind*), и мы должны быть в состоянии обратиться на моменты настоящего (*Gegenwärtigkeiten*) взгляд, что мы и можем на деле. Каким образом? Таким, что мы заранее направляем взгляд на наступающие (таким образом даже ожидаемые) протенции и их исполнения.

Следовательно, протенции тоже направлены на протенции (и исполнения); они сами в свою очередь принадлежат настоящему, равно как и направленные на них протенции и так далее *in infinitum*.

§9. <Попытка решения: непосредственное сознание настоящего протопроцесса как граница двусторонней непрерывности ретенциальной и протенциальной опосредованности>

Трудность не является непреодолимой. Это показывает следующее размышление. В протопроцессе есть исполнение всякого Теперь и [227] исполнение всякого прошедшего как прошедшего. Весь протопроцесс является потоком протенций и исполнений протенций. С тем же успехом мы вполне можем сказать, он является потоком ретенций и опустошений ретенций. Всякая фаза протопроцесса может быть так описана: $R(\infty.....0.....E_{\kappa}) P(E_{\kappa}.....0.....\infty)$:

Смысл этого символического обозначения следующий: в каждой фазе протопроцесса мы отличаем непрерывный отрезок наглядности от отрезка того, что не наглядно. И это построение является двусторонним и симметричным, у него есть сторона ретенции и сторона протенции. У нас, таким образом, есть континуум ретенций. Начнем с него: состоящего из «зон» наглядности и того, что не наглядно. Границей обоих является нуль, а именно нуль наглядности; кульминацией является постоянная полнота наглядности, то есть, в постоянном возрастании уровней интенсивности, в точке настоящего E_k . Ему предшествуют «еще» наглядно осознанные, но ретенционно, то есть в модусе прошлого и на различных уровнях прошлого осознанные «предшествовавшие» E , то есть точки события. В целом это осознаваемый в качестве прошедшего, хоть и наглядно, отрезок прошлого, который теряется «в темноте», то есть, как раз постоянно переходит в нулевую точку ясности. (Переход здесь это конечно не процесс, поскольку мы здесь говорим о единственной «точке» протопроцесса.)

Теперь что касается сферы неясности, неясно осознаваемого прошлого, — здесь опять можно различить два момента:

[1] дифференцированно осознаваемое прошлое (например, уже различенные, но пустые, не-наглядно осознанные тоны, которые уже прошли, и которые осознаются как находящиеся за пределами наглядного)

[2] и недифференцированно осознаваемое прошлое (феноменологически это точка без различий (*Differenzen*)).

Это похоже на пространственное поле зрения, которое замыкает горизонт и феноменологически не обнаруживает больше никаких глубоких различий ([228] здесь имеется в виду наглядно). Эта точка горизонта прошлого ∞ не является однако последней точкой события, которая осознана, или это только кажется, хотя можно говорить об идее предельно дифференцированно осознанного, как о нижней границе ненаглядного дифференцирования. Это был бы, таким образом, второй нуль. Но здесь имеет место модус, который мы не можем обозначить иначе как открытый, но не только лишённый наглядности, но и недифференцированный горизонт, чье значение как такового лежит в возможности (заложенной в сущности ретенции) прояснения и квази-исполнения, а именно, в форме припоминания. В этой форме протопроцесс, заканчивавшийся в описанной фазе E_k , обновляется в модусе узнавания и при этом «эксплицируется» неясный горизонт (в идентификации, с одной стороны, интенций самих фаз процесса, удержанных посредством ретенции или припоминания, в соответствии со спорным здесь интенциональным моментом и, идентификации, с другой стороны, припоминания по частям, которые «эксплицируют» горизонт, приводя его к «ясности»¹).

¹ Здесь не хватает параллельного рассмотрения и экспликации бесконечного, свойственного протенции, которое в по-

Порядок с ретенциальной стороны фазы протопроцесса U_κ , в которой E_κ осознается в качестве теперь, это порядок некого, а именно устойчивого ряда. Всякая фаза этого устойчивого ряда является ретенциальной фазой, точкой интенциональности, которая не только вообще постоянно модифицируется и обладает при этом своей модифицирующей предметностью, но и обнаруживается как постоянная опосредованность интенциональности относительно прошлого. Максимум непосредственности располагается в E_κ таким образом, что абсолютная непосредственность является идеей, которая имеет свою границу в E_κ , то есть в сознании Теперь, которое является непосредственным сознанием E_κ и является ретенцией только в качестве границы устойчивости ретенции, которая наоборот в области нуля и затем в области бесконечности всегда более опосредована и «имплицитует» в бесконечное открытую бесконечность опосредованности.

Именно это рассмотрение переносится на вторую, конституирующуюся в противоположном направлении сторону U_κ , сторону протенции. Она как относящаяся к U_κ ретенция является сознанием, [229] которое обладает однако своими устойчивыми фазами, удаляясь от наглядности, быстро стихающей в районе нуля,

степенном процессе исполнения раскладывается на параллельные пучки лучей, которое ниже линии бесконечности, горизонтально отделяющей сверху дифференцированный и ясный процесс, переходит как раз в эксплицированные протенции, а затем в ясное. См. чертеж.

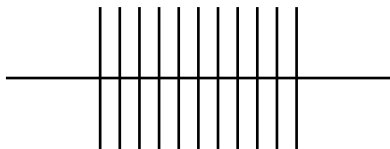
и дифференцированной не-наглядностью, стремящейся к бесконечному, то есть к недифференцированной границе, которая обладает характером пустого, недифференцированного горизонта, имплицитующего открытую бесконечность: горизонт будущего. Наиболее высокая точка ясности это вновь E_x , где соединяются противоположно направленные отрезки и образуют единство отрезка, то есть: единичное сознание обозначается здесь в качестве моментального сознания, сознания которое обладает двумя протяженностями имманентной интенциональности. Здесь в переходной точке лежит нуль опосредованности, а также протенции. Это значит, в отношении этой точки она была бы абсолютно непосредственной, но уже правда не протенцией, также как здесь ретенция «собственно не была больше ретенцией». Градация опосредованности, градация наглядности и дифференцированности, в случае каждой из ветвей сознания U_x идет в противоположные направления.

§10. <Попытка дифференцирования графического изображения (диаграмма)>

Мы описали моментальное сознание, составляющее фазу конституирующего время процесса, как континуум с двумя протяженностями — это сознание, которое обладает двумя непрерывными протяженностями интенциональности. Здесь, однако, требуются дальнейшие описания для разъяснения этой закономерности,

разъясняющие последовательность согласующихся по общему стилю моментальных фаз и соответственно раскрывающие особенности внутренней структуры всякой моментальной фазы. Для этого нам служит новая, полная диаграмма процесса. Причем ясно, что временная перспектива остается не выраженной в диаграммно-наглядной (*diagrammatisch-sinnlichen*) форме. В $U_{<x>}$ мы говорим о ветви ретенции и ветви протенции, и одна переходит в другую через нейтральную точку, своего рода нулевую точку протенции и ретенции.

Теперь мы можем также сказать, всякое $U_{<x>}$ является фазой континуума ретенций и протенций, а именно само <оно> является нулевой точкой для континуума ретенций и [230] континуума протенций. На нашей диаграмме мы можем взять в качестве нулевой точки жирно прочерченную среднюю вертикаль $U_{<x>}$ и ее ретенции как континуум вертикалей слева от нее, а ее протенции как континуум вертикалей справа от нее.

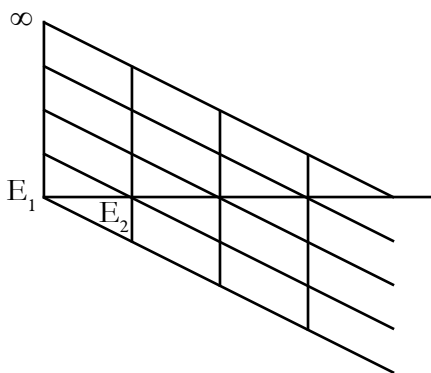
Таким образом можно обозначить сознание в более точной по отношению к положению вещей аналогии в $U_{<x>}$ как континуум точек. Перед нами, следовательно, континуум вертикальных линий как континуум континуумов точек, каждый из которых представляет собой вертикальную линию.

Как это следует понимать? В последовательности процесса $U_{<x>}$ конечно является звеном непрерывной последовательности, но в этой упорядоченности каждая $U_{<x>}$ должна быть протенциально направлена на все следующие $U_{<x>}$ и ретенциально на все предшествовавшие. При этом следует учитывать закономерность временной перспективы, согласно которой наглядность отношения с обеих сторон имеет узкие границы — а таким образом мы приходим к нулевой точке наглядности этой ретенции и протенции, затем к сфере дифференцированных (пусть и неопределенных) интенций и, наконец, к бесконечному, которое является потенциальностью дальнейших форм без экспликации.

Как может $U_{<x>}$, описанная как континуум с двумя исходящими из нулевой точки ретенциальными и протенциальными ветвями, сама в свою очередь быть нулевой точкой двух ветвей, в отношении которых должны выполняться все те же условия? Нижняя ветвь U_x , была названа ретенцией по отношению к Е прошедшего ряда вплоть до предела, до прошедшего «Е», лежащего на горизонте, или скорее вплоть до края горизонта прошлого, который обозначает открытую бесконечность. (В описании я не учитывал различную широту сознания «начала», например, фортепьянного произведения. Причем мы различаем наглядное, наглядно [231] дифференцированное, не-наглядно дифференцированное, в таком случае дальнейшее распространение в темноте вплоть до начала, за которым лежат еще «другие вещи», но больше не элементы события.) Но континуум также

является ретенцией, соотносённой с ретенциальными отрезками, которые представляют собой прошедшие отрезки «Е»-ряда в процессе. Так я показал на предыдущей диаграмме. Теперь я хотел бы сказать: это ретенция по отношению к прошлому U_x . Как это?

Возьмем определенное начинающееся событие. В начале E_1 у него еще нет ретенций, соотносённых с его точками события, его нижняя ветвь- U_x относится к прошлым событиям, в открытом горизонте которых лежит пустая возможность нового начала, которое будет в этом отношении воспринято.

Так как здесь есть E_1 , также есть и верхняя ветвь U_x . В ходе процесса постоянно исполняется эта пустая протенция, а именно она постоянно наполняется окончательной наглядной полнотой $E_2 E_3 \dots$ Это в некотором смысле исполнение или наполнение. Одновременно отрезок $E_1 \dots \infty$ смещается вниз, он погружается. И это также процесс «исполнения» его имплицитных интенций. Недифференцированное

дифференцируется, неясное проясняется, ясное смещается к *terminus ad quem*, сам термин смещается однако в негативную область, он претерпевает опустошение (*Entfüllung*) и ретенциальную модификацию. Сознание ($E_1 \dots \infty$) претерпевает постоянную «модификацию», и в этой модификации то, модификацией чего она является, заключено ретенционально. И так «бытие прошлым» лежит не только на прошлом отрезке, но и в прошедших U_x , так как они соотносятся с событием (таким образом, они соотносятся с ним, прежде всего, не в смысле вышеприведенного описания, которое вело в бесконечность с обеих сторон), [232] в каждом U_x . С другой стороны, каждый отрезок- U_x «растет» по мере того как он исполняется, вновь и вновь и так до бесконечности, и в этой полной форме верхней ветви и вместе с ее нижней ветвью он уходит во все дальнейшее будущее, а это значит, он охватывает всю полуплоскость справа от U_x . Каждый U_x возникает не только посредством модификации более раннего, но он также является «ожиданием» сходного будущего.

*Перевод с немецкого Г. Чернавина,
под ред. М. Белоусова*

Комментарий переводчика

Текстологические замечания. Данный текст представляет собой фрагмент Рукописи L I 15, озаглавленной «Новая попытка прояснения сознания, конституирующего

временную предметность. Вопрос о том, происходит ли в исходном сознании схватывание», написанной Э. Гуссерлем в первой половине сентября 1917 года, в курортном поселке Бернау в немецком Шварцвальде. Уже в начале 1930-х годов Ойген Финк расшифровал стенографическую рукопись и снял с неё машинописную копию, однако опубликован этот текст был только в 2001 году как Текст №11 XXXIII тома Гуссерлианы (под редакцией Рудольфа Бернета и Дитера Ломара).

Трудности перевода. При работе над русским переводом этого текста были приняты несколько переводческих решений, касающиеся: субстантивов с приставкой “Ur-”; концептуальной пары “Gegenwärtigung/Vergegenwärtigung”; производных от гуссерлевского неологизма “Ab-klang”.

1. В качестве нейтрального аналога немецкой приставки “Ur-” была выбрана греческая приставка «про-то-» (см. «протопроцесс», «протопрезентация» и т. д.).

2. Для передачи понятийной пары “Gegenwärtigung/Vergegenwärtigung” был использован предложенный А. В. Михайловым вариант «актуализация/реактуализация» как наиболее подходящий к контексту проблематики сознания времени.¹

3. Определённые сложности возникли при переводе таких выражений как *Vergangenheiten* и *Gegenwärtigkeiten* (во мн. ч.). Помимо неблагозвучных «прошед-

¹ См.: Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А. В. Михайлова, М.: ДИК, 1999. §99.

шестей» и «настоящестей» использовались варианты «моменты прошедшего/настоящего».

4. При переводе гуссерлевского неологизма “Abklang” (происходящего в свою очередь от глагола “abklingen” — «стихать») и производных от него, а также при переводе родственных ему отглагольных существительных был предложен вариант «стихание», а в отдельных случаях «отзвук».

5. Для перевода неологизма “reell” использовалась калька «реальное». Подробно смысл гуссерлевского термина reell разъясняет Михаил Белоусов: «Гуссерль различает реальное (reell) и интенциональное содержание сознания, равно как явление (как переживание) и являющийся предмет как таковой (на который “направлено” переживание). Reell является неологизмом, характеризующим составные части потока сознания в их отличии от вещественных свойств и частей (которые могут быть названы “реальными” — real). Reell означает ‘переживаемый’, ‘реальное содержание’ является содержанием сознания в собственном смысле слова, то есть составной частью потока сознания как целого. Интенциональное содержание, напротив, является содержанием ‘в несобственном смысле’, ‘непереживаемым’ содержанием».¹ Ирреальное в таком случае — это чисто интенциональное содержание сознания. См. также первую сноску к тексту №11.

¹ Белоусов М.А. Понятие переживания у Гуссерля и Ильина (электронная публикация): <http://profil.ranepa.ru/docs/pubs/p2338/5702b9ec0d9c8.pdf> (обращение 11.03.2018).

В заключение я бы хотел поблагодарить А.А. Кузнецова за сверку перевода с немецким оригиналом и редакторскую работу, Д. А. Демьянова за стилистическую правку и Т. В. Литвин за ряд конструктивных замечаний к тексту перевода.

Глоссарий

<i>Ab-klang, Abklang</i>	от-звук, стихание
<i>Abklangsphänomene</i>	феномены стихания, феномены отзвука
<i>Abklingen</i>	стихание, затихание
<i>anschaulich</i>	наглядно
<i>Auffassung, Erfassen</i>	схватывание, выхватывание
<i>Bewusstseinsweise</i>	способ сознания
<i>entquellender</i>	проистекающий
<i>Erfüllung</i>	исполнение, наполнение
<i>fungieren</i>	действовать в качестве чего-либо
<i>Gegebene, Datum</i>	данное
<i>Gegenwarten, Gegenwartigkeiten</i>	моменты настоящего, настоящести
<i>Gegenwärtigsein</i>	бытие в настоящем
<i>Gegenwärtigung</i>	актуализация
<i>Klang</i>	звук
<i>Mitmachen</i>	совместное участие
<i>originär</i>	изначально
<i>Präsenzen</i>	моменты присутствия
<i>primär</i>	первично

<i>rückblickend</i>	ретроспективно
<i>Urklang</i>	протозвук
<i>Urpräsentation</i>	протопрезентация
<i>Urpräsenz</i>	протоприсутствие
<i>Urprozess</i>	протопроцесс
<i>ursprünglich</i>	исходно
<i>urtümlich</i>	первозданно, первобытно
<i>Vergegenwärtigung</i>	реактуализация, приведе- ние к настоящему

[243] № 12 <ПОПЫТКА АНАЛИЗИРОВАТЬ
ПРОТОПРОЦЕСС БЕЗ ПОМОЩИ МОДЕЛИ
СХВАТЫВАНИЕ И СХВАЧЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ>

§1. Набросок анализа потока
протоимпрессиональных данностей
и ретенциальных модификаций отзвука
с помощью модели «схватывание /
схваченное содержание». Возражение,
касающееся бесконечного регресса

Стихание (*Abklingen*) относится к протозакономерностям всех данных трансцендентального сознания.¹ Или: все трансцендентные события феноменологического времени являются конституированными единствами и указывают на структуру, формируемую двумя конститутивными модификациями: впечатление, служащее первоисточником (*urquellende*), в котором возникают все время новые «протоданные», протоимпрессиональные

¹ Попытка продумать концепцию, противоположную моему старому видению. Отрицается фоновая интенциональность, которая уже конституировала бы временные предметы. Важно для апорий.

данности чистого сознания, и служащая первоисточником ретенция, в которой всякое протоданное (всякое протоимпрессиональное) превращается во вторичное импрессиональное данное, «отзвук» более раннего протоданного и так в постоянной модификации, причем таким образом, что всякий отзвук сам вновь подлежит той же модификации отзвука как прежде него протоданное, предшествовавший отзвук и т. д. Поток модификаций состоит в единстве с потоком нового возникающего (причем протовозникновение новых данных события может прекратиться). Таким образом, перед нами протопроцесс, с первичным возникновением и первичным модифицированием возникшего. Это является сущностной чертой всех трансцендентальных наиболее внутренних данных сознания, и сюда же относится самая первичная интенциональность, в которой возникает первое (в определенном смысле) «объективное» время с первыми трансцендентальными, феноменологическими событиями. Это первое объективное время есть как раз то, которое в *Идеях* было обозначено как феноменологическое время.

В трансцендентальной рефлексии этого потока или протопроцесса мы, таким образом, обнаруживаем протоимпрессиональные данные, непрерывные [244] модификации, названные «отзвуками». Мы обнаруживаем, однако, также функции схватывания: схватывания протоданного в качестве собственно и чисто присутствующего события (чистое настоящее); затем схватывание, чьими репрезентантами являются отзвуки, посредством которых представляются прошлые (*Vergangenheiten*),

а именно только-что-прошедшести (*Soeben-Gewesenheiten*), <затем> сознание единства, которое пронизывает протопроцесс, и в котором вместе с непрерывной последовательностью следующих друг за другом отзвуков одного и того же протоданного осознается одна и та же точка события или наполненная временная точка как временная объективность, и так в потоке протовозникновения для всякого протоданного, ровно так же и для сплавления, благодаря которому возникает сознание одного наполненного временного отрезка, одного объективного трансцендентного события.

Теперь обнаруживаются сложности, касающиеся «функции». Протопроцесс протекает как протозаконмерность того, что трансцендентально может быть дано сознанию (*Bewusstseinsdabilien*)¹ последнего уровня как процесс, в котором сперва конституируется объективное феноменологическое время и затем все остальные интенциональные единства. И этот процесс протекает вне зависимости от того, обращается ли внимание на феноменологические события или нет, и также вне зависимости от того, направлена ли на сам процесс и его конституирование более глубокая трансцендентальная рефлексия или нет.

Должны ли мы сказать, что феноменологические события действительно конституированы для трансцендентального субъекта, вне зависимости от того обращает ли он на них и на конститутивные процессы

¹ *Bewusstseinsdabilien* — то, что может быть дано сознанию — немецко-латинский эклектичный неологизм Гуссерля от латинского *dabilis*. — *Прим. пер.*

внимание — соответственно, схватывает ли их или нет? Должны ли мы таким образом допустить, что протоданные ощущений (гилетические протоданные), которые возникают в протопроцессе, постоянно схвачены как протопринадлежащие-настоящему (*Urgegenwärtigkeiten*) (протоимпрессиональные), и что ровно также и неизбежно всякий отзыв соответственно своему уровню сопровождается модифицирующим схватыванием, посредством которого он осознается как временное отвлечение именно этого уровня, как отзыв определенного протозвука? У нас были бы тогда не только соответствующие конституирующие событие протоданные (которые относятся к наполнению времени (*Zeitfülle*)) и их отзывы в протопроцессе до всякой рефлексии, но также в качестве дальнейших моментов внутренней жизни сознания — нозтические моменты, благодаря которым данные претерпевают схватывание, которое придает им смысл темпоральности. Но не должны были бы тогда новые моменты вновь быть данными, быть материалом схватывания для [245] дальнейших схватываний следующего уровня, посредством которых они приобретают временное значение? Будь это так, то мы с необходимостью пришли бы к *regressus in infinitum*.

Должны ли мы сказать что-то вроде: гилетические данные обладают той привилегией, что они необходимо должны сопровождаться схватываниями, знаем мы о том или нет? Но нельзя взять в толк, почему. Как темпоральные события мы в любом случае можем обнаружить не только данные ощущений, но также и уже функционально схваченные и рассматриваемые в единстве со схваты-

ваниями данные. Например, это переживания, в которых вещь соразмерно явлению представляется в бесконечно многообразных модусах, то есть явления («образы восприятия») вещи. Но также логические или политетические акты всякого рода, в-качестве-субъекта-нечто-схватывать, что-то-с-чем-то-соотносить и т. п.¹

§2. Разработка альтернативной модели: протопроцесс в его возникновении и модифицирующем стихании еще не несет в себе схватывания.

Только рефлексивно-воспринимающее схватывание протоданных и их отзвуков посредством Я, то есть конституирование временной предметности, требует интенционального схватывания протоданных процесса. Особенности восприятия модификаций отзвука

Я попытаюсь преодолеть сложности следующим образом: протопроцесс до рефлексии, или скажем лучше: до всякого господства внимательного схватывания является лишь процессом протовозникновения и сти-

¹ Это отдельная тема: фундированные политетические акты, в которых на основании «простых» актов с просто-напросто конституированными предметами конституируются предметы более высокого уровня. Как соотносится конституирование времени фундированных предметностей к фундирующим, и то же самое для актов?

хания безо всякого схватывания и соответственно без всякой репрезентации, так, например, когда данные ощущений возникают и протекают незамеченными.

Хотя следует обдумать, не может ли иметь места фоновая апперцепция, которая схватывает фоновые процессы как темпоральные предметы (*zeitgegenständig*), если однажды действительно конституирующее сознание времени было сформировано. В модусе того, что я называю вторичной чувственностью, на заднем плане может [246] быть дан временной объект, и он может осуществлять свои тенденции чувственного раздражения (*Reiztendenzen*). И вопрос в том, не должны ли мы сказать, что генетически протовозможность и протоначало состоят в том, что еще не сконституировано сознание времени в собственном смысле и соответственно для Я не сконституировано еще никакое событие во времени. Это было бы исходно спящее сознание, которое еще никогда не было бодрствующим, или исходно спящее Я, которое еще никогда не просыпалось. Или примем в качестве возможности, даже если Я уже было бодрствующим, что у него есть сферы, в которых протекают протопроцессы, не являясь при этом время-конституирующими процессами. Это значит: нет исходной необходимости в том, чтобы всякий протопроцесс был сознанием временных событий и сопровождался соответствующими схватываниями.

Теперь предположим, что возникает протоданное и посредством раздражения побуждает Я к схватыванию, или скорее, что возникает процесс непрерывно

вновь возникающих протоданных. (Можно было бы, вероятно, обозначить в качестве протозакона, что всякое данное есть континуум, пусть даже «малый»; даже самый короткий хлопок (*Knall*) обладает протяженностью, что здесь еще не означает феноменологически-временного протяжения.) Можно будет также сказать, что всякое чувственное данное, которое мы предпочитаем, поскольку «чувственность» предшествует всякой функциональности, производит раздражения, так что только «выделяющиеся (*sich abhebende*)» чувственные данные «переходят порог» и в конце концов провоцируют схватывание.

Теперь начнем с поворота взгляда: это начало конституирования сознания временного события. Я обращаюсь к данному в ощущении, схватывает его. Само по себе это, однако, непрерывно новое возникновение, и схватывающее Я обращено к этому непрерывно новому возникновению. Оно непрерывно схватывает новое, протовозникающее и с протосилой раздражающее и приковывающее внимание. (Вместо непрерывности мы могли бы <обладать> множеством данных, обладающих сущностной однородностью и в их следовании друг за другом образующих качественно фундированный ряд связывающихся в единство содержаний, например, ряд тонов. Вопрос в том, как возможно это сознание ряда. Обладает ли уже процесс как ряд процессов «чувственным единством», подобно тому, как им обладает континуум последовательности? Но здесь также возникает [247] вопрос: что

означает «чувственное единство континуума или единство протопроцесса»?)¹

Все же для начала проведем опробованный мыслительный ход. Схватывая, Я обращено к новому и всегда опять новому, в то время как новое непрерывно модифицируется. Всякая протоимпрессиональная фаза тона стихает (*klingt ab*). Но Я, которое живет в схватывании, живет не только в непрерывном схватывании нового, определенным образом оно также и дальше живет в схваченном старом. А именно, схватывание нового есть ни что иное как вновь возникающее в протопроцессе схватывание «как оно само». Это акт спонтанности, который теперь лежит в основе даже модификации устойчивого стихания. В этом устойчивом стихании у нас есть устойчивая модификация «функции», интенционального акта. Схватывающее Я пребывает в этом акте, для начала удерживает его как «это» схваченное, в то время как первично относящее к настоящему (*urgegenwärtigende*) схватывание, а именно нового с его протовозникновением, все-таки движется дальше и обладает преимуществом первичного схватывания. Модификация есть, таким образом, одновременно удаление из «фокуса» внимания, и, с другой стороны, удержание «того же», что было схвачено, положено в качестве сущего в первой интенциональности.

¹ Протопроцесс является предпосылкой всякой дескрипции. Он фиксируется как раз посредством время-конституирующих схватываний, которые мы описываем, и это уже новый протопроцесс.

Таким образом, протозакон заключался бы в том, что схватывающее обращение к постоянно возникающему в протопроцессе новому является сознанием протонастоящего, которое полагает протодействительность, что оно необходимо испытывает модификацию стихания, а эта модификация имеет характер модифицирующего сознания, которое в непрерывной последовательности обладает сознанием того же самого в модусе прошлого. То же самое осознается, но больше не как оно само, данное в протонастоящем, а как то же самое и определенным образом также как оно само, но в модификации прошлого. При этом, однако, данные ощущений стихают и таким образом являются иными, чем раньше. Но с постоянным стиханием этих данных также модифицируется схватывающее сознание как раз необходимо таким образом, что то же самое остается осознанным и, тем самым, отзвуки имеют характер модальных репрезентаций измененного схватывания. Но не они схвачены, [248] а через них схвачено прошлое протоданное. В этом состоит первичное своеобразие, выражающееся в том, что модификация протопрезентирующего сознания как его стихание приобретает характер сознания прошлого за счет того, что оно как постоянная модификация последовательности производит постоянное наложение интенциональности на саму себя, а именно так, что однажды положенное должно быть сохранено в модификации этого сознания и его чувственного содержания.

(В качестве параллели следует принять во внимание следующее. Если тон продолжает длиться постоянно идентичным образом, то относительно нового мы также обладаем непрерывной последовательностью и обладаем все время первично относящим к настоящему (*urgegenwärtigende*) сознанием, которое постоянно совпадает с новым по форме и содержанию. Но все время ли здесь одно и то же и неизменное, одно? Пребывает ли сознание <в качестве> сознания того же самого, пусть даже в качественных «изменениях», как сознание того же тона, только изменяясь? Здесь модус сознания (протопробывание в настоящем (*Urgegenwärtigung*)) является тем же самым, и содержание в лучшем случае является полностью одинаковым, сущностно идентичным или одинаковым по виду (*gattungsmäßig gleicher*). Однако выше у нас была модификация модуса сознания и одновременно модификация содержания, которая в обоих случаях была непрерывной.)

В соответствии с этим, время-конституирующая функция впервые имеет место посредством спонтанности обращения, как «схватывание» протопробываний в настоящем (*Urgegenwärtigungen*) и т. д. Без этого перед нами был бы лишь протопроцесс без каких бы то ни было время-конституирующих схватываний и, следовательно, не было бы никакого действительно конституированного временного события, никакого феноменологического времени. Всякая предметность, в том числе время, является продуктом конститутивных функций, то есть спонтанностей.

Но если временные предметы однажды сконституированны, то в действие вступает закон вторичной чувственности.

Таким образом, даже там, где я не сконституировал временное событие действительно и в собственном смысле, протопроцесс протовозникновения и стихания может воздействовать на мое схватывание посредством раздражения и репродуктивно производить схватывание единства в смысле временного события, которое правда только ретроактивно привносится в процесс. Я вновь пробегаю процесс, то, что воспроизводится как вновь и вновь новое, репродуктивно (пусть и не как воспоминание) осуществляю функцию протопробывания в настоящем и приводящего к настоящему схватывания прошлого и т. д. Это собственно и есть осуществление [249] накладывающегося на процесс сознания времени. С другой стороны, с самого начала схватывание времени «пробуждено», я апперцепципирую процесс до действительного проведения схватывания как темпорального события, в то время как я схватываю его сам только в монотетическом обозрении (*in einem monothetischen Überschauen*).

Также нельзя сказать, что речь о вещах заднего плана, которые остаются полностью незамеченными в поле зрения, значит, что в смене принадлежащих им данных ощущений как оттенков принадлежащие им пространственно предметные схватывания осуществляют<ся> в собственном смысле и вещная предметность в собственном смысле становится наглядной.

С другой стороны соответствующии апперцепции являются нашими старыми приобретениями, одного направленного на них взгляда достаточно, и предметное единство «просто перед нами», схватывание осуществляется, и если теперь данные ощущений протекают, то они одновременно являются и репрезентирующими оттенениями, и сознание единства (тождества) является сквозным для всех схватываний, в качестве схватывания вещного предмета (*Dinggegenstand*).

Приемлемо ли говорить об отзвуках в том смысле, что в случае тонов действительные отзвуки или отголоски выполняют в сознании времени функцию «репрезентантов»?

Не обстоит ли дела скорее так, что соразмерно опыту тон в его действительной длительности состоит, по крайней мере чаще всего, из того отрезка, который исполнен относительно высокой интенсивности, и к которому после внезапного спада примыкает непрерывное снижение интенсивности, стремящееся к 0? Но оба элемента ощущаются как действительно присутствующие в настоящем (импрессионально). Сейчас передо мной отголосок, я действительно слышу его, и он выступает никак не в качестве темпорального репрезентанта, в нем или посредством него я исходно соотношусь не с прошедшим тоном, что становится особенно ясным в том случае, когда я первично удерживаю его, хотя связь с предыдущим идолжна быть установлена, как это происходит в случае всякого продолжения длящегося или изменяющегося. Правда для нас значи-

мостью обладает преимущественно тон первого отрезка в качестве тона, объективно имеющий место и имеющий свое объективное значение, в то время как отзвук, отголосок рассматривается как последующее событие. Все-таки во время «полного звучания» нельзя соотнести сознание длительности с [250] отзвуками более ранних полных звучаний предшествовавших фаз, конституированными полным звучанием каждой из фаз.

В таком случае, не будет ли ошибочным говорить о континууме присутствующих в настоящем репрезентантов в каждом теперь и о континууме схватываний этих репрезентантов? Данные фантазии, репродуктивные данные, также таковыми не являются (в связи с ними меня, кстати, уже не раз занимали сходные сложности), поскольку в репродукции у нас вновь та же проблема: репродуцированный тон или взаимосвязь тонов «одновременно» возникает как новый и одновременно погружается во времени и т. д. С другой стороны, перед нами все-таки короткие временные отрезки, в которых мы не можем сказать иначе как то, что только что бывшее «еще» наглядно в настоящем, еще не исчезло из созерцания, только оно больше не теперь, а только что бывшее, еще задерживающееся в сознании. Именно это должен был обозначать образ отзвука. Правда только на правах образа, да и то, как говорят, не лишенного сомнительности (*nicht unbedenkliches*). Если я не обманываюсь, то отзвук курантов еще может быть вполне отчетливым, в то время как тон курантов

уже давно исчез из сферы ясности непосредственного сознания прошлого. Это опять же нужно проверить! Ибо я столь мало в этом уверен, что обычно опять же я склоняюсь к другой точке зрения. Чувственное данное возникает в Теперь, и это теперь возникающее «стихает», и так в случае всего возникающего в новом Теперь. Это стихание, однако, вовсе нельзя рассматривать как последствие, хотя последнее также часто возникает, а именно в качестве примыкания более слабого продления настоящего ощущения. Последнее (последствие) является случайным, первое (стихание) является необходимым и одинаковым образом затрагивает всякий момент переживания, следовательно, также и схватывание настоящего (или восприятия) или схватывание себя как акт. Если сказать, что оно является необходимой всеобщей модификацией всякого момента переживания, то это будет в полной мере верно, но тут описание отказывает нам. В более ранние эпохи психологии говорили о «временных знаках», но и это выражение не вполне пригодно. Верным здесь было только то, что речь идет о модификации, которая делает возможным сознание времени, апперцепцию времени (событие и темпорально-предметную апперцепцию), темпорально-предметное восприятие. Можно, однако, настаивать на том, что эту [251] модификацию следует понимать как демонстрируемый в каждом соответствующем настоящем (и даже как принадлежащий настоящему) репрезентант и как репрезентант, тождественный репродуктивной модификации.

Протожизнь Я была бы соответственно его исходным потоком жизни, который не был бы потоком апперцепций, восприятий, переживаний, которые должны были бы уже обладать характером сознания-о. Сущность «восприятия» лежит не во внимании, которое, в любом случае, обладает различными модусами, в то время как переживание, называемое восприятием, сохраняют свою сущность, а в том, что оно является сознанием-о и как таковое имеет свой интенциональный объект, и осознает этот объект вблизи в качестве настоящего во плоти (*leibhaft*). Среди модусов восприятия одно стоит обозначить как первоначальное (*ursprünglich*) восприятие, замечающее (*aufmerkende*) восприятие, первоначально схватывающее. По сравнению с ним между прочим отмечающее (*nebenbei bemerkende*) восприятие является вторичным, модифицированным, также и фоновое восприятие является аттенциональной модификацией первичного, первоначального восприятия. Поток жизни Я не является фоновым объектом приводящего к настоящему (*gegenwärtigend*), дающего сознание во плоти акта. Он является одновременно и последовательно сущим: сущим процессом, сущим прототемпоральным потоком с прототемпоральной одновременностью и последовательностью. Он таков, но впервые осознается как таковой посредством объективирования, которое Я осуществляет в «схватывающих» и при этом апперцеп<ирующих> актах. Эта апперцепция, первоначальная временная апперцепция, является самой первоначальной вообще среди всех ап-

перцепций. Все другие предполагают ее. Всякое знание о первоначальном временном потоке предполагает его восприятие, и в этом восприятии событие актуально конституируется для него как событие, как его объект. Воспринимание (*Wahrnehmen*) само в свою очередь является процессом жизни Я, и в свою очередь само воспринимается и так *in infinitum*. Но, в качестве чистой потенциальности установления восприятий (которые по сути своей как происшествия жизни являются континуумами, процессами) это не ведет к дальнейшим сложностям.

Правда, в отношении истекших событий невозможно действительное восприятие, а возможно только воспоминание, которое в свою очередь обладает характером восприятия-вновь в [252] сознании «репродукции». Длящийся предмет может быть воспринят дважды, поскольку он может быть положен в качестве того же самого на обоих отрезках первоначального и повторенного восприятия, таким образом как сквозным образом длящийся (*hindurchdauernder*). Таким образом, при этом предположено (ясное или смутное) воспоминание предмета на более раннем временном отрезке и сознание длительности, насквозь проходящее через этот отрезок, в котором он не был воспринят. Темпоральный предмет, которому со-принадлежит (*mitgehört*) его время, не может быть воспринят дважды, а может быть лишь однажды воспринят и затем как бы (*gleichsam*) воспринят в модификации репродукции, воспоминания. Тогда он протекает вновь, но не «дей-

ствительно», а в модификации. Вспоминание является при этом событием настоящего. Оно может быть повторено. Тогда у меня были бы повторенные акты, которые сами осознаются друг после друга, и осознаются в качестве воспоминаний того же самого предмета (*als dasselbe wiedererinnernd*). В поперечном ряду, который находится в некоем Теперь (или непрерывно в последовательности Теперь со все новыми поперечными рядами), я обнаруживаю ретенцию воспоминаний с их предметами, и она поперечно связывает (постоянно проходя сквозь поперечные ряды) «идентифицирование», «наложение». Если я обращаю внимание на только что бывшее, которое еще присутствует в поле сознания (хотя и не сознается как только что бывшее, как мы предположили), то быть-в-поле-сознания значит ни что иное как то, что «отзвук» фрагмента процесса еще жив — и теперь я обращаю на него внимание. Я «схватываю» теперь здесь модификацию отзвука, равно как и в том случае, когда таковая обнаруживается в качестве кометного хвоста в процессе, который я, начиная с немодифицированной фазы, объективирую в качестве настоящего, но только в смысле репрезентации прошлого.

Но как это возможно? Здесь все-таки нет предшествующего схватывания восприятия и схватывания (*Wahrnehmungsauffassung und Erfassung*), которое модифицировалось бы в одном темпе и с равной необходимостью с «содержанием», нет модификации, которая была бы сознанием прошлого. Почему я, таким образом,

схватываю отзвук не как нечто «во плоти (*Leibhaftiges*)»? Является ли это переносящей апперцепцией, которую можно было бы понять так, что именно модификация отзвука обладает совершенно своеобразным хабитусом; и это значило бы, что невозможно никакое новые данные ощущений, равное модифицированному. То, что относится к сфере модификаций, само по себе [253] уже выделяется определенным своеобразием. Конечно, хабитуса продолжающихся модификаций было бы недостаточно, так как до той модификации, что стоит перед глазами, нам не даны никакие другие, и мы не имеем еще никакого сознания времени, которое могло бы нам помочь и чье возникновение еще только должно быть прояснено. Таким образом, не возникало бы сложности, будь мы вправе приписать это своеобразие протовременной модификации. Мы могли бы привлечь сюда проблематику воспоминания, а именно сказать: подобно тому, как стихающий (*verklingende*) процесс привлекает мое внимание, он также действует в качестве возбудителя для воспоминания вновь-протекания процесса, и при обращении и схватывании также *eo ipso* имеет место темпорально-предметная апперцепция>.

Все же можно было бы сказать, что стихающее (*Verklingende*) только тогда будет действовать как возбудитель внимания, когда на заднем плане уже приведена в действие предметная апперцепция, так, например, когда я ретроактивно обращаю внимание на бой часов (мое внимание до этого было, скажем, приковано интенсив-

ным погружением в картину, которое тем временем было в достаточной степени удовлетворено (*gesättigt*), и больше не выступает в качестве достаточно сильного препятствия), который как таковой схватывался на заднем плане, а теперь может стать для меня важным.

Как я могу знать, что протопроцесс жизни (*Urlebensprozess*) идет дальше без сопровождающих его схватываний? Могу ли я как-либо воспринять его? Как только я обращаюсь к «новому», темпорально не модифицированному содержанию, то передо мной первичные темпоральные события. Если я обращаюсь к уже модифицированному, то передо мной опять темпоральные события. И при этом мне интенционально даны темпоральные события посредством схватываний восприятия, которые таким образом всегда здесь присутствуют. Как я могу знать, что не все события жизни (*Lebensvorkommnisse*) уже схвачены, и что при каждом направлении внимания я смотрю сквозь уже наличествующие схватывания, вместо того чтобы заново их производить?

Жизнь Я есть протопроцесс, который присутствует, даже когда схватывание (*Erfassung*) этого протопроцесса, соответственно схватывание (*Auffassung*) как взаимосвязь событий в феноменологическом времени не имеет места.

Феноменологическое время все же является таким образом формой предельной жизни сознания, так как феноменологически конституированное переживание в любом случае дано в восприятии времени как «объективная» [254] последовательность фаз события, и это

предельные моменты жизни. Они действительны, в себе, как то, в качестве чего они даны в протопробывании в настоящем (*Urgegenwärtigung*), и в действительности являются в себе последовательностью. «Отзвуки», с необходимостью примыкающие к первичным данным, равным образом должны схватываться в феноменологическом восприятии.

§3. Исследование апорий конституирования протоданных и отзвуков в качестве темпоральных предметов (в обеих конкурирующих моделях). Опасность бесконечного регресса

Отзвуки (или оттенки события), посредством которых представляется событие соотв. темпоральный предмет, сами являются темпоральными предметами, континуум темпоральных оттенков сам является темпоральным, событием в феноменологическом времени.

Если бы мы приняли, что не только всякое первичное данное (всякое, которое является конститутивным для событий в феноменологическом времени) подчиняется закону стихания, и таким образом, что первоначальная жизнь является протопроцессом, но также то, что всякое первоначальное данное и непрерывная последовательность его отзвуков с необходимостью претерпевает схватывание посредством соответствующего континуума протоприсутствия в настоящем (*Urgegenwärtigung*) и протоприведения к настоящему (*Urvergegenwärtigung*)

(ретенция как сознание, конституирующее прошлое), до всякого обращения, то в таком случае было бы непонятно, как сами отзвуки должны становиться темпоральными предметами. Посредством этих схватываний конституируются темпоральные предметы, например отзвуки данного тона, этот тон-ощущение как событие. Но где схватывания, посредством которых сами отзвуки должны быть осознаны в качестве предметов, а их континуум в качестве события? Вероятно, можно сказать: всякий отзвук сам является Теперь, он сам схватывается в пребывании в настоящем, а отзвуки этого отзвука (таким образом опосредованные отзвуки соответствующего протозвука) выступают в качестве репрезентантов для отзвуков этого пребывания в настоящем, которые действуют в качестве модификаций сознания прошлого. Таким образом, у нас нет необходимости искать репрезентанты. Они здесь. В этом отношении все в порядке. Но здесь возникает, можно сказать, неразрешимая сложность, что все же также и предполагаемые пребывания в настоящем и их [255] модификации были протоданными сознания, что они сами в свою очередь должны бы были конституировать темпоральную последовательность и, тем самым, для них должны были быть допущены новые пребывания в настоящем и модификации. И так *in infinitum*.¹

¹ Это, конечно, неверно. Уже старая разработка предварительно показала истинное положение дел (*hat das Richtige im Überschlag gegeben*).

В основе всего этого лежит следующее размышление: обращение к событиям первоначального сознания и его процессам, которое с необходимостью схватывает их все в форме времени, состоит лишь в «луче внимания», который уже предполагает схватывания и посредством их направляется на их интенциональные предметы. Это интерпретация, однако, в соответствии со сказанным выше, будто бы ведет к нелепому *regressus in infinitum*.

Этой абсурдности избегает другая возможная интерпретация, согласно которой всякое первоначальное данное жизни стихает, протожизнь Я является потоком данных, которые частично являются протоданными, изначально возникающими, или отзвуками протоданных. И непрерывно возникает все время новое и стихает, и оно является одним и связанным с отзвуками предшествовавших данных; все это до всякого схватывания. Но теперь закон состоит в том, что всякое данное этой первоначальной жизни, будь то протоданное, будь то отзвук, может быть схвачено Я, а именно «как непосредственно во плоти», может быть схвачено как первоначально данное. «Первоначально данное» указывает на контраст по отношению к иначе схватывающему сознанию. А именно, первоначально данное тотчас стихает, а вместе с тем также и соразмерно восприятию схватывающее сознание, и соразмерно сущности оно является ретенциальным, которое схватывает отзвуки первоначально данного в качестве репрезентантов того же самого предмета, при условии, что схватывание не

подвергается отклонению. Полагание-этого — это воспринимающее схватывание как само присутствующее в настоящем и в этом отношении представляет собой бытие-направленным (*Gerichtet-Sein*) на данное без опосредующей «репрезентации». Луч внимания есть направленность Я на предмет и предполагает здесь сознание настоящего.¹

[256] Я не может направляться на чтобы то ни было без сознания-о. Если оно в этом сознании направлено, и не претерпевает отклонения, то есть направления (*Sich-Richten*), посредством другого уже наличного сознания, то направление сохраняется в модификациях отзвука сознания настоящего, которое модифицируется всецело в соответствии с данным и актом настоящего, и притом так, что последние в их постоянном совпадении сохраняют сознание об одном и том же. Я направлено на одно и то же, но это больше не первоначальное пребывание в настоящем, а ретенция, которая направляется на одно и то же «сквозь» отзвук. Но при этом отзвук протоданного и отзвук сознания пребывания в настоящем также может стать темой, таким образом, он сам может претерпеть схватывание (*Erfassung*) посредством пребывающего в настоящем схватывания (*Auffassung*), и тогда отзвуки послужат в качестве «репрезентантов» нового сознания времени. Это возможно *in infinitum*, но не предполагает бесконечности актов и репрезентантов.

¹ Как следует представлять себе это «предполагание»? Здесь, таким образом, схватывание (*Erfassen oder Auffassen*) не является модусом внимания и все же относится к спонтанности Я.

После этого вполне кажется, что посредством этой интерпретации мы преодолели все сложности. При этом стоит еще отметить, что, как я уже сказал, должны быть исполнены определенные условия конститутивного обеспечения возможности (*Ermöglichung*) единства события. Событие обозначает единство, единое целое, и одновременно могут протекать несколько событий, лишенных взаимосвязи. Если теперь Е является событием, которое конституируется как исполненное на основании процесса обращения, то также процесс отзвуков Е и процесс отзвуков функциональной формы его схватывания настоящего исполняют условия этого конституирования события — события, которое мы как раз называем процессом оттенков события Е. Таким образом, всегда могут быть исполнены возможности проведения различных темпоральных объективаций. В первой объективации мы объективируем процесс протоданных посредством сопровождающего процесса отзвуков тех же самых данных и сопровождающих обращений и схватываний с их отзвуками. Во второй объективации мы всматриваемся в эти континуумы оттенков, осуществляем направленное на них восприятие, то есть возможные для них схватывания как полагания настоящего и т. д.

То, что действительно налично, так это соответствующие протопроцессы, среди них протопроцессы ощущений и их отзвуков, [257] затем протопроцессы спонтанных функций, которые как только возникают, так сразу подлежат закону протопроцесса. Например, если

я осуществляю функции восприятия, то они существуют в форме протопроцесса. Если я обращаюсь к ним, то это обращение является не просто «лучем», направленным на наличное, а системой функций, которые только теперь возникают (*erwachsen*) и изначально конституируют темпоральное событие. Этому вполне соответствует все дальнейшее изложение. Теперь оно показывает, что не в поле возможных рефлексий нужно бесконечно много новых схватываний, а что новые схватывания собственно уже имплицированы в старых, как это и в самом деле должно быть. Все же все это стоит еще раз продумать, чтобы подчеркнуть апорию.

Что значило бы тогда существование переживания как темпорального события (как конституированного объекта) до обращения и конституирования в собственном смысле? Ничто иное как идеальную возможность для Я осуществлять спонтанные функции, на основании протопроцесса, предшествующего (*voransliegenden*) объективации (соответственно в воспоминании).

*Перевод с немецкого Г. Чернавина,
под ред. М. Белоусова*

Комментарий переводчика

Текстологические замечания. Текст №12, озаглавленный издателями «Попытка анализировать протопроцесс без помощи модели схватывание и схваченное содержание», наряду с текстами №№ 9, 10, 11 и №13 входит

в раздел III («К вопросу о применении модели содержания и схватывания при анализе исходного сознания-времени, а также к вопросу об опасности бесконечного регресса») XXXIII тома Гуссерлианы. Данный текст соответствует страницам 32-43 рукописи L I 5, написанной Эдмундом Гуссерлем в декабре 1917 года в поселке Бернау. На папке, в которой хранилась рукопись, чернилами была выведена аннотация: «К апориям. Попытка, так сказать, реалистически проинтерпретировать гилетические прото-данные и их затихание как континуум первоначально закономерной последовательности, а также объяснить все прото-презентации, а в них и ретенции, исходя из привходящей и не необходимой спонтанности Я: ретенции — необходимые отзвуки прото-презентаций (как спонтанных схватываний), но как отзвуки актов они постоянно идентифицируются и т. д. Таким образом следует преодолеть бесконечный регресс. Бесконечность <есть> чистая потенциальность».

Проблематика и критика. В отличие от предыдущих текстов, входящих в ту же рукопись L I 5, в этом фрагменте Гуссерль пытается отказаться от типичной в целом для его анализа сознания-времени модели «схватывание/схваченное содержание». Разбирая недостатки этой модели (схватывание того или иного временного данного, затихая само становится предметом схватывания), Гуссерль вплотную сталкивается с проблемой бесконечного регресса (которая кажется неизбежной при формальном анализе сознания-вре-

мени) и пытается её преодолеть. Отметим, что Марк Ришир посвятил §5 раздела IV книги *Фантазия, воображение, аффективность: феноменология и феноменологическая антропология* (2004)¹ истолкованию №11 и №12 из Бернау-манускриптов Гуссерля. Бельгийский феноменолог указывает на то, что неудовлетворительность модели «схватывание/схваченное содержание» и опасность бесконечного регресса подводят нас к наиболее фундаментальной апории, лежащей в основе Гуссерлевского учения о сознании-времени. Если *гиле* всегда сопровождается схватыванием, значит ли это, что для того, чтобы у нас было сознание о чем бы то ни было (в данном случае — внутреннее сознание времени) у нас всегда должно быть схватывание чего бы то ни было? Не ведёт ли этот путь исследования сознания в дурную бесконечность содержаний и схватываний? Как сможет увидеть внимательный читатель текста №12, чтобы избежать апории бесконечного регресса, Гуссерль предлагает помыслить временной прото-процесс как «лишь процесс протовозникновения и стихания безо всякого схватывания, соответственно репрезентации». Сознание времени по ту сторону схватывания и репрезентации — это, безусловно, шаг вперед по сравнению с уже известными русскоязычному читателю *Лекциям по феноменологии внутреннего сознания времени*.

¹ *Richir M. Phantasia, imagination, affectivité: phénoménologie et anthropologie phénoménologique*, Grenoble: J. Millon, 2004. PP. 476–482.

Трудности перевода. Из используемых Гуссерлем в этом тексте понятий наиболее нестандартным и отличающим его от других текстов той же группы рукописей кажется немецко-латинский эклектичный неологизм Гуссерля, производный от латинского *dabilis* (то, что может быть дано): *Bewusstseinsdabilien*. Мы предлагаем переводить это неологизм как «то, что может быть дано сознанию».

Гуссерлевский неологизм *Soeben-Gewesenheiten* (мн.ч.) передаётся при помощи не очень благозвучного варианта «только-что-прошедшести».

Urgegenwärtigung в переводе звучит как «протопробывание в настоящем»; переводчик был вынужден добавить субстантив «пробывание», который не присутствует в немецком оригинале.

В заключение переводчик хотел бы поблагодарить М. А. Белоусова за сверку перевода с немецким оригиналом, редакторскую работу, стилистическую правку и ряд конструктивных замечаний к тексту перевода.

Глоссарий

<i>Abklingen</i>	стихание
<i>Auffassung, Erfassung</i>	схватывание
<i>aufmerkende</i>	замечающее
<i>Bewusstseinsdabilien</i>	то, что может быть дано сознанию
<i>gattungsmäßig gleiche</i>	одинаковое по виду
<i>gegenwärtigend</i>	приводя к настоящему
<i>Gerichtet-Sein</i>	бытие-направленным

<i>Dinggegenstand</i>	вещный предмет
<i>das Richtige im Überschlagn geben</i>	показать истинное положение дел
<i>Ermöglichung</i>	обеспечение возможности
<i>gesättigt</i>	удовлетворено
<i>hindurchdaurnder</i>	сквозным образом длящийся
<i>Knall</i>	хлопок
<i>Lebensvorkommnisse</i>	события жизни
<i>leibhaft</i>	во плоти
<i>Leibhaftige</i>	некто во плоти
<i>mitgehören</i>	со-принадлежать
<i>monothetisches Überschaun</i>	монотетическое обозрение
<i>nebenbei bemerkende</i>	между прочим отмечающее
<i>nicht unbedenkliche</i>	не лишенное сомнительности
<i>Reiztendenzen</i>	тенденции чувственного раздражения
<i>sich abhebende</i>	выделяющееся
<i>Sich-Richten</i>	направление, направляющее
<i>Soeben-Gewesenheiten</i>	только-что-прошедшие
<i>Urgegenwärtigkeiten</i>	протопринадлежащие-настоящему
<i>urgegenwärtigende</i>	первично относящее к настоящему
<i>Urgegenwärtigung</i>	протопробывание в настоящем

<i>urquellende</i>	служащее первоисточником
<i>Urlebensprozess</i>	протопроцесс жизни
<i>ursprünglich</i>	первоначально
<i>Urvergegenwärtigung</i>	протоприведение к настоящему
<i>Vergangenheiten</i>	прошлые
<i>Verklingende</i>	стихающее
<i>vorausliegen</i>	предшествовать
<i>Wahrnehmen</i>	воспринимание
<i>Zeitfülle</i>	наполнение времени
<i>zeitgegenständlich</i>	как темпоральные предметы

[258] №13 <ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ
БЕСКОНЕЧНОГО РЕГРЕССА
В КОНСТИТУИРОВАНИИ ВРЕМЕНИ
ПОСРЕДСТВОМ УКАЗАНИЯ
НА РЕТЕНЦИАЛЬНУЮ ОБРАТНУЮ
ОТСЫЛКУ (RÜCKBEZIEHUNG)
ВРЕМЯ-КОНСТИТУИРУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ
К СЕБЕ САМОМУ>

§1. Обзор состояния проблемы:
имманентный темпоральный предмет
и смена его способов данности

Имманентное данное в феноменологическом времени длится, оно начинается, наполняет отрезок времени и проходит. Это объективный протосостав (*Urbestand*).

В рамках временного отрезка в восприятии события следует отличать восприятие его начала, в котором точка начала дана в модусе настоящего. Это восприятие есть процесс, в нем постоянно осознана все время новая точка события в модусе настоящего, и в единстве с точкой события E_x в модусе настоящего дано созна-

ние прошедшей фазы, как раз в модусе прошлого. Прошедшая фаза $E_{\kappa-1} \dots E_0$ присутствует в настоящем в модусе данности прошлого. Нам дана та или иная точка протонастоящего, а именно E_{κ} , в качестве «возникающей», и вместе с тем континуум вторичных моментов настоящего, это более ранние E в модусе «прошлое». Для каждого E этот модус — иной. И теперь сознание прошлого каждого этого E «постоянно модифицируется», соответственно, постоянно модифицируется модус данности этого E (пока оно вообще «остается» данным); и вместе с этой модификацией способов данности, которая затрагивает само E_{κ} , вступающее из модуса протоданности в постоянно новую все более модифицированную бывшесть (*Gewesenheit*), возникает все время новое $E_{\kappa+1}$, <чтобы> в модусе протоданности в самости (*in der Weise der Urgegebenheit im Selbst*) вступить в эту модификацию модусов данности и т. д.

Тем самым, если это описание верно, различаются сама временная точка события, например, E_{κ} , и ее модус данности, который обладает либо характером протонастоящего (*Urgegenwärtigkeit*), либо характером настоящего (*Gegenwärtigkeit*) в форме «только что прошедшего» на том или ином уровне модификации (ретенция, еще-присутствующее в настоящем). [259] Если мы называем событие Теперь-Сущим, то всякий раз только лишь одна точка этого события в строгом смысле есть теперь (а именно в протонастоящем), все другие либо еще не в настоящем, а неопределенно предосознаны (наступающие), либо еще в настоящем в модусе ретенции.

Если мы теперь говорим о способах данности E_κ , то мы осуществляем рефлексию в отношении модальностей временной предметности (*zeitgegenständlichen Modalitäten*), соответственно в отношении воспринимающего сознания. Сознание есть сознание точек E_κ (*Bewusstsein von den E_κ*); или в воспринимающей субъективности осознано E_κ , и в непрерывном ходе восприятия, в непрерывном «переживании (*Erleben*)» осознано событие E_0 . E_n ,¹ и рефлексия показывает нам своеобразие модификации, показывает нам как та или иная точка события осознается во все новых модусах; она показывает нам, как мы можем рассматривать переживание в настоящем в соответствии с его собственным содержанием (*Eigengehalt*): фаза переживания в настоящем называется сознание точки E_κ ; напр. в модификации перехода, а именно при переходе ко все новому сознанию того же E_κ , мы обнаруживаем непрерывное единство совпадения, «то же самое» E_κ . С другой стороны мы обнаруживаем в переживании не «само» E_κ как изначальное, как относящееся к протонастоящему, а обнаруживаем в сознании, относящемся к настоящему, оттенение, «отзвук», «сквозь» который мы подразумеваем E_κ во всегда новом модусе. И тут мы различаем само «содержание оттенения» и «схватывание», «одушевление», которое в смене оттенков сходится в единство сознания того же самого, и в отношении к тому же самому в смене моментов рефлексии, которая обращает

¹ Таким образом, исходное переживание события = восприятие.

внимание то на это Единое, то на многообразное содержание репрезентации, это многообразное дается в качестве этого сменяющегося изображения, а именно изображения прошлого того же самого; или то же самое в различных модусах данности. Совершенно аналогичным образом та же самая плоскость в пространстве дана в качестве той же самой и, с другой стороны, дана в качестве изображающейся во все время новом модусе посредством оттенков, на которые мы можем обратить внимание (то есть сделать их предметами) в соответствии с их содержанием, и которые, в силу одушевляющего их схватывания, отсылающего нас к «синтетической» взаимосвязи, являются оттенениями одного и того же (*“von” demselben*).

Все это только повторения и обобщения. Они нам служат для того, чтобы со всей ясностью войти в курс дела. Какие затруднения можно еще здесь обнаружить?

§2. Возражение, касающееся бесконечного регресса: не являются ли переживания, которые конституируют фазы события, сами в свою очередь конституированными?

От предположенного события, воспринятого в феноменологическом времени, длящихся данных ощущений мы вернулись к взаимосвязи «конституирующих» его переживаний сознания. То, что мы увидели — это не что-то вымышленное, и мы увидели эти переживания, мы это восприняли. И там у нас была непрерыв-

ная последовательность протодающих (*urgebenden*) переживаний для фаз события; они возникали по очереди в абсолютной самостности (*Selbstheit*), для того чтобы, правда, точас же вместе со своим возникновением потерять свою самостность как протоданность. И у нас были ряды модификаций этих протоданностей, возникающих в протонастоящем точек события, в то, что обладает вторичным характером настоящего (*in sekundäre Gegenwärtigkeiten*), модусами данности такого рода, которые свойственны прошлому. С точки зрения «переживаний», «сознания» мы рассмотрели непрерывное возникновение, исчезновение, соответственно, само-модифицирование. У нас были последовательности и были одновременности. У нас было, что обладает вторичным характером настоящего (переживаний прошлого) и сосуществует с первичным, вновь возникающим Теперь-Событием. Таким образом, с точки зрения сознания у нас был протопроцесс с происхождением (*Entquellen*) и истечением (*Verquellen*), и все слова, которые мы используем, таковы, что кажутся <обладающими> временным значением. Не находятся ли конституирующие переживания сами в феноменологическом времени, не требуют ли они в свою очередь конституирующих переживаний, и так *in infinitum*?¹ [261] Всякое

¹ Возражение (с точки зрения, подробнее изложенной и явным образом критически истолкованной в а) <см. Husserliana Bd. XXXIII. №12>) Постановка вопроса не верна. У нас все же был исток восприятия трансцендентальных событий и мы описали его модусы данности того же самого в восприятии, процесс, в котором находится само восприятие. В какой степени

трансцендентальное переживание является событием в феноменологическом времени, оно демонстрирует себя в качестве такового в трансцендентальной рефлексии.¹

В трансцендентальной рефлексии первого уровня мы обладаем первичным событием, конституирование которого представлено на диаграмме.

$$\begin{array}{c|l} C_0 & E_0 \\ C_1 & E_1 \ V^1(E_0) \\ C_2 & E_2 \ V^1(E_1) \ V^2(E_0) \\ C_3 & E_3 \ V^1(E_2) \ V^2(E_1) \ V^3(E_0) \end{array}$$

На этой диаграмме заметно, что здесь <не только> с одной стороны конституируется непрерывный временной отрезок (конкретный временной отрезок, таким образом, конкретное событие в его протяженности временного отрезка) $E_0 — E_n$, но что также определенным образом дана последовательность конституирующих переживаний трансценденции второго уровня в качестве конституированной в трансцендентальном времени.

«требуются те же самые конституирующие события»? Конечно в той степени, в какой мы должны их воспринимать, что мы и обязаны делать в целях рефлексии. Но мы обязаны рефлексировать и таким образом не должны обладать их восприятием и соответственно аналогично дающим сознанием, таким как квази-восприятие воспоминания.

¹ Но не всякое «конституировано», осознанно, воспринято в качестве события.

Если мы обозначим трансцендентальное конституирующее сознание первого ряда событий по порядку с помощью $C_0 C_1 C_2...$, тогда ясно следующее: Если C_0 переходит в C_1 , то есть E_0 переходит в $E_1 V^1(E_0)$, то мы, когда это последнее из двух появляется, посредством $V^1(E_0)$ осознаем предшествовавшее C_0 или, что то же самое, E_0 как только что прошедшее. Если тогда C_1 переходит в C_2 , таким образом $E_1 V^1(E_0)$ в $E_2 V^1(E_1) V^2(E_0)$, то в последнем мы сознаем недавнее прошлое $E_1 V^1(E_0) = V^1(E_1) V^2(E_0)$, что, безусловно, составляет все компоненты прошлого в C_2 . Ровно так же если C_2 переходит в C_3 , или, что то же самое, $E_2 V^1(E_1) V^2(E_0)$ переходит в $E_3 V^1(E_2) V^2(E_1) V^3(E_0)$, то вновь сознание прошлого первого, то есть C_2 лежит в последнем, в C_3 , и здесь это приводит C_2 к модификации: $V^1(E_2) V^2(E_1) V^3(E_0)$.

Таким образом: точно так же как ряд $E_0 E_1...$ в качестве феноменологического отрезка события осознается в восприятии за счет того, что в единстве с E_1 возникает сознание прошлого E_0 , в единстве с E_2 сознание прошлого E_1 и модифицированное сознание прошлого E_0 более высокого уровня и т. д.; ровно так же, утверждаю я, ряд сознания, конституирующий Е-ряд [262] осознается в качестве непрерывного ряда, в качестве временного отрезка в восприятии (предметно и во плоти) посредством того, что сначала возникает $C_0 = E_0$, затем $C_1 = E_1 V^1(E_0)$ и через вектор $V^1(E_0)$ C_0 осознается в качестве прошедшего, затем C_2 и через его вектор $V^1(E_1) V^2(E_0) = V^1(E_1) V^1(E_0) = V^1(C_1)$ в качестве прошедшего осознается C_1 и т. д.

Тем самым, мы никоим образом не приходим к бесконечному регрессу.

В единственном последнем трансцендентальном процессе с его протовозникновением и протоисчезновением событие E и событие конституирования E осознается в различных направлениях рефлексии. Диаграмма показывает исчерпывающим образом, как это возможно.

§3. Два направления трансцендентальной рефлексии: на течение (Strom) конституирующего потока (Fluss) и на последовательность конституированных событий

Стоит все же заметить, что следует провести различие между потоком самого конституирующего переживания, который протекает независимо от того, происходит ли замечание, схватывание, имеет ли место замечающая направленность на событие (*Aufmerkend-auf-das-Ereignis-gerichtet-Sein*) или нет — и, с другой стороны, этим переживанием, поскольку оно усложнено посредством переплетения с соответствующей модификацией, осуществляемой замечающей, схватывающей событие рефлексией (модификации внимания).

Если мы осуществляем феноменологическое восприятие (замечающее схватывание) E , то от $Я$ к E_0 E_1 $E_2...$ постоянно исходит схватывающий луч, причем то, что

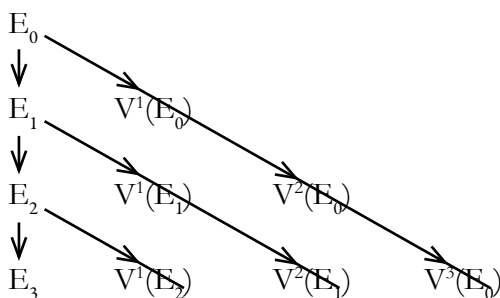
однажды схвачено, остается схваченным на протяжении всей модификации погружения в прошлое. Таким образом, возникающее E_0 возбуждает интерес (или интерес уже идет ему <навстречу> благодаря протенции и проходящему через нее сквозному «вниманию»), интерес направлен к идущему ему навстречу E_1 , в то время как вторичное замечание (*Bemerken*) идет дальше к E_0 и, конечно, сквозь $V^1(E_0)$. Новому E_3 уделено первичное внимание на следующей стадии, теперь посредством $V^1(E_0)$ вторичное внимание (*Aufmerken*) направляется на E_2 и внимание третьего уровня через $V^2(E_1)$ на E_1 и, наконец, еще более ослабленное через $V^3(E_0)$ на E_0 .

[263] Я говорю здесь о первичном, вторичном и так далее замечающем схватывании. Это, конечно, здесь, как и везде, только *façon de parler*.¹ Речь идет о градуальности захватывания и расположенности к схватыванию (*Ergreifen und Griffigsein*), о первом, самом прочном схватывании (*Zugreifen*) нового и о постоянно ослабляющемся обладании схваченными (*Im-Griff-Haben*) модифицировано осознаваемыми моментами. Причем, однако, внимание все же является именно вниманием. Точки E_x удаляются, все больше ускользают от хватки (*Griff*), в захватывании все меньше захваченного, оно исчезает в темноте и пустоте. И это касается не просто содержательной полноты, но, как следует заметить, и самого модуса внимания (модуса, когда именно первичное внимание постоянно обращено к новому, о чем теперь и идет речь).

¹ Фигура речи (фр.). — Прим. пер.

Если мы теперь перейдем к другой, всегда возможной замечаящей рефлексии трансцендентально отмечающего восприятия второго уровня, к схватыванию самого трансцендентально конституирующего потока в качестве события, то очевидным образом изменится структура внимания (*attentionale Struktur*). Теперь замечаящее схватывание направляется в пункте 1 не на E_1 и E_2 (или скорее не на континуум $E_1...E_0$) сквозь V-модификацию, а на E_1 и на непрерывно присоединяющуюся V-модификацию E_0 (соотв. $E_1...E_0$). И так на каждом этапе. И теперь именно поперечные ряды являются тем, что устойчиво удерживается на всем протяжении их модификаций, в то время как в каждом новом пункте взгляд направлен на эти ряды. Таким образом, у нас по контрасту есть следующая диаграмма рефлексии, причем рефлектирующее внимание будет обозначаться связующими линиями.

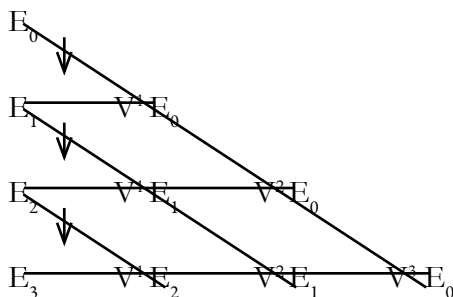
Диаграмма рефлексии I:

[264] В каждом пункте у нас избирательный интерес (*Vorzugsinteresse*) к новому E_k и он смещен на уровень

вправо. Однажды замеченное «еще» остается в сфере внимания, но тогда оно само убывает, если только не осуществится произвольное удержание, которое, тем не менее, с необходимостью ослабевает, смещаясь вправо.

<Диаграмма рефлексии> II

Более подробное истолкование на следующем листе.¹

Для второй фигуры учитываются также и косые линии.

III. Фигура: пока событие продолжается, избирательное внимание направлено на фазу (или звено временного ряда), например, на то, как часы пробили один раз. Тогда следует прочертить только соответствующую косую линию, проходящую через $V^*(E_0)$. Во время боя часов два удара могут совместно выхватываться (две линии).

Как выглядит теперь рефлектирующее сознание, в котором рефлексия направлена на протосознание, конституирующее первичные феноменологические

¹ Ср. здесь: S. 264, 16 ff. — *Прим. нем. изд.*

события? Это рефлексия более высокого уровня, поскольку уже феноменологическое событие E дано <в> рефлексии, а именно, в трансцендентальной редукции. Как мы осуществляем более высокую трансцендентальную рефлексию? В то время как мы из первой, направленной на E установки, переходим к установке, ориентированной на $C(E)$, схватывающий луч должен все же с одной стороны по порядку проходить¹ [265]

$$E_0$$

$$E_1 \quad V^1(E_0)$$

$$E_2 \quad V^1(E_1) \quad V^2(E_0)$$

$$E_3 \quad V^1(E_2) \quad V^2(E_1) \quad V^3(E_0)$$

через $E_0 E_1 E_2 E_3$, таким образом, всегда навстречу новому, и старое должно при этом быть удержано, поскольку, с другой стороны, мы как раз хотим схватить обозначенную последовательность рядов диаграммы, и в каждом ряду фигурирует соответствующее E_k , и если мы рассматриваем один ряд, то в прошедшем ряду, который должен быть интенционально осознаваемым и замеченным, и так далее, поскольку мы продвигаемся

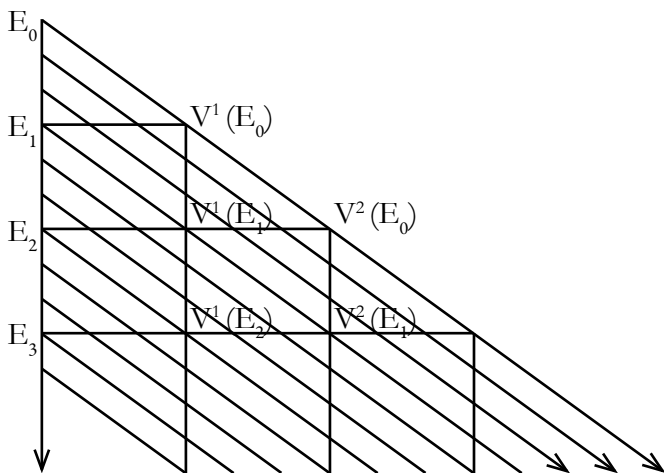
¹ Поменять всю форму записи, для того чтобы привести ее в наглядное соответствие с нормальными диаграммами! Так $E_0 E_1 E_2$ — писать горизонтально и т. д.

назад к каждому из более ранних рядов, имеет место относящееся к нему предыдущее E_k и оно должно быть удержано.

Таким образом, функция внимания и схватывания, которая оказывается на диаграмме рефлексии I модифицированной, должна непременно доминировать. С другой стороны, новый трансцендентально рефлектирующий взгляд (более высокого уровня), чтобы схватить все ряды в качестве рядов, обращается к V-модификации каждого уровня. Следовательно, например, лишь в первой рефлексии на уровне, обозначенном символически с помощью индекса 2, я обладаю первичным замечающим схватыванием вновь возникающей E-фазы E_2 , несколько ослабленным продолжающимся удержанием (*Noch-Festhalten*) E_1 , и, между тем как замечающий взгляд проходит через $V^1(E_0)$, еще более ослабленным удержанием E_0 через $V^2(E_0)$. И это, конечно, следует понимать как континуум, а не как дискретность трех звеньев. Этот континуум (поперечный континуум) является единым в многоступенчатом схватывании. Если я теперь рефлектирую, то взгляд направляется на этот континуум, который в качестве единого становится доступным схватыванию в обнаруживающем схватывающем луче. Единство континуума — это единство, которое само учреждается чисто посредством сущности модуса данности события. А конститутивным для фазы события с необходимостью является моментальное настоящее. Но поэтому оно не является единым посредством опред-

мечивающего схватывания. И оно как раз сюда относится. Таким образом, на первом рисунке у нас:

[266]

Направление косых линий: направление внимания через V к той же самой E_x . Протенциальное направление внимания на новое.

И теперь более глубокая трансцендентальная рефлексия направляется на поперечные линии и одновременно сквозь них, причем каждая поперечная линия обладает своей модификацией прошлого в следующей линии и остается схваченной, на протяжении всей этой модификации. Перед нами здесь, таким образом, удивительная многомерность внимания и заключенного в нем рефлектирующего схватывания. Стоит еще заметить: рефлексия на поперечные ряды касается здесь как раз поперечного ряда модусов данности E , а не, скажем, «актов».

§4. Единство функционирующего протопроцесса конституирующего сознания и его удвоение в дальнейшей рефлексии. Конституированная имманентная временная предметность первого и второго уровня

Теперь возникает вопрос: как соотносится первое феноменологическое время, в котором конституируется трансцендентное событие в качество наполненного временного отрезка, с феноменологическим временем, в котором конституируется конституирующий ряд в качестве отрезка?

В первой рефлексивной установке перед нами протяженное во времени событие E , и возможно еще одновременное второе, третье E' E'' , затем вновь последовательность, наложение (*Sich-Überschieben*) частично [267] одновременных переживаний и т. д. Все на одной временной линии. Например, данное ощущений тона, одновременно игра красок и так далее.

Если мы теперь глубже рефлектируем и берем последовательность конституирующих модусов данности, то мы спрашиваем: одновременно ли конституирующее событие с конституированным в том же смысле, в каком последнее одновременно по отношению ко второму конституированному событию? Станный и трудный вопрос. Является ли последовательность в конституирующем потоке переживаний одновременной по отношению к последовательности в конституированном потоке, в конституированной

последовательности событий? Протекают ли они одновременно как две любые (конституированные) последовательности?

Мы можем совместно охватить две «феноменологически объективные» последовательности в разделенном внимании. Тогда фигура остается по существу той же самой, только вместо E_0 мы имеем нечто вроде $(E_0' E_0'')$, и всякое E относится к определенному событию (к которому еще относятся другие условия). Однако дело здесь обстоит не так, поскольку объективное и конституирующее события и конституированы в одном и том же конституировании. Конституирующая последовательность как последовательность своеобразно заключена в самой конституирующей последовательности. Сложно дать здесь ответ. Но с полным правом следует сказать, что эта одновременность имеет другой смысл, чем объективная одновременность, и что собственно феноменологическое время является одним в том смысле, что оно позволяет занять две установки, но что оно является двойным постольку, поскольку конституируется объективный ряд событий, когда само конституирование, если мы на него рефлекслируем, должно в свою очередь с необходимостью обнаруживать само себя в качестве ряда и в качестве временной последовательности, которая, несмотря на это сущностное переплетение, все-таки не может быть обозначена в качестве таковой.

Дальнейшее размышление: трансцендентальная протожизнь (*Urleben*) есть поток протосознания, вечное

(непрекращающееся) возникновение и исчезновение, причем «исчезновение» есть само-модифицирование возникшего. Это возникновение как протовозникновение жизни сознания есть протовозникновение первичных импрессий и протовозникновение вторичных впечатлений, охарактеризованных в себе как модификации протовпечатлений. Однако это последнее, в себе охарактеризованное (*In-sich-charakterisiert-Sein*), означает: в протопроцессе к каждому [268] протовпечатлению примыкает в качестве его протоследствия (*Urfolge*) «репродуктивное»¹ сознание протозапечатленного (*Urimprimierten*) как только что прошедшего, и это «репродуктивное» сознание есть впечатление, поскольку оно, в модусе впечатления является оригинальным возникновением репродукции = репродуктивным сознанием в настоящем вместе с настоящим репродуктивного как такового. Эта «репродукция» претерпевает ту же модификацию и т. д., причем с последовательностью все время вновь возникающих протовпечатлений переплетается последовательность репродукций различных уровней. А именно так, что <с> более поздн<им> протовпечатлением связывает<ся> континуум вторичных впечатлений различных уровней. Все впечатления, которые появляются вместе, сплавляются (*verschmelzen*) в единство, в протоконтинуум импрессиональности или в единство соответствующего настоящего жизни. Коррелятивно весь их поэматический состав сплавляется

¹ Зачем неудачное выражение «репродуктивное»?

в непрерывность импрессионального или присутствующего в настоящем (*Gegenwärtigen*) как такового.

К этому однако также относится то, что в переходе от фазы к новой фазе непрерывного сознания сквозь соответствующие репродуктивные модификации того же самого, соответственно, ноэматических модификаторов, проходит непрерывное сознание единства, и соответственно также, что при переходе от поперечного ряда к поперечному ряду сознание единства проходит через последовательность рядов, в той мере в какой новые ряды (вплоть до их компонентов протопечтления) являются модификациями старых рядов. В повторном прохождении воспроизведенной посредством воспоминания системы конституирования события мы можем посредством соответствующей рефлексии (осуществленного в рефлексии обращения (*Sich-Richten*) Я к тождественному в непрерывных модификациях сознания сознанию) привести к схватывающему сознанию тождественную самость (*Selbigkeit*), и, с другой стороны, сами ряды, взаимосвязанные модификации (*Abwandlungen*) и т. д. Во всем этом заложены, таким образом, сущностные протоособенности протожизни (*Urvesenseigentümlichkeiten des Urlebens*), в которой конституируется многообразие переживаний феноменологического времени, постоянное множество следующих друг за другом и сосуществующих феноменологических временных событий, многообразий, в которых, в свою очередь, могут конституироваться единства «трансцендентных сознанию» объективно-

стей [269], такие как единства пространственных вещей, одушевленных существ и т. д.

К протохарактерным чертам (*Ureigenheiten*) сознания (в качестве самой исходной жизни Я, в которой переживания трансценденции конституируются в качестве единств феноменологического времени, о которых только и говорилось в *Идеях*), таким образом, относится:

1) С одной стороны, связь, создание единства сознания, которое обозначается на диаграмме как единство непрерывного ряда. Это единство в протоодновременности (*Urzeitgleich*), в которой последовательность события осознается в моментальном теперь.

2) С другой стороны <сюда относится> единство сознания, которое господствует в непрерывной протопоследовательности, в изначальном друг-после-друга (*Nacheinander*), и которое, проходя сквозь всю последовательность, удерживает осознанное в последовательности поперечных рядов друг-после-друга в качестве «длящегося» единства. Эта идентификация в последовательности все время предполагается. В проживании последовательности мы убеждаем себя посредством самой рефлексии в наличном существовании (*Dasein*) последовательности в качестве постоянного идентифицирования.

Что касается рефлексий, то они являются новыми событиями, ноэтическими лучами, которые исходят из Я в различных модусах, в соответствии с различными направлениями и напряжениями рефлексии

проходят сквозь протоданные жизни (*Urlebensdaten*), в чем мы убеждаемся посредством новых рефлексий. Различие между лишенным рефлексии и рефлексивно модифицированным сознанием мы, конечно, схватываем посредством воспоминаний и рефлексий в воспоминаниях, соответственно, посредством сравнения воспоминания о сознании, конституирующем событие, и модификации, которые мы свободно можем осуществить, модификации этого сознания в рефлексивное схватывание (*Umfassen*) этого сознания, в сознание, которое вместило в себя рефлексии. Это вновь указывает, таким образом, на необходимость феноменологии воспоминания.

*Перевод с немецкого Г. Чернавина,
под ред. М. Белоусова*

Комментарий переводчика

Текстологические замечания. Текст №13, озаглавленный издателями «Предотвращение бесконечного регресса в конституировании времени посредством указания на ретенциальную обратную отсылку время-конституирующего сознания к себе самому», наряду с текстами №№ 9, 10, 11, 12 входит в раздел III («К вопросу о применении модели содержания и схватывания при анализе исходного сознания-времени, а также к вопросу об опасности бесконечного регресса») XXXIII тома Гуссерлианы. Данный текст соответствует рукописи L I 3,

написанной Эдмундом Гуссерлем в декабре 1917 года в поселке Бернау. При предварительной подготовке этого текста (так называемых В-листов) к печати в 1930 Ойген Финк отнес этот текст в разделу «Конституирование имманентного времени». Также в своих рабочих заметках Финк отмечал ценность этого текста, в частности ценность описания модусов данности временного события — описания, предшествующего основной теоретической части рукописи.¹

Проблематика и критика. Центральная проблема этого текста — необходимость предотвращения бесконечного регресса конститутивных уровней сознания-времени. Это проблема решается Гуссерлем через внутреннюю рефлексивность сознания, а точнее через ретенциальную соотнесенность сознания с самим собой. Такое решение требует анализа процедуры рефлексии, который Гуссерль и проводит, с опорой на новые диаграммы сознания-времени и диаграммы рефлексии (I.–III.). Гуссерль также подробно рассматривает роль внимания (схватывания и удержания) во временной рефлексии. Это позволяет ему тематизировать модусы данности и уровни имманентной временной предметности, а также различные направления рефлексии, в которых эти модусы и уровни могут быть даны.

¹ *Fink E.* Phänomenologische Werkstatt. Gesamtausgabe, Band 3.2: Bernauer Zeitmanuskripte, Cartesianische Meditationen und System der phänomenologischen Philosophie / hrsg. von R. Bruzina. Verlag Karl Alber: Freiburg/München, 2008. S. 359.

Отметим, что в своих личных записях Ойген Финк, который плотно работал с этой рукописью, также проводит и критику предложенного Гуссерлем решения.¹ Так, в частности, идея обратной отсылки ретенциального сознания к самому себе и соотношения протонастоящего и настоящего кажется Финку мало оправданной, так как она приводит к чрезмерному усложнению вложенных друг в друга интенций. Он так же отмечает, что гуссерлевский анализ излишне ориентирован на настоящее, что мешает ему отразить своеобразный характер прошлого. В качестве альтернативы Финк предлагает свое собственное учение о выходе за пределы настоящего (*Entgegenwärtigung*) в дополнение к хайдеггеровскому понятию времени как единства экстатических моментов. Также недостатком предложенного Гуссерлем анализа Финк считает его ориентированность на отдельные временные точки, что не позволяет ему адекватно описать единство потока и его исток.

Трудности перевода. При переводе основную сложность составила передача таких выражений как (Ur-)Gegenwärtigkeit и Gewesenheit, которые мы предлагаем переводить соответственно как характер (прото-) настоящего и характер бывшего.

Другим сложным моментом была передача терминологии, связанной с ролью внимания в рефлексии и механизмом схватывания в рефлексии; мы предлагаем переводить отлагательные существительные *Aufmerken*,

¹ Ibid. S. 362–363.

Bemerken как замечание, а *Ergreifen*, *Griffigsein*, *Im-Griff-Haben*, соответственно, как захватывание, расположенность к схватыванию и обладание схваченным.

Urleben в переводе звучит как «протожизнь», а *Urlebensdaten*, соответственно, как «протоданные жизни».

В заключение хотелось бы выразить благодарность А. Кузнецову за помощь при редактировании перевода.

Глоссарий

<i>Abwandlung</i>	модификация
<i>Aufmerken, Bemerken</i>	замечание
<i>Aufmerkend-auf-das-Ereignis-gerichtet-Sein</i>	замечающая направленность на событие
<i>Dasein</i>	(наличное) существование
<i>Eigengehalt</i>	собственным содержанием
<i>Entquellen</i>	проистечение
<i>Erleben, Erlebnis</i>	переживание
<i>Ergreifen</i>	захватывание
<i>Fluss</i>	поток
<i>Gegenwärtigkeit</i>	характер настоящего
<i>Gewesenheit</i>	характер бывшего, бывшее
<i>Glockenschlag</i>	бой часов
<i>Griffigsein</i>	расположенность к схватыванию
<i>Im-Griff-Haben</i>	обладание схваченным
<i>In-sich-charakterisiert-Sein</i>	быть в себе охарактеризованным

<i>Noch-Festhalten</i>	продолжающееся удержани-
	е
<i>Selbigkeit, Selbst</i>	самость
<i>Selbstheit</i>	самостность
<i>Sich-Richten</i>	обращение
<i>Sich-Überschieben</i>	наложение
<i>Strom</i>	течение
<i>Rückbeziehung</i>	обратная отсылка
<i>Urbestand</i>	протосостав
<i>Ureigenheit</i>	протохарактерная черта
<i>Urimprimierte</i>	протозапечатленное
<i>Urgegebenheit</i>	протоданность
<i>Urgegenwärtigkeit</i>	характер протонастоящего
<i>Urleben</i>	протожизнь
<i>Urlebensdaten</i>	протоданные жизни
<i>Urwesenseigentümlichkeit</i>	сущностная протоспеци-
	фичность
<i>Verquellen</i>	истечение
<i>Verschmelzen</i>	сплавление
<i>Vorzugsinteresse</i>	избирательный интерес
<i>Zugreifen</i>	схватывание

[274] <IV. Эгологическая и гилетическая временность в генетической перспективе>

№ 14 Мой поток переживаний и Я

§1. <Редукция к временности исходной, неэгологической сенсуальности (Sensualität)>

Если в феноменологической редукции к потоку сознания я рассматриваю все Мое, все что мне реально дано в самом широком смысле (от себя-самого я хочу теперь отвлечься), то я обнаруживаю мой «поток переживаний». Точнее говоря, я обнаруживаю «живое», и в этой живости с необходимостью подвижное «настоящее», т. е. мое субъективное настоящее, с его структурой прото-присутствия и «горизонтом» только что бывшего и будущего. Я могу проникнуть в этот горизонт и с «очевидностью» схватываю непрерывность таких субъективных моментов настоящего, бесконечной непрерывности прошлого и неопределенной, но лежащей в сфере пред-видимого, «грядущей» непрерывности. Если я обращаю внимание на точки прото-

присутствия, то они образуют текущий континуум, обладающий устойчивой формой, формой имманентного времени. Если теперь я вместе с тем обращаю внимание на непрерывность полных моментов настоящего, то я обнаруживаю, что к каждой точке имманентного времени (соответственно к каждому прото-присутствию, которое к нему относится, и объективировано в форме времени (идентифицируемо в повторенных воспроизведениях)) также относится объективированное полное присутствие. Это полное присутствие только в своей точке прото-присутствия лежит в имманентном времени прото-присутствий. Но одновременно горизонт, всякий раз окружающий точку прото-присутствия, «соотносится» с отрезком имманентного времени интенционально.

Если мы, однако, рассмотрим эту континуальность моментов живого настоящего (одну непрерывность <в качестве> моментальной и неудержимой в качестве актуальной, все другие <в качестве> прошедших), то они образуют, равным образом, как уже было сказано, «объективный», вновь и вновь идентифицируемый состав. И мы должны вновь сказать: взятое в этой идентичности — всякое <настоящее> было тем идентичным, которое интенционально изображалось в [275] несметном числе «прошлых» — они находятся в устойчивой имманентной временной форме, которую, прежде всего, стоит отличить, от только что выявленной временной формы, но в «совмещении» (*Deckung*) с ней. Мы уже видели это: каждая точка про-

то-присутствия в каждом полном настоящем определяет точку времени прото-присутствий и, с другой стороны, является фокусной точкой неотделимого от нее горизонта и вместе с этим горизонтом вновь определяет лишь одну точку, точку полного времени присутствий.

Здесь перед нами вновь проблема бесконечного регресса (ср., если я правильно помню, более ранние, отличающиеся от этого изложения этой проблемы). Не является ли каждое полное присутствие, если я смотрю на него, центром горизонта, и только потому, что я в него проникаю, передо мной все же оказывается последовательность прошедших более ранних полных присутствий.

Не будем здесь в это углубляться. В любом случае, перед нами разные имманентные временные порядки, один из которых с необходимостью является первым, формой временного сущего, которое в своем бытийном содержании не несет ничего от той интенциональности, посредством которой конституируется временное бытие в качестве временного.

Другое, с необходимостью первое, мы приобретаем, когда мы включаем в рассмотрение иные модулы интенциональной конституции, которые, естественно, также несут с собой конституцию времени: имманентное временное положение данных ощущений — имманентный временной ряд протекающих аспектов — временной ряд изменений фантома — временной ряд вещи; таким образом, в двойном смыс-

ле первый, наиболее радикальный, порядок ощущений.

Мы осуществили феноменологическую редукцию в заданном мной направлении. При этом мы выключаем «мир».

а) Теперь мы хотим полностью сознательно провести редукцию некого рода¹, которую мы уже и так проводили, но отчетливо не обозначали ее в качестве таковой: редукцию к «исходной сенсуальности». А именно, когда мы приобретаем посредством феноменологической редукции сферу чистой субъективности, то обнаруживается, что следует различать двоякое. Редукция, которую мы имеем в виду и которая выявляет для нас априорную необходимую структуру — это абстрагирование от Я и всего эгологического — разумеется, лишь абстракция, но при этом достаточно важная. В таком случае в первом имманентном временном порядке мы имеем данные ощущений и [276] чувства. Чувственные влечения — это аффекты, направленные к Я, и пассивные склонности Я, также «чувственные» реализации, «инстинктивные действия» являются пассивными реакциями, но, поскольку они являются пассивными, ничто в них не исходит из Я, в них нет ничего, что произошло бы из него самого в качестве *actus*. Таким образом,

¹ Разрядка в немецком оригинале. Издатели приняли решение передовать разрядкой то, что в рукописях Гуссерля было подчеркнуто одной чертой, разрядкой с курсивом — то, что подчеркнуто двумя чертами. — *Прим. пер.*

это сфера «раздражений» и реакций на раздражения: раздражимость. Но и это мы <также> хотим исключить, поскольку это вводит в игру Я. А именно от этой области мы отличаем «полностью неэгологические» чувственные тенденции: чувственные тенденции ассоциации и репродукции, и определенные посредством них горизонтные образования. Вопрос состоит в том, как с этим обстоят дела уже в случае исходного сознания времени. Как обстоят дела с пассивной интенциональностью. Здесь также Я как полюс аффектаций и реакций мысленно выводится из игры, или, скорее, мы от него абстрагируемся. Тогда таким образом перед нами первая, «абстрактно» выделяемая структура, структура пассивности исходной сенсуальности.

б) Затем мы начинаем рассматривать Я и Я-поляризацию. И притом в качестве первого Нового возникает раздражимость, сфера аффектаций и реакций, которая, конечно, предполагает первый уровень.

с) И затем в качестве третьего уровня (предполагающего все предшествующие) сфера *intellectus agens*. И все же прежде нам следует вновь различить: есть различные виды эгологической вовлеченности как вовлеченности бодрствующего Я. «Внимание». Я как внимательное, является бодрствующим в отношении чего-то особенного, направлено на него, направлено как полюс Я к интенциональному полюсу, к противоположному полюсу, к предмету, в различных модусах: схватывая, чувствуя, добываясь чего-то, желая.

Здесь требуется теория внимания, бодрствования и различения слоев пассивности в бодрствовании, инертности (*des Nachgebens*); с другой стороны, теория спонтанности в строгом смысле, осуществления специфических актов Я. В поток переживаний вступают новые уровни, или мы, принимая во внимание полюс Я, включаем в рассмотрение новые слои потока, которые, конечно, опять-таки обладают имманентным временным порядком, переживания Я, которые не являются чем-то отдельным от рассмотренных неэгологически (с той оговоркой, что мы здесь для определенных сфер впервые считаем необходимыми некоторые исследования), а обозначают новые структуры, но в равной мере указывают и на модификации старых [277] структур. Ибо здесь имеют место функциональные преобразования посредством зависимости.¹

¹ Также в явной форме следует сказать об онтическом как подразумеваемом и об «имманентном» времени этого подразумеваемого онтического как такового, которое таким образом само является субъективным, что образует онтически-субъективное время, которое перекрывается со временем данных ощущений, со временем модусов явления и т. д.

Мы имеем в виду, конечно, не нечто вроде времени истинной природы, такого как «истинное» онтическое время с его разнообразием, а, например, когда протекает последовательность восприятий природы, воспринятая природа, воспринятая предметность как таковая, как «подразумеваемая» и принадлежащая ей как воспринятое пространство, воспринятая фигура, так и воспринятое время и образ времени (*Zeitgestalt*).

§2. Тождественное, не предметно сущее и невременное Я как функционирующий полюс (прото-состояние (Urstand)) потока переживаний

Таким способом мы попытались сконструировать универсальную область имманентного времени или имманентных «накладывающихся» друг на друга временных порядков. Казалось, что при этом мы имеем все субъективное — и в известном смысле мы действительно тем самым «имеем» все субъективное — и все-таки это опять еще не все; то чем мы обладаем, это как раз сущее, временное, но не все субъективное является временным, является индивидуальным в смысле индивидуализированного посредством занимаемой в тот или иной момент временной позиции. То, чем мы, прежде всего, обладаем хотя и не в потоке явлений, это само Я, тождественный центр, полюс, с которым соотносено все содержание потока переживаний, Я, которое аффицировано тем или иным содержанием, и которое в силу этого, так или иначе взаимодействует с этим содержанием и так или иначе активно его формирует. Конечно, обо всем этом мы уже говорили и нашли для всего это место в потоке переживаний (в его перекрывающихся и взаимопроникающих течениях). Но теперь здесь стоит обсудить то, что Я как тождественный полюс для всех переживаний и для всего онтически заключенного в интенциональности переживаний (например, подразумеваемая природа в каче-

стве подразумеваемой) является полюсом для всех временных рядов и с необходимостью является в качестве такового «над»-временным, Я, для которого конституируется время, для которого в интенциональности сферы переживаний налицо временность, индивидуальная единичная предметность, но которое само не является временным. В этом смысле оно, таким образом, не является «сущим», а скорее представляет собой нечто противоположное (*Gegenstück*) по отношению ко всему сущему, не предмет, а скорее прото-состояние (*Urstand*) для всякой предметности. Я [278] собственно не должно называться Я, и вообще как-либо называться, поскольку, таким образом, оно уже стало бы предметным.¹ Это безымянное по ту сторону всего схватываемого, не стоящее над всем, не парящее, не сущее, а «функционирующее (*Fungierende*)», как схватывающее, как оценивающее и т. д.²

И не стоит ли тогда сказать: испытываемое Я раздражение, его реакция на раздражения тоже собственно не является чем-то временным, поскольку мы рассматриваем Я в качестве функционирующего? И не стоит ли тогда сказать, что уж тем более не является временным принятие Я какой-либо позиции, его ак-

¹ Относительно этого исключительно важного пассажа см. *Комментарий переводчика*, пункт II. Новации и теоретические проблемы. — *Прим. пер.*

² «Сущее» в качестве индивидуального сущего, связанное с временной позицией и посредством неё индивидуализированное. Я в таком случае не есть «сущее».

тивное поведение, поскольку это поведение в качестве поведения находится в Я или происходит из него? Но поскольку я функционирует и активно обращает внимание на конституированное, обращается к нему, участвует в нем, оно с необходимостью приобретает временной состав, «ноэматический» или какой бы то ни было субъективный состав, все время новый, сменяющийся со временем или относительно устойчивый.¹ И этот состав, как имеющий свое происхождение из функции Я, указывает рефлексии в направлении на функционирующего Я, которое как раз теперь в рефлексии становится предметным в качестве тождественного центра функционирования, как действующее во всех этих действиях. Но как может стать предметным то, что не является предметом, как может стать уловимым то, что является невременным, над-временным, а в схватывании может быть обнаружено только в качестве временного? Теперь, по сути, дело обстоит так, что в потоке переживаний как раз и обнаруживается и всегда вновь может обнаружиться то, для чего характерно совсем другое становление, чем то, которое присуще всем прочим компонентам потока переживаний, — становление, которое дано не только как «нечто происходит» и всегда вновь может быть повторено в репродукции, а дано как «я делаю что-то», «я что-то претерпеваю». Или, скорее, прежде стоило бы сказать: дано <что-то>, обладающее раздражающим

¹ Все это нужно еще продумать с разных точек зрения. Это лежит почти на границе возможного описания.

характером (раздражение, досаждающий свист) или характером «произведения», исполнения и что оно отсылает теперь обратно к корреляту, к сосуществующему, которое лежит в новом измерении, а именно «я делаю это», «я осуществляю свершение», а там мы упираемся в полюс, в тождественное, которое само не является временным.

[279] Мы сопоставили этот полюс Я с различными «предметными полюсами», интенциональными единствами, и все же противопоставили их ему. Всякий предмет «конституируется» в качестве единства многообразий его «сознания». О сознании можно говорить в разных значениях. Рассмотрим «интенциональные переживания», которые, сменяясь в их имманентном времени, «несут в себе» соответствующий предмет в качестве их интенционального единства. Здесь мы обнаруживаем, например, в непрерывном ряду восприятий подразумеваемый предмет в качестве того же самого, скажем, постоянно видимой, красной грани с четырьмя углами, данной в ряду оттенков, в перспективе. И если ее больше не видно, то она как та же самая еще может присутствовать в «пустой» интенции. Содержится ли здесь подразумеваемое в этом ряду и в каждой его фазе реально (*reel*)? (Ответят — да, в качестве интенционального, в качестве подразумеваемого. И если мы смотрим исключительно на это подразумеваемое, то перед нами временная непрерывность подразумеваемого как такового (чье *esse* лежит в его *percipi*). Мне сразу кажется, что это было все-таки невер-

но, когда я неоднократно выражался в том смысле как если бы «ноэма» не содержалась в переживании реально. (Которое, кстати, тоже не вполне верно обозначать как ноэзис.) Здесь временным предметом является интенциональное, но также и интендирующее переживание, которое само в свою очередь есть «полюс», и все эти полюса находятся в накладывающихся друг на друга временных рядах, а все эти временные ряды в единстве их наложения составляют процесс переживания в его полноте, поток переживаний.

А что, если мы теперь подумаем Я в действии и возьмем сами действия Я в качестве переживаний? Я аффицировано, так сказать, уже наличным для него временным потоком и обращается к его содержаниям, участвует в них, и обращение тут является участием, конституированное в участии исполнение само в свою очередь оказывается переживанием.

А теперь мы находим в исходящих из Я переживаниях в качестве нового напластовавшегося временного среза центральную точку — точку, в которой все в этом срезе центрировано, а именно идентичное Я. Оно является идентичным для всех временных точек, для всех временных предметов, которые соотнесены с Я, или с которыми оно по собственной инициативе «взаимодействовало». И как было сказано выше: прежде всего оно есть то тождественное в модусах взаимодействия, в модусах отношения, которые сами встречаются нам в качестве переживаний, и которые [280] затем также могут вступить в отношение к самому Я.

На это, конечно, способны все предметы, и Я обозначает их центр отношений, поскольку существует как раз эта очевидность «я могу», в том числе и для предметов, которые еще не вошли в отношение к Я.

Здесь в бытийном порядке «потока сознания», потока переживаний, с параллельными ему, накладывающимися друг на друга временными рядами, я обладаю отдельными переживаниями формы *cogito* (равно как и противоположными им переживаниями аффицирования Я). Мы осуществляем воспроизведение, и по ходу дела говорим, что репродуцированные, вновь реактуализованные (*wiedervergegenwärtigten*) переживания различные, а их Я одно и то же и тождественно. И все же каждое переживание, которое осознается в реактуализации, дано в качестве (прошлого) «я мыслю». Я является «устойчивым и пребывающим» Я, оно не возникает и не проходит, как это происходит с переживанием. Оно не является протяженным во времени, то есть иным во всякой временной фазе и тождественным лишь в качестве изменяющегося, или же вообще по отношению к различным моментальным состояниям, которые являются все время иными и, в крайнем случае, одинаковыми, тождественным в непрерывности. Оно является тождественным также и в прерывности. Но здесь можно сказать, что поток переживаний непрерывен, и также там, где Я не вступает в отношения аффицирования или вообще в действие, оно все же постоянно здесь, неотделимое от потока переживаний и только необходимо непрерывно длящееся на протя-

жении всего потока. Но то, что длится, обладает в каждой фазе длительности новым содержанием, Я же не обладает во времени никаким содержанием, ничем иным и ничем тождественным, ничем «созерцаемым», воспринимаемым, доступным в опыте. Только аффицирования, только акты, вступившие во время, обладают своим содержанием и своей длительностью, и в каждой фазе длительности фазой своего содержания. Всякий акт имеет полюс акта, Я, которое не просто численно тождественно, а <обладает> тем же абсолютно тождественным смыслом Я во всех временных точках времени, которое для него налично, <и> во всех временных точках переживаний, которые представляют собой временные содержания этих точек. Это Я тождественно по своей форме, оно является известным образом тем идеально тождественным, которое вновь и вновь темпорально «локализуется» в соответствии с его актами, его состояниями, и все же оно не является действительно временным.

*Перевод с немецкого Г. Чернавина,
под ред. М. Белоусова*

Комментарий переводчика

Текстологические замечания. В данном переводе целиком воспроизводится самый компактный раздел XXXIII тома собрания сочинений Гуссерля (Раздел IV): он состоит только из двух текстов №14 *Мой поток переживаний*

и Я и №15 <Временные отношения чистого Я> (рукописей L I 20 и L I 17). Название раздела IV «Эгологическая и гилетическая времененность в генетической перспективе», предложенное издателями, кажется достаточно адекватным содержанию текстов: проблеме участия Я в потоке сознания и проблеме пассивного гилетического слоя конституирования времени.

Развёрнутый комментарий текстов №14 читатель может найти в исследованиях Рональда Бружины (1993),¹ Александра Шнелля (2004)² и Стефано Финетти (2011).³ А. Шнелль в своей трактовке этих текстов опирается на различие между точками прото-присутствия и точками полного присутствия, а также между активной и пассивной интенциональностью, при этом анализ текста №14 оказывается кульминационной точкой его книги *Время и феномен. Феноменология времени* Гус-

¹ Bruzina R. The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts: Status Questionis, Freiburg, 1928–1930 // Alter, 1, 1993. PP. 357–383; Bruzina R. Fink's First Revision Plan for the Bernau Manuscripts // Bruzina R. Edmund Husserl and Eugen Fink, 1928–1938: Beginnings and Ends in Phenomenology, New Haven: Yale University Press, 2004. PP. 262–265.

² Schnell A. Section C, §10. L'analyse de la temporalité pré-immanente aux confins du champ phénoménologique: l'intentionnalité « active » et l'intentionnalité « passive » // Schnell A. Temps et Phénomène. La phénoménologie husserlienne du temps (1893–1918), coll. « Europaë Memoria » (diff. Vrin), Hildesheim, Olms, 2004.

³ Finetti S. L'époche méontique amorcée. In: Finetti S. L'époche méontique chez Eugen Fink // Annales de phénoménologie. Paris, 2011, №10.

серля (1893-1918). Р. Бружина сосредотачивает своё внимание на редакторской работе Ойгена Финка с рукописями группы L. Он подчёркивает, что с точки зрения Ойгена Финка рукопись L I 20 (№14) представляет собой *высшую точку* анализа времени у Гуссерля: не заключение или окончательный вывод анализа сознания времени, а, скорее, момент максимальной открытости к его дальнейшей радикализации.¹ Эту же линию интерпретации продолжает и С. Финетти, который видит в *Редукции к временности исходной, неэгологической сенсуальности* (№14 §1) прообраз «ме-онтической» редукции, разрабатываемой Финком в *VI Картезианской медитации* — прообраз перехода от конституированного сущего к трансцендентальному наблюдателю, который не является сущим в собственном смысле этого слова.

Проблематика и критика. В первую очередь теоретического комментария заслуживает №14 §2, где буквально в рамках одного абзаца ставятся три фундаментальных для феноменологического проекта проблемы.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, как Гуссерль строит свой анализ, изящно обыгрывая три понятия: *Gegenstand* — *Bestand* — *Urstand*. С его точки зрения, анализ сознания времени касается не временности того или иного предмета (*Gegenstand*) (вещи в объективном времени), а специфического времени конституирования предметности. Внимание исследователя переносится на гилетический состав (*Bestand*), участвующий в конституировании предметности,

¹ *Bruzina R.*, 1993. Op. cit. P. 363.

а также, что принципиально важно, на прото-состояние (*Urstand*) всякой предметности, из которого берёт своё начало временной процесс, а именно, внимание переносится на жизнь чистого Я в потоке сознания.

Затем, отметим, что это Я рассматривается не как сущее в ряду других, а как контраст (*Gegenstück* — противоположность, букв. «противо-часть» или «сопряженная деталь») по отношению ко всему сущему. Впоследствии похожую идею *symbolon* — идею дополнительного, контрастирующего по отношению ко всему сущему элемента предложит О. Финк в работе *Игра как символ мира*.¹ Во многом из рассуждения Гуссерля о контрасте по отношению к любому предметному сущему берет начало философский проект Финка.

Ещё один принципиальный вопрос касается того, что это Я — прото-состояние всякой предметности, контраст по отношению ко всему сущему — оказывается *безымянным*, поскольку любое именование неадекватно объективировало бы его. Таким образом, отправной точкой здесь служит кульминационный момент *Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени* — §36, где анализируя абсолютную субъективность как время-конституирующий поток, Гуссерль констатирует: «Для всего этого нам не хватает названий».²

¹ *Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart, 1960.*

² *Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. Т. 1. / Пер. и предисл. В. И. Молчанова. М., 1994. С. 79.*

В целом, тематизация роли чистого Я и роли гиле во «временении» сознания, которой посвящен текст №14, — это именно та линия исследования, которую Гуссерль продолжит в рукописях 1930-х годов о конституировании времени (в *рукописях группы C*).¹ В этом отношении, *рукописи группы L* открывают в равной мере путь как интерпретации О. Финка, так и поздней феноменологии времени Гуссерля.

Трудности перевода.

- Столкнувшись с необходимостью различать *ursprünglich*, *urtümlich*, *primär* и *originär* (хотя они часто и являются синонимами), мы закрепили за ними соответственно: *исходно*, *первозданно*, *первично*, *изначально*. Это конвенциональное решение, позволяющее читателю понимать каким из немецких наречий (или соответствующих прилагательных) пользуется Гуссерль в том или ином случае.
- Не совсем ясно было, как поступать с понятиями, которые в русском языке используются только в единственном числе, если Гуссерль употребляет их во множественном числе: например, как поступать с такими неблагозвучными во множественном числе субстантивами как «прошлые (*Vergangenheiten*)», «настоящие (*Gegenwarten*)», «присутствия (*Präsenzen*)»? Решая эту проблему нехарактерного множественного числа, мы вводили там,

¹ *Husserl E. Späte Texte über Zeitkonstitution (1929–1934): Die C-Manuskripte. Gesammelte Werke, Materialien Bd. VIII, Lohmar D. (Hrsg.), Dordrecht: Springer, 2006.*

где это не искажало смысла, дополнительный субстантив во множественном числе, например: «моменты присутствия (*Präsenzen*)».

- Сложность составляло требование отличать при переводе: *strömen* от *fließen*; *Präsenz* от *Anwesenheit*; *Wandlung* от *Modifikation*; *entspringen* от *auftreten*. Также возникал вопрос, как переводить *Datum* в единственном числе, и если его переводить как «данное», то как его отличать от “*gegebené*”? В этих ситуациях мы давали исходный немецкий термин в круглых скобках.

Глоссарий

a.

<i>originär</i>	изначально
<i>primär</i>	первично
<i>ursprünglich</i>	исходно
<i>urtümlich</i>	первозданно, первобытно

b.

<i>Gegenwarten</i>	моменты настоящего
<i>Vergangenheiten</i>	моменты прошлого
<i>Präsenzen</i>	моменты присутствия
<i>Zuwendungen</i>	обращения

c.

<i>Anwesenheit, Präsenz</i>	присутствие
<i>Auffassung, Erfassen</i>	схватывание, выхватывание
<i>Gegebene, Datum</i>	данное
<i>Modifikation, Wandlung</i>	модификация

entspringen, auftreten

возникать

strömen, fließen

течь

Прочее:

Bestand

состав

fungieren

функционировать

Deckung

покрытие, наложение, со-
вмещение

Gegenstand

предмет

Gegenstück

сопряженная деталь

Nachgeben

инертность

Sensualität

сенсуальность

Urstand

прото-состояние

wiedervergegenwärtigte

вновь реактуализованное

[281] № 15 <ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧИСТОГО Я>

§1. Эйдетический образ душевной сферы внутреннего (seelische Innerlichkeit) <Временной прото-генезис, Я и гиле>

Всеобщая сущность, без которой немыслима одна единая сфера внутреннего. Установка феноменологической редукции: возвращение к потоку чистых переживаний и чистому Я переживаний, к имманентному бытию, чьей необходимой формой является «феноменологическое время». Но оттуда еще дальнейшее возвращение к исходному сознанию, конституирующему имманентную временную предметность.

Сущностная закономерность (эйдетическая структура) время-конституирующего сознания — это в себе первая и наиболее глубокая закономерность генезиса сознания и одновременно генезиса как изначального конституирования предметностей. Здесь, однако, стоило также отметить: все, что может быть обнаружено в сфере внутреннего (в некой сфере внутреннего вообще) должно противопоставляться Я как полюсу-субъ-

екту модусов поведения (*Verhaltensweisen*), отнесенному посредством них ко всему иному имманентного, к его «окружению». Все же когда мы говорим «сфера внутреннего», все это может относиться к имманентным содержаниям, но может также относиться и к конституирующему их сознанию. В первом случае форма имманентного времени является формой всех окружающих объектов, также как и формой модусов поведения Я, как втекающей в окружение, соотносящейся с ним (или как излучаемое ими в сторону Я аффицирование, излучаемое как раз в качестве аффицирующего раздражения). Само Я как субъект модусов поведения, как субъект, для которого налицо объекты, конституируется для себя самого в качестве временного с его модусами поведения. Модусы поведения есть рефлексивные предметности, которые предполагают нерефлексивные предметности (ощущений). Все, что должно иметь возможность являться для Я непосредственно или рефлексивно, должно иметь форму времени, которая является прямо или рефлексивно постигаемой формой и в качестве формы, собственно, является двойственной: формой нерефлексивного и рефлексивного времени, при том, что обе формы «накладываются» одна на другую и [282] конституируются в качестве единственного порядка всего того, что может быть схвачено Я.

Нерефлексивное окружение необходимо. К неререфлексивному окружению с необходимостью относится гиле, и мы можем говорить об относящемся к необхо-

димой сущностной форме сферы внутреннего гилетического окружении в качестве безусловной первой необходимости. Ни одна точка имманентного времени невозможна без этого первого объективного содержания, как и никакое Теперь в ориентированном имманентном времени без гилетического прото-впечатления, которое затем переходит в (ретенциальные и протенциальные) модификации необходимой, конституирующей гилетические временные предметы (*Zeitgegenstände*) жизни. Сюда же относятся и дальнейшие сущностные законы. Гилетические единства не могут быть точечными, это значит, они должны смыкаться в длающиеся временные предметы. Не только справедливо высказывание, «не бывает гилетически-пустых временных отрезков», но еще всякая гиле обладает своим качественным составом, и он не может дискретно меняться от одной временной точки к другой. Прерывности возможны только на границах качественно непрерывно наполненных временных длительностей и т. д.

Прото-генезис (*Urgenesis*) (как эйдетическая форма), форма конституирования имманентных гилетических предметов является основанием для всякого дальнейшего генезиса, и всякий генезис осуществляется в прото-форме время-конституирующего сознания, поскольку не только всякое сверх-гилетическое (*überbyletische*) впечатление конституируется в качестве имманентного данного во времени, отталкиваясь от модулов поведения Я, но все, что вообще конституируется

для Я в качестве предмета, делает это с необходимостью посредством феноменов в рамках имманентного времени. И вместе с тем, то, что вообще конституируется в качестве индивидуального, так что в окружении оно не может быть дважды дано как абсолютно тождественное (оригинально дано в опыте, воспринято), должно быть дано в качестве временного, и если оно не представляет собой имманентное данное, в качестве трансцендентно временного то есть в трансцендентном времени, которое презентуется посредством феноменов имманентного времени в совпадении с ним. Время презентующего феномена должно презентировать время презентуемого.¹

И все же мы здесь уже чересчур забежали вперед. Конституирование времени приводит прежде всего к непосредственно созерцаемому временному отрезку. Но конституирование самого времени и наполняющего его [283] окружения предполагает репродукцию и свободные возможности Я посредством репродукции проникать во временной горизонт и «ре»актуализовывать (*zu "ver"gegenwärtigen*) прошедшее в форме «Вновь» (*in der Form des "Wieder"*).

Проблема теперь в том, чтобы зафиксировать присущие репродукции и ассоциации сущностные законы и затем дальше исследовать присущие образованию апперцепций те или иные сущностные законы. Сфера внутреннего это не только поток сознания с чистым Я;

¹ Die Zeit des darstellenden Phänomens muss die Zeit des dargestellten darstellen. — *Прим. пер.*

уже когда мы говорим о потоке сознания как о бесконечном феномене феноменов, мы уже предположили много такого, что должно быть эксплицитно зафиксировано в фундаментальных сущностных очевидностях. Я не просто обнаруживаю поток сознания таким образом, как если бы Я, в качестве чисто воспринимающего Я было бы чисто схватывающим, которое схватывало бы поток, который просто течет, в известной степени в пустом созерцании и запечатлевало бы его в себе. Но не так, чтобы с одной стороны было течение, а с другой пустое созерцание течения, но течение и единство течения является интенциональным единством последовательности феноменов, последовательностью феноменов присутствия, которые обладают своей сложной структурой, и которые даны в сознании постоянной модификации. И «Я может вернуться», вновь реактуализовать всякий отрезок изменения и всякую фазу, всякое присутствие и дать им перейти в дальнейшие изменения, что само является течением и протекает в форме времени, имеет свое присутствие и т. д.

Целью <является>: разработка сущностной формы сферы внутреннего или психического как развития (таким образом, эйдетически необходимого развития), в которой «понятным» образом параллельно развивались бы, восходя к более высоким уровням, исходное чисто гилетическое окружение как первая имманентная временная объективность и принадлежащее ей Я низшей ступени. Последнее развивается до эмпирического Я, которое имеет перед собой трансцендент-

ный объективный мир, мир, который одновременно является миром ценностей, благ, миром действия и объективным миром, включает в себя другие, соотношенные с ним личные Я как телесно-душевные и т. д.

[284] §2. Чистое Я и время.

<Я как всевременной индивидуум
и вторичный временной предмет>

Является ли Я, относящееся к *cogito*, как гилетические данные и как любые другие предметы, неким конституирующемся в потоке сознания единством, то есть тоже данным (*Datum*) и в таком случае индивидуальным данным? Все, что относится к сфере внутреннего, есть действительное и возможное данное Я этой сферы внутреннего. Таким образом, всякий имманентный предмет находится в своеобразном отношении к такому исключительному предмету как Я, а оно и для самого себя является предметом. Я в новом *cogito* соотносится со старым *cogito*, и вновь в новом *cogito* может быть схвачено *cogito* второго уровня и т. д. При этом Я становится предметным и схватываемым, идентифицируемым в качестве того же самого во всех попадающих в поле зрения рефлексии уровнях. Рефлектирующее Я само становится предметом лишь посредством новой рефлексии, которая нерелефлексивно обладает Я в качестве субъекта, и всякая рефлексия будет видна в более высокой рефлексии как возникающая и продолжающаяся в имманентном времени.

При этом возникает Я как действующее во времени и сохраняется как действующее на протяжении всех отрезков деятельности во времени. И Я отдельных *cogito* очевидным образом, как вновь показывает рефлексия, является тождественным в отождествлении. Рефлексия, однако, может обнаруживать темпорально предшествующий *cogito* отрезок аффицирования, раздражения, исходящего от некой несхваченной предметности, воздействующего на Я, которое, таким образом, живет не только в *cogito*. Предметы имманентного времени заметны, но не замечены, <они есть> несхваченные предметы; и обращение, в котором Я переходит к схватыванию, само является заметным событием, которое при случае замечается ретроактивно. Каждое схватывание показывает схваченный предмет с горизонтом предшествующего, и тогда мы постоянно натываемся на несхваченное. Я не является непрерывно на протяжении всего имманентного времени схватывающим Я, и даже тогда, когда оно им является, всегда остается горизонт несхваченного. Несхваченное заметно в том смысле, что оно может быть замечено, может перейти в схватывание, при том, что все таки не все и не каждое несхваченное может рывком перейти в схватывание, отчего исчез бы горизонт.

[285] То, что у меня холодные ноги, входит теперь в мое схватывание, но я отдаю себе отчет, что этот холод пронизывает достаточно широкий отрезок времени, он неоднократно давал о себе знать и теперь схвачен, а между тем, в течении длительного периода он

был несхваченным, изменчивым образом заметным, а именно аффицирующим с изменяющейся силой, но он не достигал аффицирования; относительно аффицитивных тенденций (тяги, притягательной силы для Я, в обращении к реагированию, которое я схватываю само как заметное в рефлексии, и это не просто *façon de parler*)¹ возникает вопрос, являются ли они чем-то с необходимостью присущим сфере фонового. Но не должны ли тогда тенденции также (как заметные) нести с собой тенденции нового уровня, те, в свою очередь, вновь нести с собой новые тенденции и так *in infinitum*? Это остается здесь открытой проблемой.

Все, что возникает в прото-потоке сознания, связанное его формальным законом, помогает конституировать имманентное время, наполненное имманентными временными предметами. То, что вообще осознается предметно наполненное имманентное время, является формальной необходимостью. Сами предметы, предметы с их определенным содержанием, имеющие известное начало или конец, случайны. Но все эти предметы есть предметы для Я, способные быть схваченными или схваченными (*Erfassbarkeiten oder Erfasstheiten*) Я, которое не является предметом в том же смысле как все другие предметы, о которых только что шла речь, и которые как индивидуальные данные во временном потоке Я были названы случайностями. В любом случае Я есть только постольку, поскольку оно для самого себя может стать предметом; также и Я является для са-

¹ Фигура речи (фр.). — Прим. пер.

мого себя актуальным и потенциальным предметом. Но оно все-таки является субъектом, для него все иное имманентное является объектом и одновременно оно само для себя является объектом, причем оно обнаруживает самого себя как имманентный предмет в форме имманентного времени. В качестве субъекта для всех своих объектов оно характеризуется не случайностью, а необходимостью.

К сущности чистой сферы внутреннего или чистого потока сознания принадлежит то, что в нем все, как было сказано выше, может сменяться в рамках формального закона наполненного имманентного времени, за исключением Я. Это необходимая имманентная индивидуальность; сменяются предметы и сменяются аффицирования, обращенности и т. д., которые исходят из Я или к нему направлены, таким образом сменяется то, что как раз и может сменяться. [286] Сущность конкретной имманенции и ее необходимости оставляют открытой такую смену, которая следует как раз из этой обращенности, является «случайным» событием, в рамках сущностной формы индивидуального, то есть случайного. Но хоть мы и можем здесь всякий раз сказать «индивидуальное, то есть случайное», это как раз не так в случае Я. Оно сохраняется иначе, но оно является необходимым индивидуумом и единственным таковым. За этим исключением необходимо только то, что вообще есть индивидуумы и индивидуальные процессы, и то, что они наполняют время.

Если мы возвращаемся к исходно конституирующему потоку жизни, то он обладает сущностной структурой, в соответствии с которой в непрерывном прото-возникновении появляются сенсуальные прото-впечатления, со случайным (ограниченным только посредством формальных законов) содержанием. В единстве и коррелятивно с этим единственное прото-Я, присущее потоку, не является случайно возникающим как объективные данные, а с необходимостью присутствует там в качестве численно единственного полюса-субъекта аффицирований Я и модусов поведения Я, которые в свою очередь вновь подлежат конституированию временной предметности. Таким образом, конституированным, темпорально возникающим и прекращающимся модусам поведения присуще Я, постоянно и необходимо проходящее сквозь все имманентное время, тождественное, которое также всегда может аффицировать и стать темой временных обращений. Следовательно, имманентное бытие является в форме имманентного времени, оформленного таким образом, что основной ряд случайных «объектов» наполняет это время, а к нему отнесен другой ряд — темпорально длящихся предметов, а именно аффицирований и, обращений, оценок, короче говоря: с модусами поведения Я, которые обладают необходимым единством в «вечном» Я, во всевременном индивидууме, который посредством этих модусов поведения соотносится со всеми предметами, может также соотноситься со своими модусами поведения и с са-

ним собой, и обнаруживает себя самого во времени, и таким образом сам является временным предметом.

Но дело обстоит не так, что некоторый временной предмет вообще является исключительным по отношению ко всем остальным, с совершенно особенными свойствами, в том числе с другими универсальными отношениями ко всем другим временным объектам. Следует обратить внимание на то, что в то время как всякий имманентный «объект» является для субъекта прямо воспринимаемым, <обладает> в качестве непосредственно воспринимаемого своим Теперь-бытием и во всяком новом Теперь тем или иным бытием (*So-und-so-Sein*), так или иначе посредством дления простирающимся во времени (*Sich-so-und-so-durch-die-Zeit-dauernd-Erstrecken*), [287] Я может быть схвачено только в рефлексии и только ретроактивно. В качестве живого Я осуществляет акты и испытывает аффицирования, которые сами вступают во время и, длясь, простираются во времени. Но живая точка-источник этого вступления и вместе с тем живая бытийная точка, с которой Я само вступает в субъективное отношения с временным и само становится временным и длящимся, является принципиально не воспринимаемой напрямую. Только <в> рефлексии, которая является ретроактивной, и только как граница протекающего во временном потоке, Я доступно схватыванию, <а именно> для самого себя как схватывающего и доступного схватыванию изначального Я. Исходно живое Я является устойчивым и абсолютно необходимым корреля-

том всех объектов, оно является, поскольку относится к ним как аффицированное или обращенное на них и в силу этого по его сущностным законам из него исходят новые серии временных событий, посредством которых оно может стать для самого себя временным предметом в рефлексии. Его бытие является, однако, совсем иным, чем у всех объектов. Это как раз бытие субъекта, и в качестве такового <оно обладает своим способом> жить в парящей над всем временным пото-жизни, жизнь, которая, однако, тотчас вступает во временность и обеспечивает самому Я как полюсусубъекту его переживаний во времени положение во времени и, вторичным образом, длительность во времени.

Вероятно, можно также сказать так: всякий акт Я является новым содержанием, и все акты Я обладают своеобразным единством, без того, чтобы они имели некое общее «содержание». Точка тождества всех актов (и аффицирований), которые соразмерно предметам соотносятся с <ними>, будучи протяженными во времени (обладающими своей собственной временной формой, которая, однако, накладывается на форму предметов-объектов (*Objektgegenstände*)), придает всему этому субъективному единство. Это единство не является содержательным, то есть экстенсивным единством, а только обладает посредством тождества Я, в равной степени затрагивающим всякую временную точку, квази-временной протяженностью. Акт Я обладает экстенсивным бытием, в каждой

новой временной точке он представляет собой новое временное содержание; все то в поведении, в расположенности и т. д., что действительно наполняет время, есть все время вновь индивидуально различное, всегда другое от точки к точке. Но Я, которое ведет себя таким образом, тождественно; это в содержании нет ничего тождественного. Мы говорим, что Я проживает свою исходную жизнь так, что оно является постоянно простирающимся во времени [288] переживанием все время нового содержания, но так, что тождественное, создающее единство, является лишенным содержания, но не субстратом, а субъектом жизни, который так или иначе относится к объектам, к эгологически чуждому.

*Перевод с немецкого Г. Чернавина,
под ред. М. Белоусова*

Комментарий переводчика

Текстологические замечания. Путь к публикации *рукописей группы L*, посвящённых проблематике сознании времени, был долгим. В 1927 Гуссерль предложил Роману Ингардену работать над подготовкой к их публикации, но это сотрудничество, к сожалению, не состоялось. Начиная с 1928 года Ойген Финк готовил их к публикации, но не завершил этот проект, и в 1969 году передал *рукописи группы L* Архиву Гуссерля в бельгийском Лёвене. *Рукописи L* были опубликованы только в 2001 году

под редакцией Рудольфа Бернета и Дитера Ломара как XXXIII том *Гуссерлианы*.¹

Проблематика и критика. В тексте №15 предлагается оригинальная постановка вопроса об «эйдетике» (сущностной структуре) временного потока, прежде всего о роли Я в конституировании времени (в этом смысле перед нами непосредственное продолжение проблематики текста №14). Гуссерль называет эйдетическую форму потока сознания времени «прото-генезисом». Впрочем, у читателя сразу же возникает вопрос: как у потока может быть сущностная структура? Ближе к концу текста Гуссерль выходит к описанию «парящей над всем временным прото-жизни», при этом он стремится исследовать, как эта жизнь «вступает во временность». Открытым, однако, остается вопрос о том, что перед нами: все ещё феноменологическое описание или уже феноменологическая метафизика времени.

Трудности перевода. В тексте встречается не очень типичное для Гуссерля слово *Objektgegenstand*, которое мы предлагаем переводить как «предмет-объект».

Экстравагантное *Sich-so-und-so-durch-die-Zeit-dauernd-Erstrecken* мы переводим как «так или иначе посредством дления простирающееся во времени». *Erfassbarkeiten* и *Erfasstheiten* в переводе звучат, соответственно, как «способные быть схваченными» и «схваченные»; в ори-

¹ В отечественный философский оборот эти рукописи были включены в кандидатской диссертации *Белюсова М. А.* «Время и возможность опыта: Кант, Гуссерль, Хайдеггер» (РГТУ, 2008).

гинале это субстантив — буквально «схваченности», но по-русски это звучало бы чересчур тяжеловесно.

Глоссарий

<i>hineinströmen</i>	втекать
<i>verströmen</i>	протекать
<i>leibhaft</i>	во плоти
<i>zeitlicher</i>	временной
<i>Abklingen</i>	стихание, угасание
<i>Anschaulichkeit</i>	наглядность
<i>Irritabilität</i>	раздражимость
<i>seelische Innerlichkeit</i>	сфера внутреннего
<i>sinnliche Gefühle</i>	чувства
<i>Leistung</i>	свершение, действие
<i>Reize</i>	раздражения
<i>Sensualität</i>	сенсуальность
<i>Triebe</i>	чувственные влечения
<i>Verhaltensweisen</i>	модусы поведения
<i>über-hyletische</i>	сверх-гилетическое
<i>Urgenesis</i>	прото-генезис
<i>Zeitlichkeit</i>	временность
<i>Zuständlichsein</i>	расположенность

Георгий Чернавин

Подвалы времени.

Конструктивная
феноменология
Александра Шнелля

Представленный здесь перевод соответствует заключительной главе третьего раздела¹ книги «Время и феномен», которая называется «“Протопроцесс” и двойная наполняюще-опустошающая интенциональность в Бернау-манускриптах».² В этой главе Александр

¹ Раздел С. Конституирование пре-имманентной временности.

² Название текста “Bernauer Manuskripte” (*Husserliana Bd. XXXIII*, Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/18) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001) А. Шнелль буквально переводит как «Manuscripts de Bernau». В англоязычной философской литературе также принят вариант “Bernau Manuscripts” (см., например: *Zahavi D. Time and Consciousness in the Bernau Manuscripts* // *Husserl Studies*, Vol. 20, № 2, 2004. PP. 99-118; *Bružina R. The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts: New Ideas, Freiburg, 1930-1933* // *Alter*, №2, 1994. PP. 367-395 и др.) Предпочтение было отдано варианту «Бернау-манускрипты» (а не техническому названию *Рукописи L*, соответствующему классификации рукописей в архиве Гуссерля).

Шнелль рассматривает рукописи Эдмунда Гуссерля о проблеме внутреннего сознания времени 1917/1918 годов.¹ В первых двух разделах книги (*Лекции 1904/1905: Восприятие и презентификация и Конституирование имманентной временности: ретенциальная и протенциальная интенциональность*) автор систематически разбирает текст лекционного курса, прочитанного Гуссерлем, и дополнительные материалы к нему, легшие в основу *Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени*.

А. Шнелль ставит вопрос о правомерности использования в анализе сознания времени схемы *схватывание/содержание схватывания*, рассматривает специфические формы временности воображения и фантазии. Затем, акцентируя намеченное самим Гуссерлем (уже в текстах 1906/1907) различие между объектом-временем в специальном смысле² и временным объектом

¹ Вплоть до данного момента из обширного корпуса лекций и рабочих манускриптов Гуссерля по проблематике сознания времени на русский язык переведена только первая часть X тома *Husserliana* (Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. Собр. соч. Т. 1. / пер. В. И. Молчанова. М., 1994), построенная на основе (переработанных) лекций по феноменологии внутреннего сознания времени 1905 года. Однако Гуссерль постоянно возвращался к этой теме и в Бернау-манускриптах отражен следующий этап развития учения Гуссерля о времени. В отечественный философский оборот эти рукописи были включены в диссертации Белоусова М. А. «Время и возможность опыта: Кант, Гуссерль, Хайдеггер» (РГГУ, 2008), и, в том числе поэтому, представляют отдельный интерес.

² *Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/1907*, Melle U. (Hrsg.), *Husserliana XXIV*,

(в тексте *Лекций* 1904/1905 это различие присутствует как соотношение между феноменами протекания и временными феноменами), А. Шнелль предлагает перейти от анализа *имманентных временных феноменов* (ретенциальных и протенциальных структур) к исследованию *конститутивных временных феноменов* («первичного процесса», «феноменов затухания», «ноэматических ядер»)¹. Этому исследованию, собственно, и посвящены ключевые параграфы третьего раздела книги.

«Спуск» в пре-имманентную сферу конститутивных временных феноменов представляет собой попытку исследования первичного процесса (в терминологии *Лекций* — абсолютного временного потока). В ходе этого исследования А. Шнелль предлагает:

1. тематизацию «протопереживаний» и пре-имманентной временности (§1-2)
2. спуск в пре-имманентную сферу (§3) и проблематизацию статуса протопроцесса в конституировании сознании-времени (§4)

Dordrecht: M. Nijhoff, 1984. S. 255, 266, 420. А. Шнелль переводит выражение Гуссерля *Zeitobjekte* как *tempo-objets*, для того чтобы отличать их от *zeitliche Objekte* (т. е. от *objet temporells*). Основания для такого различения Гуссерль дает, определяя *Zeitobjekte* в специальном смысле, в их отношении к *zeitliche Objekte*. Мы переводим *tempo-objet* (и соответственно *Zeitobjekt*) как объект-время, а *objet temporel* (т. е. *zeitlich Objekt*) как временной объект.

¹ Раздел С, Глава III, §4, 6, 8. *Schnell A. Temps et Phénomène. La phénoménologie husserlienne du temps* (1893-1918), Hildesheim: Olms, 2004. PP. 194-234.

- отказ от гилеморфической схемы «схватывание/содержание схватывания» и переход к исследованию самой природы временной модификации (§5), а именно ретенциальной модификации гилетических ядер (к исследованию «феноменов стихания») (§6)
- описание первичного временного процесса (и его рефлексивную данность) в терминах «наполнения» и «опустошения» с помощью «трёхмерной» временной диаграммы (§7)
- модель протопроцесса как процесса учреждения и формирования специфических временных нозм (§8)
- анализ активной и пассивной временной интенциональности и «живого настоящего» (§10).

Опираясь на идею «пре-имманентной временности»¹ как слоя конститутивных временных феноменов, Александр Шнелль пытается выстроить на базе *Бернау-манускриптов* когерентную концепцию внутреннего сознания времени, которая отвечала бы на вопросы, оставшиеся нерешенными на этапе *Лекций*. В частности, он также демонстрирует то, как Гуссерль пытался уйти от парадокса прото-впечатления (его необходимости как точки-источника, и, вместе с тем, его невозможности быть даным в «не модифицированном» виде, как таковым) и от парадокса запаздывания рефлексии в рамках временно-

¹ См.: *Husserl E. Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins* (1893–1917), *Husserliana X*, Le Haye. M. Nijhoff, 1966, Text № 54. S. 381.

го анализа. Для Александра Шнелля идея «пре-имманентной временности» — уровня конститутивных феноменов внутреннего сознания времени, «прото- (Ur-)» феноменов, уровня, на котором недостаточно чисто дескриптивной стратегии, но требуется и некоторая (ре-)конструктивная (конечно, в специфическом феноменологическом смысле) стратегия, — служит отправной точкой для радикализации феноменологической редукции. Именно на примере анализа внутреннего сознания времени в *Бернау-манускриптах* А. Шнелль разрабатывает идею «феноменологического конструирования», как специфического метода генетической феноменологии. При всей спорности этого проекта, он кажется достаточно перспективным.

Перед читателями как исследования А. Шнелля, так и *Бернау-манускриптов*, встают следующие вопросы (на которые пока нет однозначных ответов):

1. удовлетворяют ли конститутивные феномены «пре-имманентного» временного слоя требованию феноменологической очевидности?
2. правомерно ли объяснение имманентных темпоральных явлений посредством конститутивных феноменов, вневременных в строгом смысле имманентной временности?

Александр Шнелль видит радикализацию Гуссерлевского исследования времени как «спуск» в более глубокие слои генезиса сознания, в «подвалы»¹ созна-

¹ Выбирая названия для статьи о первой книге Александра Шнелля, я хотел отослать отчественного читателя к на-

ния-времени. При этом, он подчеркнуто не боится бесконечного регресса во всё более фундаментальные слои сознания, равно как и ухода от дескриптивной стратегии в сторону «конструктивной» стратегии, «феноменологического конструирования». Здесь мы, на самом деле, видим уже не столько разбор текстов Гуссерля, сколько самостоятельный философский проект.

званию первой книги Вадима Васильева (*Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий)*, М.: Наследие, 1998), книги значимой в русскоязычном философском контексте. Автор этой монографии указывает: «Кантовская метафизика напоминает громадное, хотя и несколько хаотичное и подвергавшееся многочисленным надстройкам и переделкам здание — именно такой виделась философия Канта его ученикам и коллегам. Мы войдем в это здание и, соблюдая осторожность, будем продвигаться вниз. Опустившись на самый глубокий уровень, мы попадем в лабиринт трансцендентальной дедукции категорий. Проверив, действительно ли на этом этаже залегают основы кантовской метафизики и не зашли ли мы в своем путешествии ниже фундамента этого здания, мы отправимся по коридорам и переходам дедукции. Мы обнаружим, что часть этажа засыпана и разрушена, и что он разделяется на два изолированных блока. Но наше снаряжение позволит восстановить старые переходы и именно там обнаружить выход из подземелья» (*Указ. изд.*, С. 4-5). Это верно и для феноменологии Александра Шнелля, с той поправкой, что речь идет не столько о разборе завалов европейской метафизики, сколько о том, что сам опыт представляет собой наложение «архитектонических регистров», а философское исследование требует «спуска в пре-имманентную сферу».

* * *

Александр Шнелль (1971 г.) — профессор университета Вупперталя (ФРГ), руководитель Архива Марка Ришира, а также Института трансцендентальной философии и феноменологии, главный редактор ежегодника *Annales de Phénoménologie*.¹ Первую диссертацию А. Шнелль защитил в 2001 году по теме «Проблема времени у Гуссерля», а вторую, габилитационную диссертацию «Образы трансцендентального: Фихте, Шеллинг, Гуссерль, Хайдеггер» — в 2008 году. В сферу его интересов входят классическая немецкая философия (Канта, Фихте и Шеллинга), трансцендентальная философия, немецкая и французская феноменология (Гуссерля, Хайдеггера, Финка, Блюменберга, Левинаса, Ришира), философия субъекта и субъективности, философия времени, философская антропология, эстетика. В своей первой монографии «Генезис явления». Феноменологические исследования статуса интенциональности»² А. Шнелль разрабатывает проблемы метода генетической феноменологии, феноменологии времени и дискурсивности, преимущественно опираясь на интерпретации Гуссерля в современной

¹ <https://www.philosophie.uni-wuppertal.de/theoretische-philosophie/professorinnen/prof-dr-alexander-schnell.html>; <https://itp-buw.de>; <https://itp-buw.de/marc-richir-archiv>; <https://Annales.eu>

² *Schnell A. La Genèse de l'apparaître. Études phénoménologiques sur le statut de l'intentionnalité. Amiens: Mémoires des Annales de Phénoménologie, 2004.*

французской феноменологии. Книга «Время и феномен. Феноменология времени Гуссерля (1893-1918)»¹, наряду с работой «Об открытом существовании и конечном мире. Хайдеггер 1925-1930»² позволяют А. Шнеллю посредством анализа текстов Гуссерля и Хайдеггера создать концептуальный материал для оригинального феноменологического исследования; сделанные в них выводы служат отправной точкой для монографии «Гуссерль и основания конструктивной феноменологии».³ В своих работах последних лет А. Шнелль продолжает разрабатывать проект «конструктивной феноменологии», опираясь в равной мере на традиции классического немецкого идеализма (прежде всего Фихте и Шеллинга) и современной французской и немецкой феноменологии (Э. Левинаса, М. Ришира, с одной стороны, и Х. Блюменберга, с другой), и применяя его в сферах теории познания и эстетики.⁴

¹ *Schnell A.* Temps et Phénomène. La phénoménologie husserlienne du temps (1893–1918). Op. cit.

² *Schnell A.* De l'existence ouverte au monde fini. Heidegger 1925–1930. Paris: Vrin, 2005.

³ *Schnell A.* Husserl et les fondements de la phénoménologie constructive. Grenoble: J. Millon, 2007.

⁴ *Schnell A.* Réflexion et spéculation. L'idéalisme transcendantal chez Fichte et Schelling. Grenoble: J. Millon, 2009; *Schnell A.* En deçà du sujet. Du temps dans la philosophie transcendantale allemande. Paris: PUF, 2010; *Schnell A.* En face de l'extériorité. Levinas et la question de la subjectivité. Paris: Vrin, 2010; *Schnell A.* Le sens se faisant. Marc Richir et la refondation de la phénoménologie transcendantale. Bruxelles: Ousia, 2011; *Schnell A.* Hinaus. En-

Александр Шнелль так характеризует отличие «конструктивной феноменологии» от предшествовавших этапов развития феноменологического проекта: «Чем глубже мы спускаемся в исходно конститутивные сферы, тем больше теряет понятие феномена свой простой наглядный характер. Если статически-дескриптивная феноменология, как уже следует из ее имени, имеет дело с неким с очевидностью данным, которое, таким образом, доступно схватыванию в усмотрении, то для генетически-конструктивной феноменологии это уже не обязательно так».¹ Отход от «принципа всех принципов», принципа очевидности, с точки зрения Шнелля оказывается неизбежным:

Философское предельное обоснование не может быть осуществлено только посредством созерцания. Именно в этом расходятся «ортодоксальная» и «конструктивная» феноменологии. Хотя идеальным образом (в смысле кантовской идеи) созерцательная

twürfe zu einer phänomenologischen Metaphysik und Anthropologie. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2011, №24; *Schnell A.* En voie du réel. Paris: Hermann, 2013; *Schnell A.* Qu'est-ce que le phénomène? Paris: Vrin, 2014; *Schnell A.* L'effondrement de la nécessité. Grenoble: J. Millon, 2015; *Schnell A.* La déhiscence du sens. Paris: Hermann, 2015; *Schnell A.* Wirklichkeitsbilder. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015.

¹ Шнелль А. Феноменализирование феноменов. Основные черты феноменологической метафизики // Мысль. Журнал Петербургского философского общества, 2011, №11, С. 18-19.

данность и есть некий необходимый горизонт, который нельзя упускать из виду. Из феноменологической практики становится ясно, однако, что порой интуиция наталкивается на границы, которые могут выходить за рамки сферы предельного обоснования. Феноменологическая конструкция развивает — посредством «конструктивного созерцания» — интеллективно прочерченные мыслительные модели, которые хотя и никогда не должны быть лишены созерцательной наглядности (до некоторой степени доступной только ретроактивно), но которые необходимым образом вступают в область, созерцательная наглядность которой вообще еще только должна быть прояснена. Поэтому феноменологическая конструкция объединяет в этом отношении соразмерное рассудку моделирование и интуитивное усмотрение, поскольку она прежде всего открывает и интеллективные, и одновременно интуитивные условия возможности предельного обоснования. И как раз потому, что эта феноменологическая конструкция связана с созерцательной наглядностью, она — не метафизическая, не спекулятивная конструкция. Что касается интеллективных условий возможности предельного обоснования, то стоит к этому добавить, что необходимость конструкции следует из самой конструкции: феноменологическая конструкция проводится не в соответствии с предпосланными или предположенными правилами, а эти правила впервые осознаются в этой конструкции, в ходе самой конструкции. Феноменологическая конструкция оказывается, таким образом, некой

в фихтеанском смысле генетической конструкции: конструируемое в себе выступает «ничем», оно возникает только перед тем, кто осуществляет эту конструкцию.¹

Из приведенного пассажа видно, в какой мере проект Александра Шнелля представляет собой синтез феноменологической стратегии (проживание помысленного, мышление, соразмерное созерцанию) и стратегии немецкого идеализма (моделирование, конструирование).² Впрочем, движение в сторону конструктивной

¹ Там же, С. 12-13.

² «“Конструктивная феноменология”, разрабатывает альтернативный подход, который пытается обойти подводные камни как кантовского трансцендентализма, так и гуссерлевской дескриптивной феноменологии. В чем состоит недостаток обоих подходов? Подходу Канта не хватает, как это уже было замечено в классическом немецком идеализме, равно как и самим Гуссерлем, убедительного предельного обоснования. Как тот факт, что трансцендентальная аргументация Канта опирается, в конечном счете, лишь на гипотезы (поскольку она устанавливает то, что должно быть предположено, чтобы познание могло быть возможно), эпистемологическое содержание которых гораздо слабее того, что они претендуют обосновать, так и факт, состоящий в том, что эта аргументация в конце концов (по крайней мере, частично) осуществляется в традиционном смысле дедуктивно, делают сомнительными претензии Канта на осуществление некоего действительно предельного обоснования познания. Недостаток гуссерлевского феноменологического метода состоит в ошибочном убеждении в том, что исключительно созерцательная очевидность в состоянии выступать в качестве легитимирующей

феноменологии это не внешняя, посторонняя феноменологии Гуссерля тенденция. Скорее можно сказать, что это — одна из возможных линий развития феноменологической философии, намеченная уже в тридцатые годы прошлого века (в текстах Гуссерля, Хайдеггера и Финка).

Книга «Время и феномен» (2004), перевод последнего раздела которой представлен в этом издании, была первым шагом Александра Шнелля на пути построения «конструктивной феноменологии». В этом отношении интересно рассмотреть к чему пришел этот проект десять лет спустя; особенно наглядно это можно увидеть на примере книги «Зияние смысла» (2015)¹, подводящей промежуточный итог этого философского проекта.

Стоит уточнить, в контексте какой полемики складывается исследовательский проект А. Шнелля в последние годы. С одной стороны, перед нами все еще заинтересованный диалог с философской традицией: трансцендентализмом Канта, Фихте, Гуссерля и Фин-

инстанции. Хотя Гуссерль и считает, что очевидность, в свою очередь, должна быть обоснована, то, что было осуществлено им самим в качестве такого обоснования, оказывается на деле не в состоянии выполнить это требование. Итак, здесь на сцену выходит “феноменологическая конструкция”. Там же, С. 12.

¹ *Schnell A. La déhiscence du sens*, Paris: Hermann, 2015; немецкоязычная версия той же книги: *Schnell A. Wirklichkeitsbilder*, Mohr-Siebeck: Tübingen, 2015.

ка — прежде всего с этими философемами соотносит себя Шнелль, выстраивая на стыке немецкого идеализма и феноменологии собственный трансцендентально-философский проект. С другой стороны, проект Шнелля — это ответ на вызовы времени: ответ реалистической феноменологии (Жослена Бенуа, Клода Романо) и спекулятивному реализму (Кантана Мейясу, Грэма Хармана и др.). В обоих случаях Шнелль предпочитает заострить трансцендентальный мотив, усилить «корреляцианизм»; в полемическом ключе он называя свою позицию не только конструктивной феноменологией, но и спекулятивным трансцендентализмом (в противовес реалистической феноменологии и спекулятивному реализму).

Помимо проблематики времени на первый план выходят темы воображения, бессознательного, пространства, реального, истины и человека. При разборе каждой из этих тем Шнелль демонстрирует разные аспекты феномена, который он (как это уже делали Морис Мерло-Понти, Марк Ришпир, Доминик Жанико, Жак Таминьё и Ролан Брёр) называет *débiscence du sens*, «разверзанием (или зиянием) смысла». Эту ключевую метафору не так-то просто перевести: *débiscence*, *éclosion*, *Aufgeben* — это одновременно и разверзание, и раскрывание. В основе французского слова — латинский глагол *debiscere*, у которого общий корень с *hiatus*, поэтому наряду с «разверзанием», перед нами ещё и «зияние смысла».

Движение от классической гуссерлевской трансцендентальной феноменологии к конструктивной фено-

менологии Шнелля (под влиянием Финка и Рипшира) — это движение от смыслонаделения, *Sinnggebung*, к смыслу, созидающему себя, *sens se faisant*.¹ Речь идет о построении трансцендентальной философии анонимного смыслозарождения. Это философия, предметом и исходной перспективой которой оказывается смысл, созидающий себя, а не способности и не смыслонаделяющая активность трансцендентального субъекта. Но что такое этот смысл, тем более «созидающий сам себя»? Может быть это фигура речи? Не олицетворение ли это — ведь какая у смысла может быть самость? Феноменология «смысла в процессе становления», почему это не наивный метафизический рассказ? Насколько оправдано говорить о каком-то смысле, который, с одной стороны не совпадает с языковым значением, а, с другой, не сводится в смыслонаделяющей активности субъекта?

Общеизвестно, что в рамках классической феноменологической философии смысл не сводится только к языковому значению, это понятие в равной мере отсылает к ещё «немому», до-предикативному опыту. Го-

¹ Один из ключевых тезисов Шнелля состоит в том, что разные регистры трансцендентального (которые разрабатывали Кант, Фихте, Гуссерль, Финк или, скажем, Рипшир) не являются взаимоисключающими. В рамках этого трансцендентно-философского проекта можно видеть взаимопроникновение немецкого идеализма, феноменологии и наследия структурализма. Перед нами пример того, как современная трансцендентальная философия может осциллировать между разными философскими дискурсами, не застревая ни в одном из них.

воря о смысле, феноменолог гуссерлевского типа, прежде всего, опирается на констатацию некоторого «избытка (*Überschüss*)», выходящего за рамки «того» или чистого восприятия, «избытка», благодаря которому нам дана та или иная вещь именно *в качестве* той или этой. Речь идёт о своеобразном «смысловом приросте восприятия», несводимом к ощущению и раздражению, о смысловой схеме, размечающей восприятие. Понятие смысла указывает на горизонт сопровождающего опыта, на сеть подразумеваний, из которых складывается то или иное сущее *в качестве* определённого сущего. Центральной здесь является эта «структура “в качестве”» (*Als-Struktur*); это то, что позволяет нам узнать, например, белый лист бумаги именно в качестве белого листа — эта структура рассматривается как определяющая для всякого смыслообразования.

При этом смысл не *предан*, не является чем-то готовым — это лишь срез некоего непрекращающегося генезиса. Гуссерля, конечно, интересует образование смысла (*Sinnbildung*), смысл, находящийся в процессе становления. Можно сказать, что уже у Гуссерля действительным предметом феноменологического исследования оказывается этот становящийся смысл, а не мифический трансцендентальный субъект. В современной феноменологии — в том числе и у таких авторов как Марк Ришир, Ласло Тенгели, Ги ван Керкховен или, в нашем случае, Александр Шнелль — речь идёт уже не об активном конституировании или смыс-

лонаделении, а о движении смысла, который созидает сам себя (а заодно и нас). В этом видна разработка интуиций Мориса Мерло-Понти, Яна Паточки и Ойгена Финка. Так феноменология стремится стать трансцендентальной философией анонимного смыслозарождения.

У читателя книг Шнелля (а также работ Тенгели, ван Керкховена или Ришира) может назревать смутное беспокойство: может быть, весь этот феноменологический «смысл» это мистификация? Тогда перед нами не феноменологический трансцендентализм, а хитроумная, но догматическая метафизика. Тут можно дать слово философу, которого сложно заподозрить в узко-цеховой принадлежности к феноменологии; это Жан-Люк Нанси. Он характеризует смысл так:

Смысл держится на отношении либо к себе как к иному, либо вообще к чему-либо иному. Иметь смысл, складываться в смысл, быть наделенным смыслом — это значит быть в некотором отношении к себе, при том, что иное аффицирует эту самость, а это аффицирование не сводимо к самой самости, не удерживается в ней одной. <...> Смысл это *открытость* отношения к себе; смыслу свойственно различие, он находится в нем, он существует через него. Открытость — это то, что запускает, вводит в действие и поддерживает смысл в его соотнесенности с собой. («Самость» обозначает здесь в равной мере «смысл» поскольку он является «самим собой», если можно так выразиться, и всякое

конституирование «себя», понятого как «тождество» или как «субъективность»¹.

Это очень близко к пониманию смысла в той версии феноменологии, которую развивает Александр Шнелль. Точкой, из которой разворачиваются условия возможности опыта, оказывается не некоторая существующая трансцендентальная субъективность (как если бы мы знали, что значить существовать и что такое субъективность); точкой развертывания оказывается нестабильное тождество (в кавычках — «самость») смысла. Смысл невозможен без некой самости, но это самость не обязана быть «большим» смыслонаделяющим субъектом; это может быть нестабильная, ускользающая самость, негарантированное тождество смысла. Смысл оказывается несамотождественным, поэтому он представляет собой открытость.

Вслед за Флорианом Форестье, автором рецензий на книги Александра Шнелля², мы можем сформулиро-

¹ «Le sens se tient à un rapport à soi en tant qu'à un autre, ou à de l'autre. Avoir du sens, ou faire sens, ou être sensé, c'est être à soi en tant que de l'autre affecte cette ipséité, et que cette affection ne se laisse pas réduire ni retenir dans l'ipsé lui-même. <...> Le sens est l'ouverture d'un rapport à soi: ce qui l'initie, ce qui l'engage et ce qui le maintien à soi dans et par la différence de son rapport. ("Soi" désigne ici tout autant le "soi-même" du "sens", si on peut en parler, que toute constitution de "soi", saisie comme "identité", ou comme "subjectivité")». *Nancy J.-L. Une pensée finie*, Paris: Galilée, 1990. P. 16.

² *Forestier F. Alexander Schnell: Le sens se faisant. Marc Richir et la refondation de la phénoménologie transcendante // Eika-*

вать то, о чем пишет Ж.-Л. Нанси, на более классическом языке, притом основной посыл останется тем же. Итак: предметность мира вписана в субъективность, благодаря смыслу как некой промежуточной среде. При этом для субъективности открыт доступ к ней самой, она не слепо поглощена предметами — она сталкивается с загадкой их реального существования. Реальный мир для субъективности является открытой проблемой, а не чем-то само собой разумеющимся. Это столкновение с загадкой и проблемой возможно благодаря смыслу, он дает дистанцию, с которой можно увидеть проблему. Смысл представляет собой открытость, разомкнутость, зазор. Для смысла характерно несовпадение с самим собой, равно как и несовпадение с обозначаемым объектом.¹ Смысл размыкает бытие, разверзается в нем, демонстрируя онтологическую незавершенность мира, вещей и нас самих. Смысл впечатан в структуру вещей, он обеспечивает их недоопределенность. Он в равной мере составляет ту среду, в которой вещи доопределяются, становятся «чем-то».

Так в чём же состоит разверзание смысла, *débiscence du sens*? Речь, прежде всего, идет открытости, незавер-

sia. Revista de filosofia, №47, janvier 2013, p. 939-944. <http://www.revistadefilosofia.com/47-58.pdf> (06.08.2018); Forestier F. Alexander Schnell: Husserl et les fondements de la phénoménologie constructive // Actua Philosophia, 2010. <http://www.actua-philosophia.com/Alexander-Schnell-Husserl-et-les-fondements-de-la> (06.08.2018).

¹ Forestier F. La phénoménologie génétique de Marc Richir, Dordrecht: Springer, 2014. P. 44.

шенности, недоопределенности, которую смысл при-
вносит в мир. Как работать с этим феноменом?
И что важнее: как обосноваться на этом поле, чтобы из
него разворачивать трансцендентально-философское
исследование? Именно для ответа на эти вопросы
и разрабатывается проект «конструктивной феномено-
логии», отправной точкой которого послужило истол-
кование *Бернау-манускриптов*. У читателя книг Алексан-
дра Шнелля есть возможность наблюдать за этим
философским проектом в процессе его становления.

* * *

В завершение, я должен коснуться технической сторо-
ны перевода франкоязычной интерпретации *Бернау-
манускриптов*, а именно, двух моментов:

- 1) я столкнулся со сложностью перевода Гуссерлев-
ского неологизма “prä-immanente” (*Husserliana* X,
S. 83, 381), никогда до этого не переводившегося
на русский язык. Я остановился на варианте *пре-
имманентное* (отказавшись от вариантов *пред-
имманентное* и *пра-имманентное*), поскольку речь
идет не о временном предшествовании, а скорее
о приоритете, преимуществе, даже о превосход-
ной степени;
- 2) в своей книге А. Шнелль переводит термин Гус-
серля *Abklingsphänomene* как «феномены затухания
(*phénomènes d'évanouissement*)», отсылая к затуханию
колебаний. Я стремился сохранить коннотации

немецкого *abklingen* (отсылающие к звуку — *Klang*), поэтому в данном переводе речь идет о «феноменах стихания» или «отзвуках»;

- 3) во французском философском языке был найден изящный способ перевода немецкого *Gegenwärtigung* и *Vergegenwärtigung* — *présentation* и *présentification*. В данном переводе я несколько раз использовал галицизм «презентификация» в тех случаях, когда А. Шнелль отсылает к немецкому *Vergegenwärtigung* и одновременно к французскому *présence*, поскольку во французском тексте это способствует перекличке терминов «презенция», «презентация», «презентификация».

Георгий Чернавин

Александр Шнелль

Время и феномен.
Феноменология
времени Гуссерля
(1893–1918)

¹ Перевод выполнен по изданию: *Schnell A.* Temps et Phénomène. La phénoménologie husserlienne du temps (1893–1918). Hildesheim: Olms, 2004. PP. 183–211.

Печатается с любезного разрешения издательства Georg Olms Verlag AG. © Georg Olms Verlag AG

Раздел С. Конституирование пре-имманентной временности

Глава III. «Протопроцесс» и двойная наполняюще-опустошающая интенциональность в Бернау-манускриптах

В этой главе мы попытаемся обосновать то, что спуск в пре-имманентную сферу, который «по принуждению феноменов» проясняется через анализ последних текстов из *Husserliana X*, может быть допустимым и оправданным (с методологической точки зрения) только с учетом наиболее важных текстов из «Бернау-манускриптов». Новый анализ, проведенный в оригинальной терминологии, впервые действительно отражает феноменальное содержание этого спуска, в котором сам он меняет статус: в дальнейшем этот анализ будет не простым «описанием», а *фено-*

менологическим конструированием (которое не имеет ничего общего с метафизическим конструированием), которое приводит к очевидности «действия» трансцендентальной «функционирующей (*fungierend*)» субъективности, в той мере, в какой эти действия могут быть раскрыты в рамках феноменологии времени. На основании этого конструирования феноменов преимманентной временности — целью и задачей которого является решение загадки конституирования имманентной и фактической временности — эти рукописи с полным основанием могут рассматриваться как «свидетельство о рождении» «генетической феноменологии» Гуссерля.

§1. Введение

Две первые главы раздела C¹ одновременно показали необходимость «спуска» до уровня преимманентной конститутивной сферы имманентной временности таким образом, чтобы рассмотреть сам путь, по которому этот «спуск» возможен; и, в то же время, они обнаружили *пределы* анализа, который не дал достаточно ясного представления о статусе *как* этого «слоя» преимманентной временности, *так и* «абсолютного потока сознания». (Таковы были, как мы видели, недостатки анализа этих тем в наиболее продуктивных в этом отношении текстах №53 и 54 из *Husserliana X*).

¹ Глава 1 «Абсолютный поток сознания» и Глава 2 «Феномены протекания». — *Прим. пер.*

При описании абсолютного потока, так же как и феноменов протекания, действительно встала проблема, связанная с рассмотрением как *сознания* предельных конститутивных феноменов времени, так и того, как эти феномены *соотносятся* с «содержанием» времени. В частности, речь зашла об интенциональном или неинтенциональном статусе этих феноменов. В следующем отрывке из текста №11 из *Husserliana XXXIII* эта же проблема вновь ставится в полностью ясной форме: «Должны ли мы <...> теперь сказать, что за схватыванием протопроцесса [термин, который в “Бернау-манускриптах” заменяет “абсолютный поток” — *А.III.*] и его фаз не стоят интенциональные переживания? В таком случае имели бы место модификации внимания переживаний протопроцесса, которые *не* были бы интенциональными, протоприсутствующих *данных* и ретенций как *данных*. *Я* может направить свой взгляд на интенциональные моментальные переживания, и оно может направить свой взгляд сквозь них. Но что бы это значило? Как следует понимать приравнивание схватывания соответственно направленности на интенционально сознаваемое и на *что-то*, что не интенционально, а “просто есть”? Таким образом, тут мы не особенно продвигаемся. Тот, кто не спотыкается здесь, тот не понял специфику интенциональности [*Курсив наш.* — *А.III.*].»¹

¹ Ср.: *Husserl E.* Gesammelte Werke, Bd. XXXIII. Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/1918) / hrsg. von Bernet R., Lohmar D. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. S. 225. Этот фрагмент взят из рукописи L I 15, датированной сентябрем 1917, см.: В I. 5–18, с. 15а.

Как мы видим, Гуссерль ставит вопросы, которые явным образом задают общую перспективу проблемам, рассматривавшимся ранее по отдельности (а именно, проблемам *потока* и *неинтенциональных феноменов* или, по крайней мере, *пре-интенциональных*, посредством которых они должны быть осознаны). Это действительно та общая перспектива, к которой Гуссерль подступает в «Бернау-манускриптах», позволяющая мысленно сопрягать «протопроцесс» и то, что было названо в первом приближении «феноменами протекания». А именно, речь идёт о «пре-интенциональных» феноменах, конститутивных феноменах временного явления и сознания, которым временной процесс обладает относительно себя самого. Попробуем теперь реконструировать тот способ, с которым Гуссерль по-новому подступает к проблемам, занимавшим его вплоть до 1911 года, и то, какие способы решения этих проблем он предлагает в дальнейшем.

Тезис, который мы хотим отстоять в этой главе, связан с обоснованием того, что если Гуссерль и мог охарактеризовать «Бернау-манускрипты» как свое «главное произведение» (*mein Hauptwerk*)¹, то именно потому,

¹ Во всяком случае, именно так Гуссерль охарактеризовал «Рукописи I» для Романа Ингардена. См. примечания Р. Ингардена в: *Husserl E. Briefe an Roman Ingarden: Mit Erläuterungen und Erinnerungen an Husserl*. M. Nijhoff, *Phaenomenologica* 25, Le Hye, 1968 (цитируется Д. Ломаром в: *Husserliana Bd. XXXIII. S. XVIII*). См. также: *Kerckhoven G. van. Mundanisierung und Individuation bei Edmund Husserl und Eugen Fink: Die sechste cartesianische Meditation und ihr "Einsatz"*. Königshausen & Neumann, 2003. S. 69.

что он разработал в них концепцию, которая *преодоле-
вает* затруднения, виденные нами в основных текстах
(до 1913 года), касающихся проблемы времени, что
происходит благодаря новой терминологии, позволя-
ющей отмежеваться от предыдущих попыток. В «Бер-
нау-манускриптах» предлагается феноменологическое
конструирование «пре-имманентного» уровня и, тем
самым, предельной конститутивной структуры интен-
циональности в гуссерлевском смысле.

Такой «амбициозный» проект обязан был, в частно-
сти, ответить на следующие вопросы:

- Возможно ли сформулировать понятие двойной
интенциональности (продольной и попереч-
ной) — то есть «абсолютного потока», который
Гуссерль пытается по-новому анализировать —
так, чтобы снова не скатиться к теории интенцио-
нальности акта? И преодолевается ли тогда эта
теория интенциональности акта не только в уз-
ком, но и в широком смысле (и можно ли тогда
определенно избавиться от необходимости ис-
пользовать схему схватывание/содержание схва-
тывания на предельно конститутивном уровне
пре-имманентной временности)?
- Может ли анализ «фаз» абсолютного потока (то
есть, как мы видим, самого потока, проявляюще-
гося прежде всего в форме «феноменов протека-
ния») быть также применен в пре-имманентной
сфере, или он будет выглядеть метафизической
конструкцией?

- Как эта пре-имманентная структура может учесть то сознание, которым она обладает относительно самой себя? Иными словами, как рассмотреть «само-сознание» потока сознания?
- Какую форму интенциональности пре-имманентная структура примет в результате этих исследований?

Так как эти вопросы внутренне связаны друг с другом и так как Гуссерль явным образом не отвечает ни на один из них, мы сможем дать на них ответы только *по мере* нашей интерпретации «Бернау-манускриптов». Заметим, что далее предлагается прочтение только некоторых *определяющих* текстов из этих «Рукописей»,¹ а именно, группы текстов, которые, по нашему мнению, необходимо *изолировать* среди множества других,

¹ Случилось так, что «Рукописи I» приобрели квази-мифический статус в феноменологической традиции. Явившись непосредственным отражением многих месяцев плодотворных интуиций, эти рукописи были написаны в основном в течение [двух] посещений Бернау (с 30 июля по 1 октября 1917, а также с 2 февраля по 27 апреля 1918), но свет они увидели только восемьдесят лет спустя (летом 2001, под ред. Р. Бернета и Д. Ломара). И это при том, что в 1927 (см.: *Husserliana* Bd. XXXIII. S. XXIV) Гуссерль предложил Ингардену подготовить их к публикации, предназначенной для широкого философского сообщества. Он отказался, также как и Финк, кому Гуссерль поручил [переработать] эти рукописи в конце 1920-х, и который в 1969 передал их в Архив Гуссерля в Лёвене. Более подробные сведения о подготовке «Рукописей I» к печати см. во Введении к XXXIII тому *Husserliana* (в частности, S. XXIV–XXVI) и уже цитировавшуюся работу Гая ван Керкховена, *Mundanisierung und Individuation bei Edmund Husserl und Eugen Fink*.

порой противоречивых исследований, чтобы иметь возможность предложить когерентную концепцию, к которой Гуссерль, в конце концов, пришел, и которая отвечает на вопросы, которые мы сейчас поставили. Это прочтение не всегда будет следовать порядку, предложенному редакторами XXXIII тома *Husserliana*.

§2. «Протопереживания», конститутивные для пре-имманентной временности.

Разные уровни временности

Фрагмент №10 из *Husserliana* XXXIII заслуживает интереса, поскольку в нем ставятся все существенные для решения наших задач вопросы и присутствуют все элементы, необходимые для осуществления нашего исследования. Во-первых, в этом тексте определяются «феномены», в которых «учреждается» (термин, обоснование которого мы в дальнейшем представим) пре-имманентная временность: это *прото*-«переживания», с помощью которых мы вновь находим — вводя новый термин, поскольку это необходимо в соответствии с этим «повторным спуском» в пре-имманентную сферу — «лишь явления», которые были даны как конститутивные «феномены» сознания времени на уровне имманентной сферы.¹ И, во-вторых, этот фрагмент позволяет дополнить анализ «протопереживаний» описанием того способа, которым конституируется феноменологическая

¹ См. раздел В, глава I, §3.

временность. А также на основании этого фрагмента можно заметить, что еще как раз до феноменологической или имманентной временности — и, *a fortiori*¹, объективной временности — есть *пре-имманентная* временность (относящаяся как раз к протопереживаниям), конститутивная по отношению к имманентной временности первого уровня: «Если мы называем феноменологическое время и его предметности трансцендентально-“субъективными” в противовес времени природы, как “объективному” времени, то за субъективностью этой временной сферы лежит *другая трансцендентально-субъективная сфера: сфера “переживаний” (также относящихся к новому уровню и обладающих новым смыслом) в которой конституируется эта временность*; переживания, которые, как в первую очередь хочется отметить, приводят к явлениям временные объекты с их временной формой (*явления, относящиеся к более глубокому трансцендентальному уровню*), но сами не бывают временными: ни объективно-временными, ни временными в качестве событий этого трансцендентального времени первого уровня [Курсив наш. — А.Ш.].»²

Попробуем проанализировать этот ключевой фрагмент. Что именно имеется в виду под протопереживанием? Это способ данности «событий» (*Ereignisse*)³

¹ Тем более (лат.). — Прим. пер.

² Husserliana Bd. XXXIII. № 10. S. 184.

³ В квадратных скобках — вставки переводчика (как Г. Чернавина, так и самого А. Шнелля, если он переводит Гуссерля), в овальных скобках курсивом даны как немецкие, так и французские термины. — Прим. пер.

(для того, чтобы подчеркнуть разницу между этими двумя конститутивными сферами, Гуссерль в дальнейшем использует этот термин «событие» в отношении пре-имманентной сферы, вместо выражения «прото-впечатление», которое относилось к имманентной сфере). При этом способе данности события даны в качестве «*переживаний*» (Гуссерль говорит теперь не об “*Erlebnis*”, а, по-немецки в более сильной форме, об “*Erleben*”)¹ — то есть, это способ явления протопроцесса, тот способ, которым, на уровне этой пре-имманентной сферы, даны «модальности временной предметности (*zeitgegenständlichen Modalitäten*)».² Для того чтобы суметь *окончательно* определить статус протопереживаний и подвергнуть анализу все необходимые исходно конститутивные элементы сознания времени,

¹ Husserliana Bd. XXXIII. № 13. S. 259. См. также только что процитированный фрагмент № 10. S. 184.

² Husserliana Bd. XXXIII. S. 259. Вот другой фрагмент из «Лекций» — «Введение в логику и теорию познания», датированный зимним семестром 1906/1907, который уже характеризовал эти переживания: «Теперь мы осуществляем сущностный анализ [*Wesensanalyse*; в переводе Шнелля: «эйдетический анализ» — *Прим. пер.*] и таким образом конституируем понятие переживания, которое касается всего распространенного в феноменологической временности *datum* [данного] или *dabile* [того, что может быть дано]; и мы конституируем понятие о лишь переживании [*das bloße Erlebnis*] как о протосознании, в котором *datum* еще не стало предметным, но в котором оно обладает, и с очевидностью должно обладать, пре-феноменальным существованием» (Husserliana Bd. XXIV. S. 245).

нужно приступить к феноменологическому конструированию этого протопроцесса (и способов данности *переживаний* «событий»), что является *непременным условием* всякого описания имманентных предметностей.¹ В следующем фрагменте, взятом из текста №9 из *Husserliana XXXIII*, перечислены различные типы «протопереживаний»: «Рефлексия в отношении (*имманентных*) *данных* ощущений, рефлексия в отношении имманентных восприятий и рефлексия *в отношении самого целого потока*, являются разными аттенсиональными образами *исходных переживаний* [Курсив наш. — А.Ш.].»²

Теперь и впредь у нас есть различные элементы, позволяющие затронуть проблему возможности конституирования времени, по сю сторону (*en deçà de*)³ применения схемы схватывание/содержание схватывания, а именно конституирования «*протопроцесса*»; такова новая перспектива, которая будет здесь определяющей. Конечно, этот текст не решает этот вопрос окончательно, но, как мы видели выше, он способен поставить его во всей остроте.⁴

¹ Гуссерль говорит в сноске к тексту №12 из *Husserliana Bd. XXXIII*: «Протопроцесс есть предпосылка всякого описания» (*Husserliana Bd. XXXIII. S. 247*, прим. 1).

² *Husserliana Bd. XXXIII. № 9. S. 167.*

³ Букв. «по эту сторону». — *Прим. пер.*

⁴ Поэтому нам кажется, что этот текст (также как и текст №10) должен идти в *XXXIII* томе *Husserliana* *перед* текстами №1 и №2.

Другой ключевой момент этого фрагмента состоит в том, что в нем явным образом приписывается существование конститутивной сфере «по эту сторону (*en deçà de*)» имманентной сферы, а именно, пре-имманентной сфере (характеризуемой, соответственно, как пре-имманентная временность).¹ Во многих других фрагментах Гуссерль перерабатывал это по-

¹ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 381, где Гуссерль говорит о «пре-феноменальной» (в ином смысле, по сравнению с использованием этого термина в 1904/1905 гг., когда он означал имманентное время) или «пре-имманентной» временности. См. также следующий фрагмент из текста №10 Husserliana Bd. XXXIII (S. 199), в котором, вместе с тем, ставится вопрос об интенциональном статусе протопереживаний (мы к этому еще вернемся). «Таким образом, возникают сложности, связанные с пониманием исходного “сознания” или исходной жизни Я, которые имеют большое значение, поскольку здесь также решится вопрос, обладает ли в строгом смысле всякая и каждая конкретная жизнь Я характером сознания-о, конституирует ли она с необходимостью предметность. Феноменологическая предметность, [предметность] трансцендентального времени осознается Я в процессе, конституирующем время, в восприятии феноменологически временных событий. Но является ли эта область конституированной временности универсальной областью исходной жизни? Или, другими словами, жить — не значит ли это собственно “воспринимать”, либо воспринимать в обычном смысле, обращать внимание или выхватывать что-то особенное, либо воспринимать в более широком смысле, то есть что-то интенционально сознать или таким образом схватывать, хотя интенциональный объект может быть не тождественен “акту”, то есть интенциональному переживанию как осознанию [этого объекта]?».

ложение о соотношении уровней временности, пользуясь самыми разными формулировками.¹

Итак, в чем же «Бернау-манускрипты» позволяют преодолеть апории текстов №53 и 54 *Husserliana* X? Анализ того же текста №9 вносит очень важное уточнение относительно статуса предельно конститутивного уровня, наиболее «глубокого» уровня «сознания» времени. Действительно, Гуссерль вносит здесь изменение в то, что в §34 «Лекций»² (вероятно, составленном Эдит Штайн) получило название «абсолютный поток сознания времени». Затем, вслед за этим параграфом (а именно в §§35, 36), высказывается мысль, что этот предельный уровень, это позициональное сознание (в равной степени, как предмета, так и самого себя), охарактеризованное как трансцендентальная «субъективность». Однако, на самом деле, эта характеристика предельных конститутивных феноменов времени

¹ Ср., например: *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 29, 45, 117–120, 122, 176, 179, 184, 186, 187, 188, 191, 268; «Лекции», Приложение IX, [Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени, М. 1994. С. 161 — Прим. пер.]; (*Husserliana* Bd. X. S. 119); Дополнение 5 к Haupttext 10, *рукопись* L 1 18, Лист 1 [BE5 — 1.118] (этот текст не был включен в XXXIII том *Husserliana*). По большей части Гуссерль говорит о времени феноменологической (или трансцендентальной) сферы «первого» или «второго» уровня (“*erster*” und “*zweiter*” *Stufe*) — первый уровень соответствует имманентной сфере, а второй — пре-имманентной сфере.

² «Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени». — *Прим. пер.*

в терминах «сознания» или «субъективности» сбивает с толку — именно так, в частности, происходит в «Лекциях». Третий раздел первой части «Лекций» в действительности обосновывает то, что абсолютный поток сознания сам себя конституирует и, следовательно, определенным образом замыкает имманентное время-нание (*temporalisation*) на субъекте, который являет себя в мнимой «абсолютной прозрачности». Однако, как это демонстрирует текст №9 (как и *рукопись L I* в рамках «Бернау-манускриптов» вообще), в 1917/1918 гг. Гуссерль отказывается от позиции само-конститутивного «сознания» в пользу анализа *протопроцесса*, который не обладает ничем, что относилось бы к «субъективности» или полагающему «сознанию», ничем, так сказать, унаследованным от традиции «идеализма производящего сознания (*l'idéalisme de production*)», как несправедливо ни настаивали бы на том порой некоторые комментаторы.

Вопреки анализу, проведенному в текстах №53 и №54 из *Husserliana X*, Гуссерль здесь сталкивается с необходимостью рассматривать не поток сознания *в противопоставлении* временным «явлениям» (и объектам-времени)¹, а процесс, *в* котором представляются «способы данности (*Gegebenheitsweisen*)»² его

¹ « *tempo-objets* » — А. Шнелль передает с помощью этой конструкции термин Гуссерля “*Zeitobjekte*”. Гуссерль рассматривает *объекты-время* (“*Zeitobjekte*” — в переводе Шнелля: « *tempo-objets* ») как подвид *временных объектов* (“*zeitliche Objekte*” — в переводе Шнелля: « *objets temporels* »). — *Прим. пер.*

² Ср.: *Husserliana* Bd. XXXIII. №9. S. 164, 166.

объектов-времени (гилетических объектов, суждений и т. д.). Недостатки описания «абсолютного потока сознания», среди прочего, состоят в гипостазировании «сознания» в качестве «абсолютной субъективности», чье отношение к предметности сложно убедительно показать, и в использовании понятия «конституирования» в том значении, для подтверждения которого недостаточно только очевидности потока. «Протопроцессом» будет называться тот поток, в котором действительно «конституируются» имманентные объекты в качестве единств, — однако это конституирование следует понимать не просто как «производство», а как «изображение (*Darstellung*)» «способов данности».¹

Терминологическое смещение, которое можно было заметить выше, состоящее в том, что Гуссерль говорит здесь уже не о «субъективности» или «абсолютном сознании», а о «протопроцессе», «протопрезентации» и т. п., таким образом, показывает, что Гуссерль представлял себе конструктивную модель, позволяющую миновать подводный камень так называемого «отношения между “субъектом” и его объектом» (поскольку там речь идёт о *нацеленности на смысл*). Он минует его, как это уже упоминалось в предыдущей главе, занимая место как раз на уровне конституирования исходно конститутивных фаз процесса, до разделения субъект/объект.

¹ Ibid. (см. предыдущую сноску); см. также: №13, S. 259, 272.

§3. Спуск в пре-имманентную сферу.

Подход 1917/1918 гг.

Для того чтобы здесь подробнее рассмотреть новые различения внутри имманентной сферы (также как и пре-имманентной сферы), мы, прежде всего, позволим себе сделать терминологическое уточнение.

Внешнее восприятие «даёт» *трансцендентный* объект; в имманентном восприятии является *имманентный* объект. Временные объекты всегда суть *имманентные* временные объекты (*tempo-objets*), они находятся «в» имманентной временности (протоощущения, ретенции, протенции и т. д.), которая в свою очередь конституирована в феноменах, *stricto sensu*¹ не находящихся во времени (в протопроцессе, в феноменах протекания и др.). Однако и на уровне имманентной сферы необходимо различать многообразие значений схватывания (и восприятия). Наряду с трансцендентным восприятием существует и имманентное восприятие, распространяющееся на имманентные объекты — это хорошо известно. Каковы конститутивные элементы внешнего восприятия? Это интенциональный объект (во всяком случае, начиная с того смыслового поворота, о котором говорит Бём)², объективированные схватывания, их ретенции и протенции и т. д. Что открывает нам имманентное восприя-

¹ В строгом смысле (лат.). — *Прим. пер.*

² *Boehm R. Les ambiguïtés des concepts Husserliens d'immanence' et de 'transcendence' // Revue Philosophique de la France et de l'Etranger, vol. 84/1959. PP. 481–526.*

тие? Гилетические *данные* (то есть имманентные *данные* ощущений), одушевляющие (*beseelenden*) схватывания, их ретенциальные и протенциальные модификации и т. д. Кроме того, и это является определяющим, необходимо различать, таким образом, имманентную сферу в строгом смысле (конститутивные элементы которой мы перечислили), «феноменологическую область первого уровня, <...> включающую данности *первой* имманенции в *первом* феноменологическом времени»¹ [Курсив наш. — А.Ш.] и уже не имманентную, а *преимманентную* «сферу», включающую в себя *конститутивные феномены* этой имманентной сферы. Эта последняя сфера может стать доступной благодаря специфическому имманентному восприятию, раскрывающему «*континуумы* интенциональностей, в соответствии с их совершенно не самостоятельными фазами, и *под* которыми мы находим в качестве несамостоятельных фаз чувственных протоданных, протоданные ощущений <...> которые однако имеют только точечное, нестойкое существование (*Dasein*), а не конкретное существование, в полной степени присущее *данным* ощущений, которые являются устойчивыми (*subsistierende*) единствами имманентного времени [Курсив наш. — А.Ш.]».²

Тот факт, что, по утверждению Гуссерля, протоданные ощущений (природу и статус которых мы подробно проанализируем в §5) находятся «под» интенциональностями, конституирующими имманентное

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 176.

² Ibid. S. 177.

восприятие, явно указывает на то, что здесь затрагивается абсолютно исходный конститутивный уровень сознания времени, уровень, обладающий совершенно специфической объективностью (и временностью), уровень определяющий саму имманентную объективность (и временность). Ввиду отсутствия «фундирующих (*fundierende*)» содержаний схватывания, на уровне этой предельной конститутивной сферы нельзя говорить об «имманентной объективности»: «Во внутреннем сознании, в наиболее исходном сознании, конституирующем имманентные предметности и имманентное время, мы не обладаем конкретной данностью предметов (которая требовала бы еще продолжающегося сознания), которые будут схвачены фундаментальным сознанием [Курсив наш. — А.ИИ.].»¹

Каков статус сущностей, относящихся соответственно к имманентной и к пре-имманентной сферам? В строгом смысле, имманентная сфера (которая еще не является предельной конститутивной сферой, но которая сама в свою очередь конститутирована) включает в себе имманентные «пребывающие» (*subsistierende, verharrende*)² предметности, конститутированные в феноменах, относящихся к предельно конститутивной сфере: забегая вперед, можно сказать, что эти последние являются протоприсутствующими данными (протоданными ощущений), которые не просто «есть», но которые «действуют», «функционируют» (*fungieren*)

¹ Ibid.

² Ibid.

и схвачены («одушевлены»)¹ протопрезентирующим (*originärem präsentem*) сознанием.² «Схватывания» или презентирующие «акты сознания» имманентной сферы, как уже было показано в разделе В, претерпевают ретенциальные (и протенциальные) модификации. Гуссерль устанавливает отношения между конституирующей и конституируемой сферами в длинном фрагменте, который мы позволим себе полностью воспроизвести: «<...> “реальное” значит ни что иное, как то, что “сознается в немодифицированном, чисто и изначально дающем сознании (протоприсутствии (*Urpräsenz*))”, и нельзя сказать, что реальное, всегда действующее на первой линии, было бы *данным* ощущений, по примеру того реального, что находится на линии имманентных временных данных, таким образом что-то оказывается конституировано прежде “схватывающего” сознания. Реальное, всякий раз первой (*je-ersten*) сферы, *есть нечто предельное, более не конституируемое, оно более не является конкретным единством “множественностей” конституированных чем-то другим*, оно выступает именно как содержание, как реальное ядро протопрезентирующего (*urpräsentierenden*) сознания, без которого последнее невысказуемо. Наконец, протопре-

¹ Мы увидим ниже, что это «схватывание» или это «одушевление» не относится к имманентной сфере и что конституирование пре-имманентной сферы избавляет от необходимости в схеме схватывание/содержание схватывания.

² А. Шнелль имеет здесь в виду выражение Гуссерля “*urpräsentierenden Bewußtsein*”. — Прим. пер.

зентирующее сознание есть не конкретное переживание, а абстрактная несамостоятельная точечная фаза продолжающейся последовательности других протопрезентирующих фаз, где эта последовательность продолжается не как нечто *конкретное*, что само по себе было бы невысказуемо, но она есть не что иное, как пограничная линия многомерного *континуума*, заключающего в себе *континуумы* ретенций и протенций.

Конечно, ничто не мешает назвать “схватыванием” все *данные*, относящиеся к ядру (*Kerndaten*). Но в таком случае это не будет схватыванием в старом смысле, поскольку эти *данные*, относящиеся к ядру (протоданные ощущений), *не были бы* “схвачены” как те или иные (а при этом брались бы сознанием, которое здесь добавляется “как функция”, никоим образом не являющаяся необходимой), которые брались бы как несамостоятельные по отношению к этому их несущему сознанию (отвлеченные от их точечной несамостоятельности), которые и мыслимы только как несомые. Они не есть объекты в обычном смысле, им с необходимостью всякий раз не хватает самостоятельности, конкретности, которая, как оказывается, мыслима только как конституированное единство. Но все конституированные единства и переживания, конституирующие их, возвращают нас к внутреннему сознанию и к сознанию времени, которое в себе осуществляется как интенциональное действие. Предельное время, если о таком еще можно говорить, — это “имманентное время”, *за ним, однако, еще находится конститутивный по-*

ток времени и принадлежащая ему последовательность. Тем не менее, последовательность (и одновременность) ещё далеко не время, даже если конституированная и объективная последовательность, и объективная одновременность относятся к сущности времени [Курсив наш. — А.III.]».¹

Таким образом, «реальное» «прото»-переживание не является конституированным содержанием схватывания, наподобие содержания имманентной сферы. Гуссерль отвечает здесь на знаменитый вопрос, который был поставлен в примечании к §1 «Лекций» по поводу *конститутивного* статуса содержаний, относящихся к имманентной сфере.² Как тогда следует понимать этот «реальный» статус протопереживания? Гуссерль характеризует его здесь как «реальное ядро протопрезентирующего сознания (*reeller Kern des urpräsentierenden Bewußtseins*)»³, и ниже мы увидим, какая в действительности фундаментально новая концепция даёт тут о себе знать.

Забегая вперёд, заметим, что второй абзац только что процитированного текста показывает, что схема схватывание/содержание схватывания больше не будет применяться на уровне пре-имманентной сферы. То, что на предельном уровне конституирует имманентную временность, это не «реальные» содержания,

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 178–179.

² Husserliana Bd. X. S. 7. (*Гуссерль Э.* Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. С. 9).

³ Husserliana Bd. XXXIII. S. 179.

а сам протопроцесс (который, таким образом, больше не относится к имманентной сфере). В последующих параграфах мы, прежде всего, проанализируем «ноэтический» аспект этого протопроцесса: его статус в сознании, структуру его «ядра», его графическое представление; затем мы исследуем его «ноэматический» аспект, этот анализ будет проводиться в три этапа и достигнет высшей точки в исследовании «ноэматических форм», характеризующем новое значение нозмы и позволяющем уточнить «содержание» той временной формы, которой является протопроцесс.¹

§4. Статус протопроцесса в сознании.

Гипотеза применимости схемы «схватывание/содержание схватывания»

Хотя выше мы уже убедились в необходимости допустить протопроцесс, конститутивный по отношению к имманентной временности, тем не менее, еще не ставился вопрос о его статусе в сознании. Эта проблема занимает Гуссерля во многих текстах *Husserliana XXXIII*, в частности в текстах №10-13 (и в *Приложениях V, XI и XII*). Здесь мы стоим перед следующей альтернативой: существует ли предельно конститутивный по отношению к имманентной временности процесс, который

¹ Ниже мы увидим, что это различие между «ноэтическим» и «ноэматическим» аспектами отражает не *оппозицию* между двумя отдельными моментами, а что оно соответствует двум *точкам зрения* в отношении одного и того же.

сам бы *не* был сознательным,¹ или же этот поток, в свою очередь, относится к имманентной временности (из чего следует, что он *сознателен* в той же степени, как и сущности, которые он конституирует)? Гуссерль вновь ставит этот вопрос в несколько других терминах: не осуществляется ли конституирование временных объектов и их временная ориентация «постфактум в рефлексии»² или же именно *сам* этот протопроцесс должен схватываться как сущее, *конститутивное* по отно-

¹ См. текст №39 и окончание текста №54 из *Husserliana X*. См. также: *Bernet R. "Einleitung" // Texte zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893–1917), Husserliana X, Le Haye. M. Nijhoff, 1966. S. XXXVIII.*

² См. в частности: *Husserliana Bd. XXXIII, Приложение V, S. 203–209*, а также *S. 188, 197, 262*. Именно в Приложении V к §5 и §6 текста №10 из *Husserliana XXXIII* — где он сам проясняет анализ из текста №10 (здесь Приложение значительно превосходит по ясности, глубине и верности текст, к которому оно относится) — Гуссерль на деле развивает две перспективы, позволяющие мыслить с одной стороны способ, которым протопроцесс делает «сознательными» фазы потока имманентной временности (которую он здесь, как и в других местах, называет «феноменологическим временем первого уровня» (*phänomenologische Zeit erster Stufe*), *Husserliana Bd. XXXIII. S. 204*), а также, с другой стороны, способ данности самого протопроцесса сознанию:

Протопроцесс в сущности есть «восприятие» самого себя *внутри имманентной временности*. Это «восприятие» (или это «сознание») не требует ни *тематизирующего удержания* (то есть схватывания, которое рефлексивным образом — а значит «постфактум» — применяется к тому же процессу), ни *модификации* такого схватывания, напротив, оно *непосредственно* — что дале-

шению к этим предметностям (*objectités*). Следовательно, здесь возникают следующие два блока проблем:

- «Как рассмотреть *сознание* явлений имманентной временности, если они конституированы в *бессознательном* (*non conscient*) потоке?
- Какое «место»¹ занимают предельно конституирующие феномены «по отношению» к имманентным

ко не исключает возможности такого рефлексивного повторения: напротив, оно является его необходимым *условием*.

Сознание протопроцесса только «потенциально», оно знает только возможное. Фазы исходной жизни должны пониматься как гилетические прото*данные*, которые сознаются только постфактум, посредством специфических схватываний, которые начинают применяться к ним из другого конститутивного уровня. Это значит, что конституирование времени совершается только благодаря этим схватываниям и только через них, поток же данных является «вневременным».

В своей работе *Self-Awareness and Alterity, A Phenomenological Investigation* (Evanston, 1999) Д. Захави, впрочем, утверждает, что только на основании отдельного схватывания (определенной тематизации) акты конституируются в качестве объектов, длящихся в субъективном времени. В связи с этим он ссылается в равной степени на Husserliana Bd. IV. S. 104; Husserliana Bd. X. S. 36, 51, 112, 129, 285, 293; Husserliana Bd. XIV. S. 29; рукопись C 10, C. 17a, рукопись L I 19, C. 3-a-b, 10a; рукопись L I 2, C. 16a: «Предельное сознание есть ни что иное как протопоток, до того как на него направляется рефлексивный взгляд».

¹ Гуссерль действительно задается вопросом: если конститутивные «переживания» феноменологической (или имманентной) временности есть в свою очередь переживания, проявляющиеся в имманентной сфере, будет ли для них «место»

явлениям? И, с другой стороны, как избежать бесконечного регресса, учитывая, что каждой имманентно конституируемой сущности необходимо вновь приписать конституирующий поток и т. д.»¹

Гуссерль дает недвусмысленный ответ: гипотеза бес-сознательного потока должна быть отброшена, апория, состоящая в объяснении конституирования *сознания* посредством бес-сознательных феноменов, неразрешима (таким образом, он отвергает гипотезу, высказанную в конце текста №54 из *Husserliana X*).² Что касается другого выбора, сделанного Гуссерлем, то задача, которую ему нужно было решить (кроме того, что необходимо отреагировать на возникающую проблему *феноменологического* статуса протопроцесса и опасность бесконечного регресса), может быть сформулирована следующим образом: необходимо было понять, почему протопроцесс только и можно помыслить одновременно:

в феноменологической временности? (См. *Husserliana Bd. XXXIII*. S. 185: «Являются ли эти [т. е. пре-имманентные “переживания”] опять же временностями — как в феноменологическом времени может иметь место сама приводящая себя к данности временность?»)

¹ *Husserliana Bd. X*. S. 186.

² *Husserliana Bd. X*. S. 382. Более подробный анализ этой гипотезы бес-сознательного потока — несостоятельной и потому отброшенной Гуссерлем — можно найти в работе: Kortooms T. *Fenomenologie van de tijd*. Edmund Husserls analyse van het tijdbewustzijn. Wageningen: Ponsen & Looijen, 1999. S. 133–142.

1. конститутивным по отношению к имманентным переживаниям первого уровня, *первому феноменологическому времени* и
2. как процесс сознания, возвращающийся к себе самому, как сознание, которое является сознанием самого себя во *второй временности*¹ (которая будет пре-имманентной временностью).

Таким образом, парадокс, как можно видеть, состоит в следующем: протопроцесс конститутивен по отношению к имманентной сфере, но он, в свою очередь, к этой сфере не относится. В то же время, он должен определенным образом темпорально удостоверяться, иначе введение этого процесса стало бы метафизической конструкцией. Как сможет Гуссерль согласовать все эти посылки, не впадая в указанные апории?

Прежде чем мы сможем ответить на этот вопрос, констатируем, что Гуссерль заходит еще дальше в своей гипотезе *бессознательного* протопотока: эта гипотеза заставляет предположить, что схема схватывание/содержание схватывания может быть применима на уровне самой пре-имманентной временности. Это исследование отталкивается от гипотезы о том, что *данные*, относящиеся к ядру протопроцесса, должны быть «содержаниями схватывания», репрезентирующего имманентные временные данные. Гуссерль также проводит в §2 текста №9 из *Husserliana XXXIII* различие между серией имманентных *данных*, т. е. имманентной вре-

¹ См.: Husserliana Bd. XXXIII. №10. S. 188.

менностью, и серией трансцендентных восприятий, т. е. объективной временностью, подчеркивая при этом их соотнесенность: «временные предметности и времена (*Zeiten*) взаимно конституируют друг друга».¹ Но это еще не все: оба элемента этого соотношения — т. е. *трансцендентное* (объективное) восприятие и гилетический (*имманентный*) объект — «упорядочены» или вписаны «в исходное сознание времени», и именно через них полностью (*vollständig*) и предельным образом конституируются. Итак, Гуссерль предельно ясно утверждает, что имманентная временность и объективная временность в свою очередь конституируются в более исходной временности именно благодаря схеме схватывание/содержание схватывания, которая, как предполагается, применима на уровне этой исходной временности:

«То, что мы в первой феноменологической рефлексии называем «восприятием» имманентного тона, не является полностью сознанием, конституирующим единство тона, но только линией протопрезентации (*der Urpräsentation*), как мы показали это выше. На основании структуры всего конституирующего сознания сама линия приобретает некое собственное «схватывание», вследствие чего как раз и осуществляется феноменологическая объективация акта (первого уровня), подобно тому, как *протоданные*, возникающие в этой серии также как и «ядра», подвержены «схватыванию», в соответствии с которым они становятся в потоке со-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 166.

знания временными объективными точками самоданности тона, точками длящегося тона имманентного времени.

Таким образом, мы здесь говорим о «схватывании» и «содержаниях схватывания»; мы называем ядра, возникающие в протопрезентированной серии исходного сознания времени, (протоданные) «схватываемыми содержаниями», и это благодаря схватыванию, посредством которого интенционально конституированы «объективные» данные тона как исходные явления имманентного времени»¹.

Таким образом, можно посчитать, что здесь осуществляется анализ *конститутивных феноменов* этой интенциональности акта²: серия протофаз (или ядер)

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 166.

² В соответствие с таким предположением, высказывание Гуссерля — «то, что мы в первой феноменологической рефлексии называем «восприятием» имманентного тона, не есть в полной мере сознание, конституирующее единство тона, но только линия протопрезентации», — означало бы, что для того чтобы полностью осуществить анализ конститутивных феноменов пре-имманентной временности, то есть для того чтобы рассмотреть конституирование имманентной временности *во всей полноте*, требовалось бы уточнение относительно *акта* — который был, очевидно, в недостаточной мере описан в *Лекциях*. В то время как в тексте №53 Гуссерль приводил описание «сверху» (спускаясь от явлений к конституирующим феноменам протекания), здесь он осуществлял бы обратный ход, «снизу», который состоял бы в том, чтобы подняться от конститутивных феноменов интенциональности акта к самим актам.

«приобретает некое собственное «схватывание», вследствие чего как раз и осуществляется феноменологическая объективация акта (первого уровня) <...>». То, что речь здесь идет именно об имманентной временности, ясно подчеркивается Гуссерлем, когда он утверждает, что только благодаря этим схватываниям протофаз (которые тем самым возвращаются к этим содержаниям схватывания) упомянутые фазы «становятся <...> точками длящегося тона *имманентного* времени [но не объективного времени, как Гуссерль думал еще в поздних текстах 1911 — *A.III.*]».

Также как и в случае описания трансцендентного восприятия, содержания схватывания «изображают» или «представляют» (*darstellen*) трансцендентный объект на более глубоком конститутивном уровне, прото*данные* изображают (Гуссерль использует в точности тот же глагол: “*darstellen*”) *имманентные данные*. Здесь, таким образом, идет речь о применении той же схемы схватывание/содержание схватывания для рассмотрения конституирования имманентной временности. Причем, она применима не только к содержанию схватывания, но также и к самим *схватываниям*: «Моменты единичных актов, которые изначально возникают в непрерывности протопрезентирующих моментов акта, функционируют как *данные* схватывания для схватываний и становятся изображениями фаз, относящихся ко внутреннему восприятию (*данных* ощущений) как конкретных предметов имманентного времени».¹

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 166.

На каких основаниях можно утверждать, что проводимый в этом тексте анализ действительно возвращается к исследованию конститутивных феноменов имманентного времени?

1. Гуссерль подчеркивает, что благодаря применению схемы схватывание/содержание схватывания — на этом предельно конститутивном уровне временности — термин «схватывать» (*Auffassen*) приобретает новое значение: действительно, необходимо различать, с одной стороны, актуальные схватывания, «*осуществленные*» ясно и отчетливо, и, с другой стороны, схватывания в ином смысле, не подконтрольные отчетливому *вниманию*, но составляющие, тем не менее, часть потока переживаний «вместе со всеми его интенциональностями (*Intentionalien*) и конституированиями».¹ Эти последние суть «смутные», «неактуальные» интенции, и они являются моментами жизни «совершенно определенной сущностной структуры (*Wesensbeschaffenheit*)».² И в качестве таковых они сами подчинены «закону конститутивного потока временной предметности (*Zeitgegenständlichkeit*)».³

2. Как следует понимать соотношение между этими двумя степенями схватывания? Снова именно применение той же схемы схватывание/содержание схватывания дает ответ на этот вопрос: схватывания во втором смысле функционируют как «представители» (*représentants*) актов, относящихся к имманентной временности

¹ Ibid. S. 168.

² Ibid. S. 169.

³ Ibid. S. 168.

(т. е. схватываний в первом смысле). Это трансцендентальное «функционирование» (*Fungieren*) объясняет, как конституируется имманентная временность: «Моменты акта, возникающие в протопрезентации потока, [т. е. схватывания во втором смысле — *A.III.*] являются “изображениями (*Darstellungen*)” точек имманентных актов, как точек тех имманентно длящихся актов, которые развиваются в имманентном времени».¹

Подводя итог, приведем здесь целиком фрагмент, резюмирующий весь предшествовавший анализ: «Моменты, относящиеся к гилетическому ядру, узнаются только в истинном схватывании [во втором смысле — *A.III.*] в протопрезентациях и функционируют только как содержания схватывания для гилетических имманентных предметов, когда аттенциональный модус удержания (*Erfassung*) применяется к этим предметам, и когда они осуществляют таким образом “истинную функцию”. Но, если кроме этого мы говорим о схватываниях и о содержаниях схватывания, то мы имеем в виду потенциальность, относящуюся к удержанию: это возможные схватывания и возможные содержания схватывания. Но эта возможность не есть чистая возможность, она предполагает сознательные структуры исходно конститутивного сознания-времени, в отличие от тех, которые лишены интенциональных связей, которые могли бы вступить в актуальное функционирование».²

¹ Ibid. S. 169.

² Ibid.

Но, несмотря на эти описания, действительно относящиеся к этому «феноменологическому содержанию», Гуссерль на самом деле не решается просто перенести схему схватывание/содержание схватывания на пре-имманентную сферу. Последний абзац теста №9 демонстрирует нам, в частности, то, что Гуссерль осознавал проблему *statu* предельной конститутивной сферы сознания времени по отношению к имманентной сфере.¹ Здесь речь идет о различении схватывания/содержания схватывания на уровне имманентной временности и на уровне пре-имманентной временности. Здесь также ставится задача выяснить, нуждаются ли гилетические протоданные в особых актах схватывания (“*Urpräsenzakte*” («актах протоприсутствия»)) для того, чтобы удостоверить функционирование «презентирующих» актов: появляется необходимость провести различие между протопрезентирующими актами и объективирующими актами (но во втором случае дело касается протопрезентации и объективации не трансцендентного, а имманентного объекта). Другими словами, проблема заключается в том, чтобы выяснить, конституируется ли имманентная временность в сфере пре-имманентной временности, точно так же как объективная временность конституируется в имманентных явлениях. Следовательно, в конце этого текста по прежнему возникают две, по существу связанные, проблемы:

1. На каком уровне осуществляется конституирование *объективных* временных точек: на том же

¹ Ibid. S. 180.

уровне предельно конститутивного слоя или на уровне имманентной временности?

2. Разделена ли протопрезентация в соответствии со схемой протопресентирующие акты/прото-данные или существует исходное единство, предшествующее этому разделению?

Дело в том, что эти вопросы вновь встающие перед Гуссерлем, не находят ответа при применении схемы схватывание/содержание схватывания. И мы действительно видим, что изучение текстов, где остро ставятся эти проблемы, и в которых мы ближе всего подходим к их решению, приводит к радикальному и однозначному пересмотру роли схемы схватывание/содержание схватывания в конституировании пре-имманентной временности.

§5 Неприменимость схемы «схватывание/содержание схватывания» для конституирования пре-имманентной временности: «протообъективация»

Протопроцесс¹ сам себя конституирует в качестве процесса. Это позволяет ему осознавать самого себя и, в то же время, именно благодаря этому он являет себя нам. Однако, как осуществляются эта ауто-аппрегензия (*auto-appréhension*) и это само-конституирование процесса?

¹ *Urprozess* — термин, который в *Бернау-манускриптах* приходит на смену «абсолютному потоку сознания». — *Прим. пер.*

Концептуальное нововведение (по сравнению с предыдущими исследованиями) текста №11 из *Husserliana XXXIII* (к которому мы собираемся обратиться ниже), на деле, состоит в том, что здесь анализ в первую очередь осуществляется на уровне протопроцесса, *который включает* в себя именно то, что относится *собственно к объекту-времени*¹, то есть к временному моменту имманентного временного объекта — таким образом, радикально избавляясь от необходимости использовать схему схватывание/содержание схватывания. Этот протопроцесс конституирован фазами: это фазы реальных «данных ядра (*Kerndaten*)», которые включают в себе не модифицированные *данные*, и фазы не-реальных *данных* ядра, заключающие в себе модифицированные *данные*. Гуссерль называет «феноменом стихания (*Abklang*)»² «ретенциальное»³ ядро, *поскольку оно содержит ретенциальную модификацию данных перцептивного ядра*. Это ретенциальное ядро не является ни ак-

¹ А. Шнелль переводит выражение Гуссерля *Zeitobjekte* как *tempo-objets*, для того чтобы отличать их от *zeitliche Objekte* (т. е. от *objet temporells*). Основания для такого различения Гуссерль дает, определяя *Zeitobjekte* в специальном смысле, в их отношении к *Einheiten in der Zeit* (то есть к *zeitliche Objekte* — см.: *Husserliana* Bd. XXIV. S. 255). Мы переводим *tempo-objet* (и соответственно *Zeitobjekt*) как объект-время, а *objet temporel* (т. е. *zeitlich Objekt*) как временной объект. — *Прим. пер.*

² *Husserliana* Bd. XXXIII. №11. S. 216.

³ Понятия «протенция» и «ретенция» должны быть повсюду здесь (на уровне пре-имманентной сферы) заключены в кавычки, поскольку они, на деле, относятся к *имманентной* сфере.

том, ни простыми содержанием ощущений, а выражением *и* модификации, *и* сознания, *и* содержания, притом выражением «скрытым» и «опосредованным».¹

Уточнения относительно природы этой модификации распадаются в соответствии с тремя моментами *феноменологического конструирования*, фундаментальная цель которого всякий раз состоит в уточнении статуса чувственных данных, которые конституируют этот процесс модификации (и которые таким образом замещают «протоимпрессии» и их ретенциальные и протенциальные модификации, статус которых нельзя достаточно ясно установить в текстах 1911 года)²:

1. Прежде всего, речь идёт о том, чтобы показать, что эти *данные* не тождественны содержаниям

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 216. То, что Гуссерль говорит ниже, на странице 218 того же текста №11: феномен стихания (прежде особенно явно заметный во всех явлениях восприятия тона) «появляется» (auftritt) в качестве нового настоящего и, кроме того, благодаря такому «появлению» он связан с прото-презентацией, — позволяет утверждать, что он [этот феномен] для него действительно является конститутивным феноменом ретенциального сознания. Если бы феномен стихания был бы простой ретенцией, Гуссерль не мог бы сказать, что он появляется как новое, непрерывно обновляющееся настоящее, и что он *появляется* только *один раз*, что он схватывается как отсылающий к протопрезентации, а просто сказал бы, что он есть феномен стихания этой презентации.

² Мы видим, что первый пункт составит «негативный аспект» феноменологического конструирования, а два последних пункта — «позитивный аспект».

схватывания имманентной сферы, которые постоянно требуют «одушевляющего» схватывания (§5).

2. Затем, Гуссерль предлагает конкретный анализ этих *данных* — в терминах «ядер» — поскольку они конституируют протопроцесс (§6).
3. Наконец, демонстрируется, что этот анализ обращается к новому значению «ноэмы» («ноэма-время»), которое объединяет в себе эти *данные*, сообщающие ему *смысл* (§8).

Прежде чем раскрыть различные элементы этого феноменологического конструирования необходимо в целом уточнить его статус.

Специфическим, характерным для феноменологического конструирования является то, что оно не создает спекулятивным образом *конструктов* (например, для того чтобы продемонстрировать принципы метафизической системы), а строго придерживается того, что требуют сами феномены. Феноменологическое конструирование — это «проект»¹, поскольку оно конструирует трансцендентальные (в феноменологическом смысле) условия того, что обязательно для самих феноменов. И, осуществляя это, оно подчиняется не трансцендентальной необходимости, а самому процессу *конструирования*, который задает ему необходимость и закономерность. Вообще говоря, в феномено-

¹ Ср. нашу работу: Schnell A. La Genèse de l'apparaître. Études phénoménologiques sur le statut de l'intentionnalité. Beauvais, Mémoires des Annales de Phénoménologie, 2004.

логическом конструировании феноменологическая дескрипция сталкивается с парадоксом или с апорией (которые между тем *должны* быть преодолены): *факты* («феноменальное содержание») сами удостоверяют правильность целей и результатов конструирования. Приведение к очевидности этого парадокса и необходимость преодолеть его задают негативный аспект конструирования. Его позитивным аспектом является само по себе решение парадокса.

То, к чему мы пришли в предшествовавшем анализе, может послужить нам примером. «Фактом» здесь является феномен *ретенции*. Парадокс, к которому приходит текст №11, связан с вопросом о том, имеет ли ретенция «реальную (*reell*)» или «не реальную (*nicht reell*)» основу, или, другими словами, проблема заключается в том, есть ли в основании ретенции нечто реально «присутствующее» (или нет). «Негативный аспект» феноменологического конструирования состоит в том, чтобы показать, проникая в область *do* разделения на схватывание/содержание схватывания, что оппозиция «реальное»/«не реальное» окажется настолько не приспособленной для описания данных ядра восприятия и ретенции, что ретенция не может больше описываться в терминах *схватывания*. Отсюда будет следовать то, что схема схватывание/содержание схватывания не может эффективно применяться на уровне конституирования пре-имманентной временности. «Позитивный аспект» феноменологического конструирования будет далее состоять в том, чтобы

определить природу и сущность протопроцесса, также как и его структуру.

Действительно, после того как он совершенно однозначно разграничил ретенцию и презентификацию (φαντασία), приведя к очевидности ее нерееальный характер,¹ Гуссерль подчеркивает, что хотя *данное* ядра ретенции, определенным образом и «не реально» (но только в смысле φαντασία), тем не менее, оно «реально» содержится во всех дальнейших ретенциальных фазах. Очевидно, различие между «реальным» и «не реальным» содержанием не применяется к ретенции на тех же основаниях, как к восприятию и φαντασία — в лучшем случае это будет в языковом плане «несобственным» употреблением. Но как тогда понять непрерывность реального присутствия чувственного содержания? Это реальное присутствие содержания возможно только благодаря чему-то, что не исчерпывается *только* актом схватывания, также как и *только* длящимся содержанием. За неимением лучшего наименования, Гуссерль называет «схватывание» «осознанностью» (*Bewusstheit*), этот термин он берет в кавычки, что бы различить то схватывание, которое он имеет в виду, в имманентной сфере, и содержание схватывания. И действительно, это «схватывание» как раз является скорее «способом сознания» (*Bewusstseinsweise*), а не актом сознания, который приводил бы в движение содержание акта.

Конечно, в связи с этим теперь не следует думать о схватывании в привычном смысле, предполагающем

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 214–215.

предмет, то есть о фундированном сознании. Это исключено.¹

«Ретенциальное ядро», «прото»-ретенцию (которую следует отличать от ретенции внутри имманентной сферы) отличает от трансцендентного восприятия, как раз то, что она не «*фундирована*» в чувственном содержании, которое приводилось бы в движение схватыванием (эта идея уже была затронута в конце предыдущего параграфа). Предельно конститутивные феномены времени не есть схватывания, фундированные содержаниями схватывания: «Проторетенции, следовательно, определенно не фундированы, у них нет данных схватывания (репрезентантов) и нет основывающихся на них схватываний, репрезентирований в производном и несобственном смысле. Таким образом установлено, что, если мы принимаем в протопрезентации и в присоединяющихся ретенциях непрерывность данных протоощущений, протоданное для протопрезентации и для относящихся к той же точке события (*Ereignispunkt*) ретенций «стихания» этого протоданного, то они не могут функционировать в качестве репрезентантов».²

Что позволяет Гуссерлю говорить, что ретенциальные «схватывания» не фундированы? Такое «фундирование» (*Fundierung*), в том виде, в каком оно осу-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 216. Ту же идею мы находим в другом месте, в примечании: «Еще одно размышление, для того, чтобы показать, что ретенции не являются “схватываниями”». Husserliana Bd. XXXIII. S. 216, прим. 1.

² Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 216.

ществляется в случае трансцендентного восприятия, предполагает временной объект, который *длится* и *воспринимается* во времени, но именно его-то здесь и *нет*. Конечно, ретенциальное сознание не лишено определенной чувственной *данности*. Но каков статус этой *данности* в случае протосознания времени? Эта «данность» протосознания длительности — именно то, что Гуссерль называет «моментальным полаганием 'Теперь'» (*momentane Jetzt-Setzung*). Гуссерль здесь явно проводит пересмотр «временного явления» (до различения — поток сознания/имманентный объект-время)¹, что в тоже время позволяет ответить на вопрос о *сознании* этого явления (как уже было замечено, Гуссерль говорит здесь о «способе сознания»). (Напомним, что именно эта проблема осталась нерешенной в результате описания феноменов протекания). Это временное явление есть ни что иное, как конститутивное по отношению к протопроцессу «протопереживание». Вот в каких терминах Гуссерль описывает теперь в этом во многих отношениях примечательном фрагменте «конституирование» (или «полагание») временного момента:

«Однако *его* [объекта, предполагаемого при «фундировании» (*Fundierung*) — А. III.] место занимает здесь *протообъективация*² как *моментальное полагание-Теперь*. Прото-

¹ Ср.: Главу I предыдущего раздела. (Раздел В, Глава I. *Применение схемы схватывание/содержание схватывания к конституированию имманентной временности*. — Прим. пер.)

² Эта протообъективация относится к *пре-имманентной сфере* как исходно конститутивная для составляющих имманент-

презентация не фундированно полагает Теперь, *она является изначальным сознанием (Originärbewusstsein) своего содержания*. Ее содержание не является чем-то для себя, оно является только тем, чем оно является в качестве содержания, в данном случае содержания протопрезентации. [На уровне — *A.III.*] ретенций встречается принципиально разнородное содержание и таким оно как таковое является в качестве содержания протопрезентации, при этом оно также есть и теперь. Но эта моментальная презентация является фундирующей для некого дальнейшего способа сознания, а именно нового ретенциального способа, сознания прошлого. В каждой дальнейшей ретенции возрастает градуальность (постоянная опосредованность) ретенции, и в качестве фундамента всегда остается содержание настоящего, которое моментально «конституируется» посредством сознания-настоящего [Курсив наш. — *A.III.*].¹

Что мы можем вынести из вышеизложенного?

- Протопрезентация не отличается от своего содержания. Содержание и его сознание совпадают в этом изначальном сознании, где осуществляется объективация, отличающаяся от той, что харак-

ной сферы (и поэтому, косвенным образом, для объективной временности). Как подчеркнул Гуссерль двумя строками выше, здесь нет неизменного “*verharrendes*” [«*препывающего*»] временно-го объекта, воспринимаемого в феноменологическом времени (которое, как мы неоднократно замечали, относится к имманентной сфере) — действительно, «об этом здесь, конечно, речи не идет». Husserliana Bd. XXXIII. S. 217.

¹ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 217.

терна для имманентной сферы, и которую Гуссерль назвал «протообъективацией».

- Содержание ретенции не чужеродно по отношению к содержанию протопрезентации, оба они «одного рода»: первое происходит из второго в силу временной модификации о которой теперь пойдет речь, для того чтобы прояснить ее статус.

§6. Характеристика протопроцесса и его фаз. «Феномены стихания (Abklingsphänomene)»

В тексте №2 из *Husserliana XXXIII* исследуются как протопроцесс, так и его фазы; этот анализ теперь позволит внести ряд уточнений в сделанные нами предположения (*anticipations*) (при этом он составляет «*позитивный* аспект» упоминавшегося феноменологического конструирования).¹ Этот протопроцесс представляется, прежде всего, в качестве потока: «Сознание есть поток. Но оно есть поток не как поток воды, который существует в объективном времени. Поток сознания не находится в объективном времени, во времени в обыч-

¹ «Позитивная сторона» феноменологического конструирования включает в себя то, что в анализе протопроцесса выглядит как «ноэтический аспект» (§6–7) также как и то, что выглядит как «аспект ноэматический» (§8). Напомним, что различие между «ноэтическим» и «ноэматическим» аспектами отражает не *опозицию* между двумя отдельными моментами, оно соответствует двум *точкам зрения* в отношении одного и того же.

ном смысле, напротив, он несет в себе время, форму всякой объективности и, прежде всего, трансцендентальной объективности первого порядка со всеми относящимися к нему трансцендентными событиями (кроме того также внешней объективности во внешнем времени). С другой стороны, сознание в себе самом есть поток. Оно обладает формой бытия «время» (*eine Seinsform Zeit*), именно в качестве «потока» <...>.¹

Какова форма этого «потока протопереживаний»? Протопроецесс — это *бесконечный* («неизменный»), *непрерывный*, *однонаправленный* и *необратимый* «протенциальный» процесс. Каждая фаза здесь — это интенция и ее наполнение,² и так до бесконечности. Каждую конститутивную фазу процесса определяет вполне заданная последовательность.³ Протопроецесс — это *континуум* (который Гуссерль именует U_x). Однако *континуум* фаз протопроецесса в свою очередь называется Гуссерлем «основным рядом» (*Grundreihe*). Каждая фаза этого ряда конституирована «ядром» (*Kern*) («протофазы») — на уровне максимального наполнения — и модифицированными ядрами на уровне изменяющегося, стремяще-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 45.

² Словосочетание «*intentionnalité remplissant*» переводится здесь как «наполняющая интенциональность», хотя французское *remplir* (как и немецкое *erfüllen*, к которому отсылает А. Шнелль) имеет также и значение «исполнения», в тех случаях, когда «*intentionnalité remplissant*» приводится в паре с «*intentionnalité é-vidante*» (*entleerende*) — «о-пустошающей» интенциональностью. Однако значение «исполнения» также следует учитывать. — Прим. пер.

³ Ср. также: Husserliana Bd. XXXIII. S. 43.

гося к нулю наполнения.¹ «Фазы сознания U_x обладают относительно изменяющейся степенью полноты, или «характером ядра (*Kernhaftigkeit*)», и в каждом U_x есть фаза, и причем только одна, содержащая максимально полный характер ядра. Ядро может быть всячески многообразным; тем не менее, хотя ядер много, каждое обладает в рассматриваемой фазе характера ядра (которую мы называем протофазой) максимальной полнотой <...>. Это «протоядро» есть, как таковое, только в качестве интенционально заключенного ядра».²

Таким образом, протоядро (или фаза) больше не описывается в терминах «впечатления» (как это было в «Лекциях») но, «оно есть лишь интенционально заключенное ядро». Гуссерль также говорит, что оно является «насыщенным сознанием» (пределом насыщения по мере приближения).

В случае модифицированных ядер, их «характер ядра (*Kernhaftigkeit*)» снижается по мере осуществления модификации. Когда речь идет о «ретенциальных» ядрах, эти модифицированные ядра называются “*Abklangsphänomene*”³ (термин, который мы предлагаем переводить как «феномены стихания»).

¹ С анализа ядер мы приступаем ко второму элементу (Ср. план в начале §5) характеристики конститутивных *данных* протопроцесса

² Husserliana Bd. XXXIII. S. 32.

³ Действительно, Гуссерль называет “*Abklangsphänomene*” (феноменами стихания) фазы, выступающие в качестве ретенциальных «*данных* ядер». (Ср. по этому поводу: Husserliana Bd. XXXIII. №11. S. 216)

Анализ феноменов стихания позволит теперь понять статус временной модификации, к которой мы подошли в предыдущем параграфе. Прежде всего, именно в тексте №11 из *Husserliana XXXIII* Гуссерль систематически описывает способ, которым модифицируется протопрезентация в феномене стихания. Напомним, что на всех диаграммах из тех текстов, которые собраны в *Husserliana X*, протовпечатление a трансформируется в ретенцию $a:(R_a)$, она в свою очередь в ретенцию ретенции и т. д. Однако, здесь¹ Гуссерль описывает ретенциальную модификацию следующим образом: событие E_0 модифицируется в $R[E_0']$, оно в $R[\{R[E_0']\}]$ и т. д. Решающим здесь является то, что E_0 модифицируется здесь не в R_{E_0} , как было бы, если это описание соответствовало бы предшествовавшему, а в $R[E_0']$. Как понять это событие $R[E_0']$ (которое, по словам Гуссерля, представляется как «новое настоящее»)? Так Гуссерль указывает на то, что «содержание» E_0 не просто модифицируется в ретенциально-удержанное (*retenu*) содержание (которое представлялось посредством $R[E_0]$), но что временной феномен — проявляющийся в схватывании содержания (в этом новом смысле схватывания) — является «новым», «независимым» феноменом, который он называет именно «феноменом стихания». Этот феномен стихания является не просто ретенцией E_0 , а феноменом, в котором только-что-прошедшее даётся в качестве прошлого, *без* которого мы впадали бы в апорию,

¹ Ср.: *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 218.

связанные с объяснением того, что относится к акту, содержанию акта или их «связи». Однако структура феноменов стихания характеризуется посредством двойной «интенциональности», которая нам уже встречалась в терминах «продольной» и «поперечной» интенциональности в главе I. этого раздела.¹ Действительно, как иначе описать $R[\{R[E_0']\}]$?² Феномен стихания E_0' это наличное «содержание», которое «схватывается»³ как содержание, отображающее только-что-прошедшее. R это «сознание», которое включает в присутствующее «содержание» и его «стихание».⁴ Это «сознание» в свою очередь модифицируется. Действительно имеются две модификации: относящаяся к R и относящаяся к E_0 . И ретенциальная модификация $R[E_0']$ распадается на две: $R[\{R[E_0']\}]$ и $R[R'[E_0]]$. $R[R'[E_0]]$ включает в себе RR' (ретенцию R , то есть прошедшего «схватывания») и $R[E_0']$ (схватывание, которое ретенциально относится E_0'). «Каждая $R[R'[E_0]]$ ретенциально относится к $R'[E_0]$,

¹ Раздел С, Глава I «Абсолютный поток сознания». — *Прим. пер.*

² Описание должно начинаться с $R[R[E_0']]$, а не с $R[E_0']$, поскольку в $R[E_0']$ еще нет самой ретенциальной модификации.

³ Это «схватывание» не относится к «фундированному» содержанию — схема схватывание/содержание схватывания действительно оказывается *неприменимой* внутри пре-имманентной сферы — но оно, таким образом, выражает ту временную модификацию, которую мы уже затрагивали в предыдущем параграфе.

⁴ *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 218, строки 12-13.

а через нее к E_0 .¹ Таким образом, больше не остается вопроса о «содержании схватывания», и если Гуссерль еще и пользуется понятием «схватывание», то он это делает не для того, чтобы все свести к интенциональности акта, а просто, потому что ему не хватает других терминов, чтобы обозначить «сознание» этой временной модификации.² Очевидно, что Гуссерль приводит здесь все элементы необходимые для успешного анализа «феноменов стихания» (даже если терминология иной раз еще находится в зависимости от несостоятельных описаний, которые датируются 1906–1910 годами).³

¹ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 218.

² В своем блестящем анализе протогиле (*Urhytle*), Д. Франк пришел к тем же результатам — но на уровне имманентной сферы (Ср.: *Franck D. Dramatique des phénomènes*, Paris: PUF, 2001. PP. 17–18). Он, таким образом, обходит молчанием то, что в дальнейшем Гуссерль заметил недостатки такого анализа (который ограничивался реальными компонентами имманентной сферы, в то время как протогиле относится к реальности *пре*-имманентной сферы), недостатки, которые в «Бернау-манускриптах» считаются обойденными.

³ Можно, тем не менее, возразить, говорит Гуссерль в тексте №11 из Husserliana Bd. XXXIII. S. 218, что предшествовавший анализ не позволял объяснить как «сосуществуют» новое, возникающее Теперь, феномен стихания предшествовавшего Теперь и, в свою очередь, ретенция предыдущего феномена стихания. Но Гуссерль уже ставил тот же вопрос в тексте №50 из *Husserliana X* (в связи с ретенциальной интенциональностью как «хвостом кометы»: каждая ретенция непосредственно является ретенцией ретенции, которая в свою очередь являет-

Итак, какую временность приписывает Гуссерль этим феноменам стихания? Феномены стихания суть интенциональные ядра, которые могут быть в свою очередь

ся ретенций ретенции и т. д.). Это «затруднение» — которое не стоит смешивать с проблемой “*Strecken-Zugleich*” [все-сразу растяжения] (Ср. наш разбор текста №54 из *Husserliana X* в §4 Главы I) таким образом, уже было разрешено почти за десять лет до того, благодаря описанию интенционального переплетения ретенций, ретенций ретенций и т. д.

В рукописи L I 5 (Bl. 18–22) (*Husserliana* Bd. XXXIII. №4) [Гуссерлем] также затрагиваются феномены стихания. В соответствии с этой рукописью феномен стихания является предельно конститутивным феноменом прошлого, исходя из временного модуса которого сложно говорить о «прошлом» в собственном смысле слова — именно поэтому Гуссерль предпочитает говорить об “*Ab-Klang*” (буквально: у-молкание, отзвук, которое мы предлагаем таким образом переводит как «затухание» [или «стихание»]) настоящего. Следует подчеркнуть, что это временной модус «стихающего настоящего» еще не является объективным временем «которое не должно быть здесь незаметно введено» (*Husserliana* Bd. XXXIII. S. 65). Однако какой временной модус следует приписать этим феноменам стихания? Финк весьма строг в своей критике, когда он оспаривает характер *настоящего* этих феноменов (Ср. рукопись В III. S. 21, которая находится в Архиве Ойгена Финка во Фрайбурге) — в связи с этим он предлагает рассматривать их не как [составляющих] настоящее, а как «лишенные [характера] настоящего» (*déprésentifiés*). Гуссерль, который не располагает таким понятием, по меньшей мере обязан принять в расчет способ, которым дано это «стихающее настоящее» — и он хорошо знает, что его модус данности отличается от модуса данности актуальных реальных (*reelle*) впечатлений. Следовательно, критика Финка кажется нам здесь чересчур радикальной.

посредством абстрагирования разделены на моменты, относящиеся к *тождественной форме* (ноэтически — Теперь и его «модализация», ноэматически — «смысл») и к *изменчивому содержанию* (ноэматически — «полнота» этого смысла). Таким образом, всегда, даже на уровне этой пре-объективной сферы, присутствует ноэтико-ноэматическая корреляция, но, конечно, в ином значении, поскольку в пре-имманентной сфере «ноэтический» и «ноэматический» «полюса» не могут быть полностью абстрагированы один от другого (действительно, мы видим, что назначение этих двух «аспектов» сводится к тому, чтобы представить две различные точки зрения на один феномен). Мы вернемся к этой проблеме в §8.

Стиханию соответствует именно «истощение» этой «полноты» содержания. На самом глубоком конститутивном уровне мы встречаем «применение» формы к содержанию, из которого «появляется» сознание длительности (см. ниже). Однако эта полнота не снижается до «нулевой» степени, иначе было бы непонятно, как время может течь, в случае если бы полнота уже предельно (*jusqu'à zéro*) истощилась.

Что касается «протенциальных» ядер, Гуссерль, насколько нам известно, не дает им отдельного имени. Асимметрия между феноменами стихания и «протенциальными» ядрами отражает такое же отношение между «связанным» характером ретенции и «свободным»¹

¹ Ср. по этому поводу рукопись L I 18, Haupttext, Bl. 2–4, S. 03b (которая не была включена в XXXIII том *Husserliana*), где Гуссерль проводит более глубокое различие между воспоминанием и ожиданием.

протенции. Действительно, наиболее очевидное выражение асимметрии между ретенцией и протенцией состоит в том, что протопроцесс включает только «наполненные» в прошлом интенциональные ядра (а именно, феномены стихания).¹ В итоге, именно эти два типа модифицированных ядер обеспечивают связь восходящих и нисходящих *континуумов* на уровне преимманентной сферы, а на уровне имманентной сферы — связь ретенций и протенций.

§7. Трехмерная диаграмма.

Само-явленность протопроцесса.

Двойная «наполняюще-опустошающая»
интенциональность

Гуссерль иллюстрирует этот анализ протопроцесса с помощью графического изображения, которое должно было представить конституирование преимманентной временности. В то время как диаграмма на рисунке В III-2² представляет имманентную временность, новая *трехмерная* диаграмма — см. рис. С III-1 — в дальнейшем будет представлять *конституирование* самой этой имманентной временности и будет, таким образом, единственной диаграммой, которая бы дей-

¹ Другая асимметрия между ретенцией и протенцией упоминалась в тексте № 45 *Husserliana* X, где Гуссерль указал что протенция «остается открытой». *Husserliana* Bd. X. S. 305.

² См.: *Husserliana* Bd. X. S. 22. — *Прим. пер.*

ствительно отражала *пре*-имманентную временность. Это конституирование обеспечивается имманентным процессом и осуществляется в нем. Как мы видели в главе III раздела В¹, *континуумы* ретенций и протенций не обособлены друг от друга, а характеризуются *связью*, которая показывает, что описания, зафиксированные на рис. В II-3 и В II-1² были, в реальности, только *абстракциями*. Действительно, разве можно еще всерьез говорить о «ретенциях» и «протенциях» по отдельности, если эти интенциональности переплетены друг с другом? Гуссерль отвечает отрицательно. Это переплетение показывает именно то, что протенциальные и ретенциальные интенциональности в свою очередь конституированы в более глубокой сфере, которая позволяет учесть наполнение протенции и «опустошение» ретенции. Гуссерль подтверждает это следующим образом: «Прошедшее событие, прошедший временной интервал [ретенция — *A.III.*] или феноменальное будущее время [протенция — *A.III.*] и временное содержание со способами данности “прошлое” и “будущее” могут конституироваться только в *протопроцессе*, в котором непрерывно модифицируется интервал, сформированный двумя ветвями [т. е., на новой диаграмме — двумя *континуумами*: прошлого и будущего (рис. С III-1) — *A.III.*], и который, кроме того, модифицируется таким образом, что процесс не

¹ Раздел В, Глава III. *Протенциальная интенциональность*. — Прим. пер.

² См.: Husserliana Bd. X. S. 331. — Прим. пер.

просто протекает, а сам сознает себя в качестве процесса и, следовательно, сам конституирует второе “время” вместе с временным содержанием. Феноменальное время, трансцендентальное время первой степени возможно только благодаря — наиболее глубокому — времени второй степени; и [оно возможно только — *А.III.*] в предельном трансцендентальном событии, в самом бесконечном процессе, который для себя является сознанием процесса. И сущностным образом, этот процесс может быть осознан только в самом протопроцессе, непосредственное сознание возможно только как момент процесса»¹ [*Курсив наш. — А.III.*].

Какой закон определяет связь между протофазой и фазами меньшей степени наполнения в каждой фазе U_x протопроцесса? Это закон, по которому для каждого «протенциального» *континуума* каждая более высокая ветвь (то есть каждая интенция, находящаяся в области позитивных значений)² вновь отсылает — по мере того, как возрастает степень наполненности — к протоядру, как к своему *terminus ad quem*³, далее, обратное происходит в области негативных значений (то есть в той, которая представляет «ретенциальный» *континуум*): по мере удаления протофазы

¹ Husserliana Bd. XXXIII. №2. S. 29.

² А. Шнелль указывает на все точки, которые на рис. В III–2 находятся выше оси ОЕп. Соответственно, область негативных значений: все точки, ниже оси ОЕп. — *Прим. пер.*

³ Конечной цели (лат.). — *Прим. пер.*

каждая интенциональность протекает, по существу, «обедняясь».

«В протопроцессе, который вполне определенным образом переводит серии U в другие серии U , есть позитивная пустота, или “позитивная” ветвь со степенью наполнения вплоть до максимума, которая характеризуется тем, что процесс непрерывно переводит эту пустоту к соответствующей полноте и, в итоге, к определенной точке максимума, и это осуществляется однозначно, в одном порядке и в одном смысле для каждого U_x . Каждый позитивный интервал сам обладает точкой максимума и другой не-максимальной (полностью лишенной характера ядра) точкой, которая непрерывно вновь отсылает к точке максимума как к *«terminus ad quem»*. <...> Таким образом, для особой интенциональности U_x , с ее «верхней» или позитивной ($+U_x$) стороны характерно то, что, она, по ходу процесса, обладает моментом постоянного интенционального усиления, или, вернее, что она является континуумом моментов, которые все (кроме самой точки максимума в U_x) стремятся к будущей максимальной точке, и там заканчиваются <...> в фиксированной и одинаковой для всех интервалов процесса форме. Закон этого возрастания заключен в самой интенциональности и в том, что она постоянно завершается в новом максимуме, задает систему параллельных лучей как систему точек с прямой протоядер и с относящимся к ней “горизонтальным направлением” для параллельной прямой».¹

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 33.

Для того чтобы учесть эти новые данные, Гуссерль вводит новую диаграмму, единственную, которая является трехмерной:¹

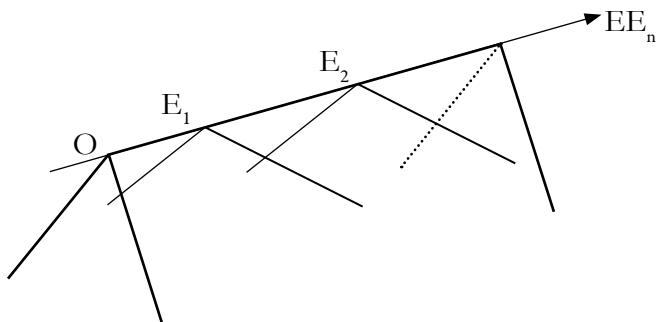

Рис. С III-1

ось $O E E_n$: ось протоядер

дальняя плоскость: наполняющее возрастание
(с «протенциальными» (пунктиром) *континуумами*, которые
конституируются протенциальными ядрами)

ближняя плоскость: «о-пустошающее» погружение
(с «ретенциальными» (пунктиром) *континуумами*, которые
конституируются феноменами стихания)

Особенность этой диаграммы состоит в том, что она изображает конститутивные интенциональности сознания имманентной временности в *трех* измерениях: «Конституирование времени осуществляется в качестве сознания-границы, сознания-ребра (*als Kantenbewusstsein*)

¹ Гуссерль не чертил этой диаграммы, но он дал ее подробное описание в тексте №2, S. 34. По поводу этой трехмерной диаграммы ср. также: *Kortooms T. Fenomenologie van de tijd. Edmund Husserls analyse van het tijdbewustzijn. Wageningen, Ponsen & Looijen, 1999.*

[т. е. на пересечении двух плоскостей — *A.III.*], постоянно выделяющегося в потоке как наполнение, а это сознание можно помыслить только как линию пересечения или, точнее, как прямую в качестве общего ребра двух потоков [то есть “ретенциальных” и “протенциальных” континуумов — *A.III.*]. В способе данности времени мы имеем постоянную последовательность, постоянный поток. Мы должны хорошо здесь различать последовательную данность точек события и последовательность потока, которая делает первую последовательность возможной».¹

«Протенциальный» и «ретенциальный» *континуумы* (то есть позитивная и негативная области значений) представлены на двух плоскостях, которые пересекаются по оси, представляющей серию прото «фаз».² На этот раз, эта серия относится к пре-имманентному уровню, к тому, что на старых диаграммах было представлено осью «объективных Теперь». Преимущество этого трехмерного представления состоит в том, что оно позволяет лучше изобразить «возрастание» «наполняющей» интенциональности, вплоть до оси про-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 36.

² Фазы обозначают здесь только уровень имманентной сферы, «фиксированные» промежутки времени, но обладают сущностным качеством *текущести* (Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 100). Ср. также анализ М. Ришира в тех моментах, которые мы воспроизвели в §4 главы III второй части нашей работы «Генезис явленности» (Le gènesе de l'apparaître. Études phénoménologiques sur le statut de l'intentionnalité. Beauvais, Mémoires des Annales de Phénoménologie, 2004).

тоядер («кульминационных» точек «наполнения»),¹ также как «погружение» «о-пустошающей» (*enleerenden*) интенциональности на нижней плоскости диаграммы.

Принципиальное нововведение², появляющееся в этом тексте, позволяет исправить недостатки анализа «абсолютного потока сознания»³ и приводит к очевидности «наполняющую» (*erfüllende*)⁴ и «о-пустошающую» (*entleerende*) «интенциональности» на этом предельно конститутивном уровне сознания времени. Термин «интенциональность» должен быть взят в кавычки, по-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 29.

² Подчеркнем, что начерченная нами диаграмма представляет исключительно пре-имманентную временность; таким образом, она не изображает одновременно конституирование *и* имманентной, *и* пре-имманентной временности. Это очевидным образом выражается в том, что диаграмма не способна отразить *связь* между разными протоядрами (которую можно представить только посредством протенциально-ретенциального переплетения на уровне *имманентной* сферы, ср. рис. В III–2). Итак, мы сталкиваемся здесь, на этом пре-имманентном уровне, с диаграммой, представляющей конституирование только одной точки, с диаграммой неспособной отобразить то *протекание фаз*, которого она непосредственно касается. Да и возможна ли, в самом деле, диаграмма, которая представляла бы обе конститутивные сферы (возможен ли *синтез* диаграмм на рис. В III–2 и С III–1)?

³ Ср. наше прочтение текста №54 из *Husserliana X* в главе I этого раздела.

⁴ Тем не менее, отметим, что первый набросок идеи, в соответствии с которой абсолютный поток является «наполняющим», обнаруживается уже в тексте №39 из *Husserliana X*, который датируется 1909 годом.

скольку *здесь речь идет об интенциональности, которая не является интенциональностью акта*. Ее специфическая особенность в том, что она здесь больше не является ретенцией (или протенцией) некоего содержания — именно в этом состояла интенциональность акта в широком смысле слова в имманентной сфере (см. текст №10 из *Husserliana X*) — а открывает поле ядер, которые конституируют, в процессе их наполнения и опустошения, пре-имманентную временность.¹

Стоит подчеркнуть (уже упоминавшийся факт), что новая диаграмма на рис. С III-1, представляет не серию «объективных» Теперь и их ретенциальных фаз (как это было в «Лекциях»), а пре-имманентную временность.² Это позволяет обнаружить два типа *континуумов* определенных фаз:

- *континуум* фаз протопроцесса (относящийся к пре-имманентной временности) и
- два *континуума*: «ретенциальных» и «протенциальных» фаз (также относящихся к пре-имманентной временности и конститутивных по отношению к ретенциальной и протенциальной интенциональности имманентной временности).

¹ Открытие этого поля сродни тому, что Финк назвал сознанием горизонта, «лишающим [характера] настоящего» (*déprésentante*). Р. Брузина подчеркивает это в статьях “The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts: Status Questionis — Freiburg, 1928–1930”, *Alter*, 1, 1993. P. 363 и “The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts: New Ideas — Freiburg, 1930–1933”, *Alter*, 2, 1994. PP. 368, 377.

² Ср.: *Husserliana* Bd. XXXIII. №2. §3.

Эта трехмерная диаграмма позволяет изобразить то, что протопроцесс отнюдь не является серией объективных Теперь, которые бы следовали друг за другом и придавали бы направление имманентному времени (то есть нарушая запрет, выполняли бы функцию объективной временности), а, скорее, является «полем» напряжений, структурирующих трансцендентальную субъективность как интенциональную «жизнь». Это поле Гуссерль назовет, возможно, делая чрезмерный акцент на одном из трех временных измерений, «живым настоящим». Таким образом, здесь идет речь ни больше, ни меньше, как о временной структуре самого интенционального «сознания». Соглашаясь с такой удачной оценкой положения дел, данной К. Хельдом¹, — которая, впрочем, не касается именно тех текстов Гуссерля, которые мы сейчас обсуждаем² — можно было бы сказать, что не стоит понимать *про*-тенцию и *ре*-тенцию, исходя из *ин*-тенции, а наоборот, именно само *ретенциально-протенциальное поле в структурном отношении конституирует интенциональность*. Это поле простирается в двух направлениях, о которых теперь бессмысленно говорить как о «противопоставленных» друг другу — именно это отображает трехмерность диаграммы с двумя задающими ее континуумами (их переплетение уже было приведено к очевидности).

¹ Held K. Phänomenologie der Zeit nach Husserl // Perspektiven der Philosophie. Hildesheim, Gerstenberg, vol. 7, 1981. S. 185–221.

² Ср. §9.

Как мы видели, протенциальность и ретенциальность взаимосвязаны таким образом, что неверно (или, точнее, отныне неверно) говорить в связи с диаграммой времени о ретенциальной и протенциальной «частях» или «секциях»; Гуссерль отказывается от статического описания, ориентированного на *конституированный* имманентный объект-время, в пользу описания, которое по своему характеру относится к «генетической феноменологии», а это состоит, в частности, в исследовании «генезиса» пре-имманентной временности.¹

¹ Теперь мы понимаем, в каком отношении предыдущие диаграммы времени [Ср. например: *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 22] были неудовлетворительны. Напомним основные моменты. Прежде всего, Гуссерль исходил, как мы видели, из недостатков присущих той диаграмме, которая, тем не менее, еще не ставилась под сомнение целиком. Первый недостаток состоял в упущении из виду протенциальной интенциональности. Однако, на этой старой диаграмме, Гуссерль еще пытался представить *фазу* ретенциальную интенциональность (на оси ординат) и *в то же время* серию объективных Теперь (на оси абсцисс). Теперь, в 1917/1918 годах, описание конституирования ретенциальной и протенциальной интенциональности заставило обратиться к другой диаграмме (рис. С III–1), единственной способной отобразить конституирование, происходящее в «протопроцессе» и посредством него. Однако, на этой новой диаграмме — представляющей «форму» времени — нет места для серии объективных Теперь. Все встает на свои места, когда мы принимаем во внимание тот факт, что в случае диаграммы на рис. В III–2 «содержанием» временного процесса была сама ретенциальная и протенциальная интенциональность — то, что еще позволяло говорить об оси «объективных» Теперь. И это учитывая, что все (протенциаль-

Что касается оси непрерывности следования протоядер, то она относится к «времени, понимаемому как *форма*»¹ [Курсив наш. — А.ИИ.] и «имеет в качестве коррелята феноменологическое время, время переживаний как длящихся и при этом то изменяющихся, то неизменных».² Гуссерль выражает здесь идею, состоящую в том, что каждый раз только *содержание* приписывает этой исходной временности статус объективности: это феноменологическое время, «понятое как форма с содержанием является объективным временем».³ Этот протопроцесс, действительно, является только *формой*, которая приобретает объективность (и, следовательно, измеримость) только в силу своего отношения к материальному содержанию.

Но как из этого «формального» характера протопроцесса конституируется «объективность»⁴ имманентной временности? Эта связь между формой времени и «объективностью» содержания подтверждается

ные или ретенциальные) акты находились, конечно, («в» «объективном» времени (хотя оно и должно было быть редуцировано). Наоборот если мы находимся в исходно конститутивном слое (представленном, таким образом, на рис. С III–1), там присутствует только реальное содержание этой «формы» времени, и поэтому, действительно, ось пересечения плоскостей не будет представлять серию «объективных» Теперь. (Ср. также: Husserliana Bd. XXXIII. №9. S. 171).

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 35.

² Ibid.

³ Husserliana Bd. XXXIII. S. 35. Ср. также ниже.

⁴ Husserliana Bd. XXXIII. №10. S. 184.

именно «полнотой»¹ протофазы (вместе с управляющими ею сущностными законами), которая была описана выше посредством трехмерной диаграммы. Но окончательное решение этой проблемы, которое находится в тексте *Рукописей L*, связано с «ноэматической временностью». Мы вернемся к этому в §8.

Существенная заслуга предыдущего анализа заключается не только в разделении «протоядер» и объективных Теперь, на предельно конститутивном уровне феноменов сознания времени, но и в обнаружении некоторой точки зрения, представляющей гуссерлевскую феноменологию в новом свете, что подтверждает значимость для феноменологии этих исследований из *Рукописей L*. В разделе A мы задались вопросом: не требуют ли достижения Лекций 1904/1905 года, связанные с временностью *φαντασία*, вообще пересмотреть статус восприятия как временной парадигмы для феномена? Все выглядит так, как будто мы стоим перед выбором между единой временной парадигмой (*объективирующей* временностью восприятия: пробным камнем гуссерлевской феноменологии) и допущением множественности реализаций времени (*temporalisations*) (не обязательно структурированных иерархически и несущих различные отношения между объективностью предмета и его временным модусом). Иначе говоря, мы, видимо, должны выбирать: либо быть верным феноменологическому взгляду, который не отказыва-

¹ По поводу этого понятия «полноты (*Fülle*)», см.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 66.

ется от этой внутренней связи между *реализацией времени* и *объективацией*¹, либо совершить преступление против

¹ Прежде всего, связь между временностью и объективностью была явно сформулирована в 1906/1907 годах (во фрагменте, следующем за тем, в котором формулировалось тождество «временных положений» (*Zeitstellen*), ср.: *Husserliana* Bd. XXXIII. §43 с. S. 264–71): «*Этим мы вызываем заблуждение, заключающееся в утверждении того, что время является формой сознания; поскольку сознание конституируется только посредством синтеза, и без синтеза возможно только объективирующее сознание времени, а не [эта — А.И.] действительность. <...> Объективирующее сознание объективирует содержание в качестве содержания и осуществляет этим необходимые отождествления. Время является не формой сознания, а формой всякой возможной объективности <...>*» (*Husserliana* Bd. XXIV. §43 ff. S. 273). И далее: «Время является необходимой формой индивидуальной объективности и не имеет ничего общего с произвольной субъективностью», *Husserliana* XXIV, §43 ff. S. 274. Мы находим предельное подтверждение [этому тезису] в текстах №39–43 и особенно в тексте №44 *Husserliana* X: «Сознание времени есть объективирующее сознание» (*Husserliana* Bd. X. S. 297). (Ср. также текст №54 из *Husserliana* X, где Гуссерль утверждает, что имманентное время характеризуется «некой объективной детерминированностью» (*Husserliana* Bd. X. S. 372)).

В тексте № 45, Гуссерль настаивает на объективации, специфически характеризующей временные объекты имманентной сферы: «И именно общезначимость того факта, что если бы в феноменологической рефлексии, исходя из всех явлений, представляемых, мыслимых и т. д. в самом широком смысле мы бы вернулись к переживаниям, и все переживания были бы во временном конститутивном потоке, и, следовательно, они претерпевали бы имманентную объективацию: именно ту, которой подчинены явления восприятия (внешне-

«догматики», состоящее в том, чтобы дать право на существование другим типам реализации времени. Нам кажется, что предшествовавшие исследования позволяют не рассматривать эти альтернативы как *взаимоисключающие*. На самом деле, мы думаем, что решающее значение текста №2 из *Husserliana XXXIII* состоит, в частности, в том, что пре-имманентная временность не без основания оказывается для самого Гуссерля тем, что позволяет начать анализ «интенционального поля» в терминах, не предполагающих заранее исключительно *объективирующей* интенции, и тем, что также позволяет предположить «разделение» реализации времени и объективации.¹ Это позволяет согласиться с утверждением Л. Тенгели, который говорит, что Гуссерль, в конце концов, смог «освободить» свой анализ конституирования от следования модели восприятия.²

Теперь мы обладаем всем необходимым, чтобы направить все свои силы непосредственно на проблему само-явленности протопроцесса. В чем новизна текста №2, в сравнении с текстом №54 из *Husserliana X*, в от-

го восприятия), воспоминания, ожидания, желания и т. д., в качестве единств внутреннего сознания» (*Husserliana Bd. X. S. 299*). (В том же тексте Гуссерль также высказывает идею, что восприятие и ожидание сущностным образом характеризуется именно «включенностью в воспроизводимое явление, в контексте существования внутреннего времени, серии моих протекающих переживаний» (*Husserliana Bd. X. S. 307*)).

¹ Мы вернемся к этому в наших *Выводах*. Ср.: *Tengelyi L. Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte*. Munich, W. Fink, 1998. S. 81.

² *Ibid.* S. 80.

ношении статуса этого «потока протопереживаний»? Мы выделим три ключевых момента (в равной степени сущностным образом связанных между собой):

1. приведение к очевидности того, что можно назвать некой («ретенциальной» и «протенциальной») «все-интенциональностью» (*omni-intentionalität*)¹, которая подрывает и без того непрочный статус протовпечатления и позволяет, наконец, решить проблему отношения к «абсолютному другому» потока, то есть к предыдущей фазе (старому «протовпечатлению»);

¹ Гуссерль сам однажды говорит по этому поводу о «всеведении» (*Allwissenheit*)» (Husserliana Bd. XXXIII. №2, §9. S 46). (И Р. Бернет считает, что он в полном праве говорить, в отношении абсолютного потока сознания, что «абсолютное сознание является чистой интенциональностью» (Vorwort des Herausgebers / *Husserl E. Texte zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins*, Op. cit. S. XLIX)). Уже в тексте №49 из *Husserliana X*, Гуссерль заметил, что на уровне абсолютного сознания нет разделения на интенциональные и неинтенциональные моменты. Когда присутствует некоторое сознание актуального тона, дела обстоят не так, что с одной стороны в нем есть пре-интенциональное протовпечатление, в качестве реального содержания абсолютного сознания а, с другой стороны есть схватывание, которое интенционально относит это содержание к актуальному тону. Протовпечатление не является *данными-восприятия*, а [само] есть восприятие тона, оно является чистым интенциональным сознанием тона, чистой актуальностью абсолютного сознания. Тон, который ретенциально сознается, является не модифицированным содержанием, а сознанием прошедшего восприятия. (Ср.: *Husserliana Bd. X. S. 324*).

2. удовлетворительное объяснение само-явленности протопроцесса, которая возникает из этой протенциально-ретенциальной связи;
3. пересмотр теории интенциональности акта на уровне *двойной интенциональности* протопроцесса, которая — как мы видели — заново интерпретируется здесь в соответствии с изменением конститутивной сферы, в терминах двойной «наполняюще-опустошающей» интенциональности.

Именно «насквозь» интенциональная структура протопроцесса позволит нам рассмотреть его явленность себе самому. Эта структура вводится в начале §6 текста №2 из *Husserliana XXXIII*: «Предельно конституирующее сознание, которое формирует единый поток, есть в каждой фазе (U_{x+} , U_x) сознание-о; интенция к чему-то и удаляющаяся от чего-то ретенция; или также направленная тенденция, направленная позитивно или негативно. Направленность, тенденция-к, в этом состоит фундаментальный характер сознания-о в его наиболее исходном сущностном содержании».¹

Такое уточнение позволяет устранить всякую двусмысленность относительно природы предельного основания конституирующего сознания, которое является «тенденцией», относящейся к определенному роду «*все-интенциональности*». В действительности, каждая фаза моментальна и *либо* некоторым образом ориентирована:

«...в каждой <фазе> U формальным образом представлены все степени, бесконечно стремящиеся к ну-

¹ *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 38.

лю и бесконечно удаляющиеся от нуля. Единство сегмента более высокой фазы состоит в сплавлении сознания (*Bewusstseinsverschmelzung*) позитивно ориентированных и непрерывно сливающихся точечных фаз и дает линейное сознание, которое обладает в целом позитивным направлением. И тоже самое для сегмента более низкой фазы и негативного направления»¹, *либо* эта фаза является «предельной точкой», «нулевой точка приближения или удаления», так как она является одновременно сознанием некоторой тенденции и ее наполнением (в более высокой области), и в то же время, — сознанием тенденции, которая еще не удалась от своей исходной точки (в более низкой области).

Эта нулевая точка больше не является протовпечатлением или каким-то другим остаточным феноменом чувственности того же рода, а есть *насыщенное* сознание (точка насыщения по мере приближения), «...ноль позитивной тенденции, “бытие-наполненным”. В процессе само-наполнения, как процессе непрерывного возрастания степени “близости” <...> нулевая точка является точкой сознания полного достижения цели или изначальным сознанием, сознанием воплощённого “здесь(-бытия) самости (*Selbst da*)”, “непосредственного обладания”, сознанием, в котором его сознательный “предмет” обладает тем модусом данности, который просто обозначается как “воплощённое настоящее”, настоящее как реально имманентное, как

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 39.

то, что создается в оригинале, или как бы оно не называлось».¹

Протопроцесс, действительно, таким образом, является насквозь интенциональным², и на этом предельном уровне конституирования не остается ни одного бес-сознательного элемента.³

Следовательно, само-явленность потока выражается в том, что каждая из его фаз является «*континуумом* точек сознания в качестве протофаз “интенциональности”»⁴ — протофаз, которые одновременно ориентированы прямым и обратным образом. Гуссерль уже достаточно близко подошел к такой концепции в тексте №54 из *Husserliana X*, но она не могла быть в достаточной степени раскрыта из-за непроященного статуса протовпечатления. Здесь он называет реализацией (*Verwirklichung*) модификацию протенции в ее наполнении и дереализацией (*Entwirklichung*) модификацию настоящей фазы в ретенции — это формулировка, которую Финк укажет в работе «Презентификация и Образ».⁵ Эти две модификации — чей принци-

¹ *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 39–40.

² См. также: *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 100.

³ Этим мы отвечаем на вопрос об интенциональном статусе протопереживаний, поднятый Гуссерлем в том фрагменте текста №10 из *Husserliana XXXIII* (S. 199), который мы цитировали в первом примечании к §7 в этой главе.

⁴ *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 46.

⁵ *Fink E. Vergegenwärtigung und Bild // Studien zur Phänomenologie, «Phaenomenologica» №21, Le Haye, M. Nijhoff, 1966. — Прим. пер.*

ально новый¹ характер по отношению ко всем ранее отмеченным модификациям стоит отдельно подчеркнуть — являются непрерывными и «одновременными»; в осознании самого себя в качестве протекающего и в качестве пребывающего по отношению к *континуумам* модификаций, поток осознает себя самого во всех временных измерениях.

«В изменении интенциональностей сознание в его единстве не просто является непрерывно новым в каждый момент, с новыми интенциональностями, обладая обратной связью со старыми и новыми интенциональностями, но, *по мере непрерывного обновления*, по мере того как оно протекает, трансформируется и, таким образом, изменяет сознание прошедшего и будущего, *присутствует еще и сознание всего этого. С необходимостью, текущее сознание структурировано таким образом и создает себя само в качестве текущего*. Разве это не окончательно ясно?»² [Курсив наш. — А.Ш.].

§7 текста №2 из *Husserliana XXXIII* как раз уточняет природу двойной интенциональности потока сознания. Этот текст, очевидно, сопротивляется всем попыткам свести философию Гуссерля к философии *рефлексии*, которая не может избежать апории, которой мы уже касались.³ Прежде всего, напомним, в чем состоит эта апория: удержание «субъекта», «Я» и т. п. им

¹ Ср. в частности: «Замечание на полях» в §9 текста №2 из *Husserliana XXXIII*.

² *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 47.

³ Ср. §2 главы III раздела В.

самим будет неизбежно обречено на провал, поскольку, в этом удержании, полюс-субъект будет всегда «запаздывать», когда будет пытаться ухватить себя как полюс-объект.¹ Но у Гуссерля отсутствует представление о субстанциализированном полюсе-субъекте, относящегося к себе как к гипостазированному объекту. Тем не менее, упоминавшиеся выше параграфы из «Лекций» не позволяют удовлетворительным образом понять способ, которым абсолютный поток явлен самому себе.² И именно §7 цитированного текста вносит важные пояснения по этому поводу — помимо того, что предлагается в тексте №1 из *Husserliana XXXIII*. Гуссерль действительно определяет природу этой «двойной интенциональности» потока сознания: с одной стороны, сознание обладает своим «первичным» объектом, к которому оно направлено и который дается посредством разных способов наполнения, в соответствии с трехмерной диаграммой. Повторим, что здесь речь идет не об имманентных временных объектах, а о феноменах,

¹ Впрочем, это затруднение усугубляется еще и другим, связанным с возможностью сознания *начальной фазы* временного интервала. Л. Тенгели сформулировал эту проблему следующим образом: «Начальная фаза, не оказывается ли она невидимым пределом времени, становящегося видимым в “само-явленности” “абсолютного потока”?» Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte, Op. cit. S. 81. Эта проблема будет разрешена одновременно с решением другой проблемы, указанной в тексте в связи с анализом «наполняюще-опустошающей» интенциональности протопроцесса. (Ср. ниже).

² Ср. главу I этого раздела.

конститутивных по отношению к ним (относящихся к пре-имманентной временности). Но, с другой стороны, это сознание обладает также и другими «бесконечно многочисленными» объектами: «вторичными» «объектами» — способами явленности, в соответствии с которыми сознание «внутренним» образом явлено самому себе: иными словами, речь идет о сознании его собственного «интенционального процесса».¹ Но как тогда понять это способ само-явленности?

- Этот способ явленности не связан с некой конкретной предметностью (он не обладает интенциональностью акта в широком смысле).
- Он *опосредован* (эта характеристика была подробно описана нами при разборе текста №50 из *Husserliana X²* и она объясняет, почему всякое восприятие (*perception*) является *анперцепцией*).
- И главное, удержание сознанием самого себя осуществляется благодаря наполнению³ каждой интенции в непрерывном переходе одной в другую:

¹ *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 42.

² Ср. раздел В, главу II, §3.

³ Важно различать наполнение, которое осуществляется в ходе протоприсутствия и в ходе интенции наполнения. Это различие не так просто ухватить, затруднение здесь касается шаткого статуса протоприсутствия. То, что оправдало протенциальные ожидания или, если уж так случилось, не оправдало их, это не гилетическое содержание, а интенция. Однако понятно, что интенции наполнения все-таки являются интенциями. То, что их отличает, это их конститутивный статус: интенция наполнения, которая впустую наполнила некоторое ожида-

«Каждая интенция проходит сквозь все новые интенции и в этом процессе “наполняется” не только эта *последняя интенция* <...>, а наполняется каждая интенция; ноль — это наполнение каждой предыдущей интенции, и это благодаря тому, что каждая последующая интенция определенным образом включает предыдущую интенцию, *не реально, но тем не менее соразмерным сознанию образом* (*bewusstseinsmäßig*)...»¹ [Курсив наш. — А.Ш.].

Тот факт, что Гуссерль уточнил, что этот способ интенционального включения не относится к *«февельно-му»* сознанию (а значит, к некоторому имманентному сознанию — и это один из тех наиболее значимых моментов, которые мы выделили в тексте №54 из *Husserliana X*)², вновь подтверждает неприменимость схемы схватывание/содержание схватывания на этом предельно конститутивном уровне протопроцесса.³

ние, в полной степени является конститутивной в отношении являющихся объектов. Наполнение протоприсутствия учреждает только временное измерение протопотока; но это присутствие, тем не менее, необходимо, поскольку именно с ним учреждается направление времени. Как это подчеркивает Гуссерль в §1 текста №1 из *Husserliana XXXIII*, при отсутствии такого учреждения [рефлексивное] движение от будущего к прошлому было бы также невозможно, как и движение от прошлого к будущему.

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 42. Ср. также: Ibid. S. 47.

² Ср. также: Bernet R. Einleitung. Texte zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins. Op. cit. S. XLIX, L, LIV.

³ Ср. также: Husserliana Bd. XXXIII. Приложение IV. S. 162.

Что мы можем заключить из этих исследований? В противоположность тому, что мы можем найти в «Лекциях», в *пре*-имманентной сфере нет конституирования серии Теперь, в которой связывались бы ретенциальные (и протенциальные) *континуумы*. Нет там и протопечатления, постоянное появление которого загадочным образом совпадало бы с фазами само-явленности абсолютного потока. Скорее, само-явленность протопроцесса конституируется как раз двойным *континуумом интенций* («последовательность степеней позитивной и негативной интенциональности», которые не имеют ничего общего с интенциональностью акта ни в широком, ни в узком смысле этого слова — таким образом, еще раз повторим, нет предельного момента ощущений), пересечение которых или их «встреча» в протофазах конституирует сознание протоприсутствия (где есть тождество между максимальной точкой последовательности позитивных степеней и минимальной точкой последовательности негативных степеней). И в противоположность тому, что следует из «Лекций», протопроцесс сознания самого себя не «задним числом», «с отставанием»¹, а в «протенциально и ретенциально» опосредованном потоке ядер, который также сознается в (в свою оче-

¹ Как мы видели выше (в §5 главы I этого раздела С), один из недостатков исследований в последних текстах *Husserliana X* состоит в том, что из приписывания ретенциальной интенциональности связи с само-явленностью потока неизбежно следует, что поток действительно может быть явлен самому себе только задним числом.

редь текущем) настоящим.¹ Именно потому, что протопроцесс является в этой «первоначальной» сфере двойным «наполняющим» и «о-пустошающим» (таким образом «*все-интенциональным*») *континуумом*, он сознает самого себя «в то же время» (наречие времени лишено здесь смысла, поскольку также относится к имманентной конституированной сфере), что и объект-время, который он «учреждает».^{2,3} Эта «связь» между двумя

¹ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. Einleitung des Herausgebers. Op. cit. S. XLII.

² Гуссерль пишет (Husserliana Bd. XXXIII. №13. S. 262): «В единственном и предельном трансцендентальном процессе, с его протовозникновением и просто-исчезновением, событие E и событие конституирования E сознаются в разных направлениях рефлексии».

³ Здесь мы приходим к новому смыслу *конституирования*, который нужно отличать от всех вариантов, которые можно более или менее явственно выделить в «Логических исследованиях», и который, в свою очередь, отличался бы от значения, близкого «производству» (какой бы природы оно ни было). Какое же тогда значение нужно вкладывать в это понятие, чтобы разобраться в проблеме предельно «конститутивных» феноменов пре-имманентной временности? Очевидно, эволюция взглядов Гуссерля по этому поводу недвусмысленно показывает, что речь здесь идет о задаче понять, относится ли сознание времени к «активности» (акта) или скорее к «рецептивности» (содержания акта). Ясно также, что Гуссерль стремится здесь вернуться в «сферу» [находящуюся] до разделения на акт/содержание акта, что влечет за собой другое понимание конституирования, отличающееся от тех его значений, которые отмечены в «Логических исследованиях». Однако исчерпывается ли этот вопрос рассуждением о схеме схватыва-

порядками непрерывно конституирует *континуум* протофаз, который, как мы видели, является только *наполнением* содержания, конституирующим, в итоге, *объективность* имманентной временности.

ние/содержание схватывания? Не нужно ли еще задаться вопросом о природе *отношений* между конститутивными и конституируемыми феноменами? Полное исключение понимания конституирования в терминах «идеализма производящего сознания» позволяет избежать прочтения этой связи как «дедукции» (будь то кантианская или фихтеанская дедукция) или «выведения». Тем не менее, все-таки нужно рассмотреть эту связь между конституирующим и конституируемым, которая будет решительно важна для понимания отношения между имманентной временностью и временностью пре-имманентной. Идет ли речь в связи с этими предельно конститутивными феноменами пре-имманентной временности о своего рода материале, из которого была бы «построена» имманентная сфера или, скорее, о феноменах, «в» которых проявится временность объекта? И если придерживаться второй альтернативы, то как рассматривать *сознание* объекта-времени (и протопотока)? Именно тот смысл конституирования, который складывается в ходе настоящих исследований, как нам кажется, дает ответ на эти вопросы. Но, прежде всего, перечислим все те значения, которые можно выделить в *корпусе* текстов Гуссерля.

В тексте №24 из *Husserliana X*, Гуссерль сопоставляет конституирование восприятия длительности и конструирование здания. Однако это сопоставление «хромает», и вот почему:

- кирпич — это нечто подчиненное по отношению ко всему процессу строительства, тогда как, например, восприятие последнего тона мелодии является не чем-то подчиненным, а конкретным переживанием;

«Временная последовательность прежде всего конституируется особенностями потока сознания, на основании которых, в сущности, поток есть лишь сознание непрерывной последовательности. Но эта

-
- в ходе строительства каждый кирпич остается неизменным; в случае же восприятия выстраивания музыкального размера временные единицы текут и распределены во времени;
 - отношение содержащее/содержимое не одинаково в этих двух ситуациях: первая из них пространственная, вторая — временная.

Теперь, каковы те четыре значения понятия «конституирование», которые кажутся нам обоснованными (но не отвечающими тем требованиям, которые здесь прояснились):

1. Конституирование в первую очередь понимается как конституирование *тождества объекта* (Ср. например: Husserliana Bd. X. S. 362); конституирование всегда относится к *некоторому реальному* объекту, но само по себе не *«реально»*: конституирование означает здесь *явление* (*Erscheinung, Bekundung, Präsentation*) связанное *синтезом отождествления* (Ср. в особенности «Логические исследования»).
2. Конституирование присутствует «в» сознании, в «действиях» сознания (в “Bewusstseinsleistungen”); таким образом, конституирование не *сводится*, в соответствии с этим значением, к явлению (в отличие от 1.), его «исполнения (Leistungen)» «учреждают» смысл (они — “sinnstiftend”), *здесь* будет идти речь о «полагании бытия в его *мысль*», а не об идеализме производящего сознания, которое «производило» бы бытие объекта (Ср.: *Ideen I*).
3. В своей работе “Husserl und die transzendente Intersubjektivität” (*Zabari D. Husserl und die transzendente Inter-*

последовательность уже заключает в себе временность, а это предполагает не только сознание “существующего” континуума вообще, а то, что этот *континуум* будет являться в различных способах данности, что каждая точка являющейся последовательности “пробегает” способы данности будущего, прошлого, настоящего и что, в соответствии с этим, в *континууме*, который явлен как временной, “постоянно” разделяются: ветвь

subjektivität: Eine Antwort auf die sprachpragmatische Kritik. Kluwer, 1996. S. 94. — *Прим. пер.*), Захави обнаруживает значение конституирования, в котором подчеркивается связь между конституированием (субъекта), с одной стороны и мироучреждением (*mondaniésation*) (как конституированием интересубъективности), с другой.

4. Наконец, есть значение, которое мы зафиксировали в некоторых ключевых текстах «Рукописей I» (но, ср. уже в *Husserliana* Bd. II. S. 71): конституирование понято здесь как «учреждение» (которое включает *Sinnstiftung* из 2., но не сводится к ней), это понятие будет обладать значением «изображение способов данности», близким «приведению-к-данности» (*Zur-Gegebenheit-bringen*) из *Husserliana* Bd. XIV. S. 47. (Ср. также: *Хайдеггер* М. GA 20, S. 97.) — изображение, которое не опиралось бы на схему схватывание/содержание схватывания. Здесь речь не идет ни о результате некоего внешнего «толчка», ни о воспроизведении знания о чем-то, что предшествовало этой «данности», ни о результате какой бы то ни было «дедукции», ни тем более о некоем творении (*production*) *ex nihilo*, а об «изображении (*Darstellung*)» «способов данности» временных объектов и их временных ориентаций (которые обнаруживают себя во «временных явлениях» или «*протопереживаниях*»).

континуума, которая явлена в модусе прошедшего, ветвь, которая явлена в модусе будущего и, в качестве переходной точки, точка, которая явлена как настоящее. Сознание есть поток и оно есть поток сознания, который проявляет себя в качестве потока. Мы также можем сказать, что сознание в качестве потока “воспринимает” само себя <...>, включая воспринимаемое имманентным образом». ¹

Это «само-восприятие» протопроцесса — которое не стоит путать с «имманентным восприятием», о котором говорил Brentano (поскольку как «первичный», так и «вторичный» ² объекты такого восприятия относятся к *имманентной* сфере) — не служит фундаментом никакой (так называемой) «метафизике присутствия» (вызванной в большой степени редакторской работой Эдит Штайн и широко критикуемой последователями Гуссерля, часто незнакомыми с «Рукописями L»), а просто-напросто следует из «протенциальной» и «ретенциальной», «наполняющей» и «о-пустошающей» связи на уровне пре-имманентной сферы (выражающей то, что мы называли «все-интенциональностью»), и свидетельствует также о том способе, которым нам себя демонстрирует предельно конститутивная сфера имманентной временности.

¹ Husserliana Bd. XXXIII. §7. S. 44.

² Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt, Bd. I. Hamburg, Meiner, 1874/1973. S. 180. Ср. также: Bernet R. La vie du sujet. Paris, PUF, 1994. P. 319 и Tengelyi L. Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte. Op. cit. S. 79.

§8. Результат анализа протопроцесса: «ноэма-время»

Сейчас мы подходим к третьему этапу анализа статуса конститутивных *данных* протопроцесса, на котором мы введем понятие «ноэмы-времени», проясняющее статус «содержания» времени, что позволит, таким образом, осуществить феноменологическое конструирование протопроцесса. «Каждое новое вспыхивающее (*aufleuchtet*) исходное настоящее является новым актуальным “полаганием” вместе с неким “содержанием”...».¹ Какой статус нужно приписать этому «содержанию»?²

Прежде всего, Гуссерль, как правило, утверждает, что протопроцесс конституирует устойчивый порядок следования временных фаз и двойной *континуум*: континуум протопрезентаций, вместе с их ретенциальными модификациями. Он конституирует «временную форму (*Zeitform*)» и, вместе с тем, *индивидуальное* «содержание». В тексте №16 из *Husserliana XXXIII* «процесс исходного опыта» (термин, означающий здесь «протопроцесс») с самого начала характеризуется как «процесс конституирования, который непрерывно формирует, и который постоянно и непрерывно полагает то или иное содержание (<...> “сущий” и распространяющийся в бытии процесс <...>)».³ Форма — это сово-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 291.

² Этот вопрос, очевидно, встает, поскольку сам Гуссерль заключает этот термин в кавычки.

³ Husserliana Bd. XXXIII. S. 291.

купность временных точек (Теперь точек и т. п.), содержание (*contenu*) — это тождественное *содержимое* (*teneur*). Отсюда следует: с одной стороны, что содержимое получает свой индивидуальный характер благодаря «прохождению» через точку Теперь¹, с другой стороны, что различные временные точки требуют некоторым образом тождественного коррелята, чтобы обеспечить связность и устойчивость исходного временного порядка. Это двойное движение выражается у Гуссерля в терминах «протоучреждения (*Urstiftung*) на основании модуса данности (*Gegebenheitsmodus*)»² (= формы), которое как раз обретает, несмотря на изменения, этот тождественный коррелят (= содержание). Таким образом, это различие формы и содержания требует некоей *Urstiftung*, которая, тем не менее, не действует *ex nihilo*, а всегда опирается на то, что она учреждает, а это именно исходный модус данности времени: Теперь.

Таким образом, индивидуальность и фактичность тесно связаны: протопроцесс конституирует индивидуальное сознание как тождественное и различное. Когда я воспринимаю объект, возникает исходное настоящее. «В то же мгновение» оно исходно «полагает» серию «абсолютного времени», которое неотделимо от воспринятого содержимого (содержания акта). Это содержание индивидуализируется по мере «прохождения» через исходное настоящее. Непосредственное настоящее, протоисточник абсолютного времени имеет

¹ Ср. в особенности: Husserliana Bd. XXXIII. S. 292.

² Husserliana Bd. XXXIII. S. 291.

некоторый субъективный коррелят: «способ данности (*Gegebenheitsmodus*)» этого исходного настоящего. А как раз исходное настоящее является источником непрерывного возникновения новых исходных настоящих. На этом стоит остановиться подробнее, для того чтобы уточнить смысл «тождественного содержимого» этого содержания. Для этого нужно отличить его от чувственной «*гиле*».

Временная *гиле* имеет двойственный статус — такое положение дел было замечено комментаторами (например, Левинасом, М. Анри, Р. Бернетом). Мы не будем на этом задерживаться, а только отошлем к превосходным исследованиям Ласло Тенгели в этой области, которые представлены, главным образом, в его “*Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte*” (Первая часть I, 4 и 5).¹ Заметим только, что проблема начальной фазы временного процесса — ключевой момент для Л. Тенгели, поскольку эта фаза как раз несет в себе весь парадоксальный и двусмысленный характер статуса временной *гиле* — найдет решение в «Бернау-манускриптах», хотя, тем не менее, необходимо указать на его ошибку, состоящую в попытке привести к очевидности так называемого «исходного различия» (которая, кстати, свойственна Мерло-Понти, Ж. Деррида, П. Рикеру). Цитируя важное *Приложение IX* к тексту №1 из *Husserliana X*, Тенгели ставит вопрос о возможности сознания начальной временной фазы, которая не была

¹ *Tengelyi L.* Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte. Op. cit. S. 74–92.

бы «предметной (*gegenständlich*)»¹, и ссылается в связи с этим на «чувства как ощущения» и «ощущения желаний» (*Gefühlsempfindungen* и *Begehrensempfindungen*), которые затрагиваются в §15 b) *Пятого Логического Исследования*. Однако это именно та не объективирующая структура предельно конститутивного сознания времени, которая приводится к очевидности в «Бернау-манускриптах».

Для того чтобы теперь ввести понятие «ноэмы-времени», нужно сказать несколько слов вообще о понятии «ноэма». Конечно, понятия «ноэма», «ноэматический» не являются чем-то необычным для феноменологического анализа времени. Но к чему именно отсылает понятие «ноэматическая временность»? Оно традиционно обозначает временность *конституированных* временных объектов имманентной сферы (и даже *трансцендентной*). Так К. Хельд говорит, например, о «протоконституировании чувственно воспринимаемого в качестве такового — в качестве мирского и трансцендентного объекта в *объективном времени*».² Однако в «Бернау-манускриптах» (в частности в текстах №7 и 8) Гуссерль вводит другое представление об имманентной временности, связанное с временностью содержания фазы *протопроцесса*. Оно относится к *пре-имманентной* сфере, — мы имеем в виду ту сферу, для обозначения которой Гуссерль ис-

¹ Husserliana Bd. X. S. 119.

² *Held K. Lebendige Gegenwart: Die Frage nach der Seinsweise des transzendentalen Ich bei Edmund Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik*, Den Haag: M. Nijhoff, 1966. S. 48.

пользовал и многие другие названия: она является другим измерением, другим материальным или реальным «миром», другим «конститутивным планом», иной «предметной сферой», другим «слоем рефлексии», и т. д.¹ Это пре-имманентная сфера характеризуется временностью другого порядка («второго уровня»), которая, таким образом, относится к протопроцессу, конститутивному в качестве *формы*, который обладает также пре-имманентными коррелятами, тематизируемыми в терминах «данных ощущений» и «ядер», и которые Гуссерль впредь называет — в новом смысле понятия «ноэма» — «ноэматическими единствами».² В связи с этим Гуссерль отсылает, например, к тому, что сознается в точке протекания тона в модусе (*Modus*) Теперь, в модусе прошедшего и т. п.³ Он настаивает: «...нужно четко различать: форму времени, относящуюся к сущности самого тона (*который конституируется посредством этих ноэм*), [с одной стороны — *А.III.*], и форму, которая относится к процессам сознания [= протопроцессу — *А.III.*] также как и к их ноэматическим коррелятам [с другой — *А.III.*]».⁴

Далее Гуссерль также спрашивает: «Не нужно ли тогда сказать: презентации, относящиеся к содержанию [то есть ноэмы, в качестве которых конституиро-

¹ Все эти выражения из текста №6. S. 117–120.

² Подобнее об этих «ноэматических единствах» см.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 147, 151.

³ Husserliana Bd. XXXIII. S. 129.

⁴ Ibid.

ваны “объекты в их модусе данности”¹ имманентной сферы — *A.III.*], не являются действительно нозмами в том смысле, в котором ими являются временные точки?»² — что значит наоборот, что если первые («объекты в их модусе данности») являются нозмами в полной степени, то вторые (модусы временных точек) являются ими в другом смысле. Таким образом, мы в действительности видим, что Гуссерль здесь вводит понятие «ноэма» «до» *имманентной сферы*, отличая нозму, в частности, от сущностей, относящихся к этой имманентной сфере, он помещает это понятие на тот же конститутивный план, что и сам протопроцесс.

Однако, изложенного выше все еще не достаточно, чтобы удовлетворительно ответить на вопрос о характере связи «формы» и «содержания» в фазе протопроцесса. Фрагмент текста №7 из *Husserliana XXXIII*, в котором как раз и вводится новое понятие нозмы, позволяет разрешить это затруднение. Гуссерль пишет здесь, что содержание конститутивного процесса, «содержание в протоформе Теперь» «...не является вторым содержанием [на ряду с содержанием протопечатления или до него — *A.III.*], то есть, ни подразумеваемым содержанием, ни созерцаемым содержи-

¹ « *Objets dans le comment* » — так во французском переводе «Лекций» (буквально) передается выражение Гуссерля “*Gegenstände im Wie*”. В русском переводе В.И. Молчанова это «предметы в некотором модусе». См.: Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. М. 1994. С. 136. — *Прим. пер.*

² *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 156.

ем, а *оригинально дано*. И эта оригинальная данность не является чем-то составляющим содержание [то есть оно само не является чувственным содержанием, не относится ни к имманентной сфере, ни к протопроцессу — *A.III.*], а обладает интенциональным характером, вместе с которым это содержание осознается сознанием»¹ [Курсив наш. — *A.III.*].

Это ноэматическое содержание, а именно, то, которое принадлежит Теперь в модусе «Теперь» протофазы, прошлому в модусе «прошлое» феномена протекания и т. д., таким образом, само является не содержанием, а *интенциональным характером*², который делает возможным всякое отношение к содержанию, и это в рамках наполнения и о-пустошения. Оно относится именно к единству «протопрезентации» и его содержанию (также как к «ретенциальным» и «протенциальным» модификациям и их соответствующему содержанию) или также к «ядрам» — дающимся в «протопереживаниях» — как мы уже показали выше.

Приведение к очевидности интенционального характера самих «ноэм-времени» позволяет понять, почему Гуссерль говорит, по мере их анализа, о «ноэматических формах» (*noematische Formen*). Это выражение должно определенно помочь избежать дуализма «субъективных» и «объективных» форм, который еще остался на уровне

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 128.

² Ср. характеристику ядер протопроцесса в тексте №2 *Husserliana XXXIII*, S. 32 и S. 38, которую мы попытались реконструировать в §6.

первой характеристики протопроцесса. Гуссерль определяет эти ноэматические формы как «ноэматические формы смысла (*noematische "Sinnes" — Formen*)».¹

Поскольку мы говорили выше о «ноэтическом» и «ноэматическом» аспектах анализа протопроцесса, может сложиться впечатление, что Гуссерль, даже на этом предельно конститутивном уровне сознания времени, сохраняет ноэтико-ноэматическую корреляцию. Однако, в действительности, эти два аспекта являются только двумя *точками зрения*, которые можно занять в отношении протопроцесса — что, впрочем, объясняет почему уже в ноэтическом анализе протопроцесса возник вопрос о «*данных ядер*». И связь между этими двумя аспектами обеспечивается благодаря понятиям постепенного «восхождения» (или «возрастания») и «спуска» (или «снижения») (*graduelle Steigung* или *Minderung* и *Sinken*), которые вводятся на этом уровне феноменологического конструирования.² В то время как первое исследование, относящееся к протопроцессу, было сосредоточено на структуре ядер процесса, так же как на его наполнении и опустошении, второе руководствуется понятием «модификаций», вводимом, как мы уже видели, на первом этапе анализа. Вот как Гуссерль характеризует эти модификации:

«“Модификация” обозначает <...> операцию, которая осуществляется всегда в одном и том же смысле. Это оперирование является непрерывным живым про-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. №8. S. 142.

² Husserliana Bd. XXXIII. S. 34,143.

течением самого сознания и обозначает его непрерывное специфическое интенциональное осуществление, непрерывное фонтанирование (*Hervorströmen*) ноэматических компонентов, каждый из которых является в соответствии с его “формой” непрерывной модификацией предыдущих компонентов ...».¹

Модификации постепенно² возрастают и снижаются и сами подвержены модификациям³ — Гуссерль осуществляет здесь анализ конституирования интенционального взаимопроникновения на уровне «ретенциальных» и «протенциальных» фаз в *пре-имманентной* сфере, анализ, который объясняет взаимопроникновение ретенций и протенций на уровне *имманентной* сферы, разобранный нами в главе III раздела В.

Таким образом, несмотря на формальные различия, нельзя отделять анализ протопроцесса (который позволяет отобразить временное *протекание*) от анализа модификаций ноэматического *содержания*. Эти два исследования неразделимы⁴, поскольку «форма не изменяется без содержания».⁵ Следующая цитата позволит лучше убедиться в этом неразделимом характере:

¹ Ibid. S. 144.

² Husserliana Bd. XXXIII. S. 143.

³ Ibid.

⁴ Этот неразделимый характер также замечен в следующей цитате: «обе стороны разделения на ноэтические и ноэматические моменты идеальны, поскольку сознание фаз является также и сознанием как таковым, то есть ноэмой».

⁵ Husserliana Bd. XXXIII. S. 145.

«а) Содержание в качестве материи некой формы Теперь и всякой формы прошлого является *смысловым ядром* которое в равной степени проходит через все эти формы. С точки зрения содержания рассматриваемая точка объекта-времени “подразумевается” как тождественная, т. е. в смысловом отношении, по мере непрерывных изменений, она как раз остается той же. б) Но не только. Во всякой модификации формы, в идеальном <...> переходе от модуса формы данности времени к непрерывно новым модусам той же материи, не только материя тождественна, а в равной степени и сама временная точка. Она непрерывно является той же точкой объекта-времени, его формой: чистая временная точка и ее содержание являются тождественными для всех модусов данности этой точки объекта-времени. Хотя содержание все время тождественно, в смысловом отношении, однако оно еще обладает изменяющимися способами данности, которые параллельны соответствующим формам данности временной точки»¹ [Курсив наш. — А.Ш.].

Таким образом, можно заметить, что 1) Гуссерль отождествляет анализ протопроцесса и анализ ноэматических модификаций, приводя к очевидности «смысловое ядро», тождественное по мере прохождения всех модальностей объекта времени. Это «смысловое ядро» (*Sinneskern*) является не чем иным как «ноэмой-временем», ноэмой в смысле феноменологии времени, то есть в смысле *материи, содержания, вре-*

¹ Ibid.

менных модальностей. Иными словами, здесь идет речь о материи или о содержании этого сквозного интенционального ядра, о которых говорится в тексте №2 из *Husserliana XXXIII*. 2) Это тождество ноэмы-времени неотделимо от тождества самой временной модальности и, в то же время, от тождества *модификации* и *способов данности* материи и формы объекта-времени (т. е. ноэмы-времени и временной точки).

Однако эта феноменология ноэматической временности влечет, в свою очередь, некоторые следствия относительно того же статуса гилетических *данных*: Гуссерль, таким образом, приступает в рамках этого анализа к «преобразованию (*Neugestaltung*)» понятия гилетически *данного*.¹ Специфическое «гилетическое *данное*» (Гуссерль не выбирает никакого специального термина, чтобы отличить его от гилетически *данного* в обычном смысле этого слова) «феноменологического времени» является чем-то реальным, которое относится к формальному, к тому, что является формальным в качестве «сознания оригинальности (*Bewusstsein der Originalität*)».² Существуют специфические ощущения (*Empfinden*) — как на уровне протофазы, так и, иным образом, на уровне ретенциальных (и протенциальных) фаз — которые не только обеспечивают отношение к содержанию, но и позволяют как раз наметить связь с описанием протопроцесса, поскольку от этого зависит «момент жизни, который действительно

¹ *Husserliana* Bd. XXXIII. Приложение IV. S. 161, №1.

² *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 161.

возникает как протекающий и который исчезает, или скажем: “*гилетически* реальное *данное*” есть компонент самого сознания, а не компонент сознаваемого предмета (так называемого имманентного тона имманентного времени)?»¹

Иными словами, предельно конститутивные феномены имманентной временности обладают до различия на нозу и нозму в имманентном смысле совершенно специфическим гилетическим характером — они являются «несамостоятельными ядрами сознания (*unselbständige Bewusstseinskerne*)»² или даже «содержаниями ядра (*Kerngehalte*)»³ в качестве «субстрата» нозы (конечно не в субстанциальном смысле, Гуссерль подчеркивает, что в этом отношении не стоит «заблуждаться»⁴, используя это выражение) — гилетическим характером, который свойственен не какому бы то ни было определенному объекту, а изначально конститутивно-му интенциональному сознанию объектов-времени.⁵

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 162.

⁴ Действительно, стоит остерегаться гипостазирования этих «гилетических *данных*» (которое может т. о. послужить основанием ошибочному применению схемы сватывание/содержание схватывания), поскольку «ретенциальные» и «протенциальные» модификации *в пре-имманентной сфере* никогда не применяются ни к ощущениям, ни к [их] репродукциям, а только само-учреждаются (*s'in-stitue*) в ядрах (в протофазах, феноменах протекания и «протенциальных» фазах).

⁵ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 162.

Таким образом, это различие еще раз иллюстрирует ту рассогласованность темпорализации и объективации, которую характеризует уже «ноэтический аспект» анализа протопроцесса.

В итоге Гуссерль подчеркивает два важных обстоятельства: 1) Эту характеристику исходного сознания, а точнее специфических модусов интенционального нужно отличать от описаний *ego*, приведенных в «*Идеях I*». 2) Специфическое различие между ядрами задает различие между актами: оно касается не различия на уровне (имманентных) содержаний схватывания, а различия на уровне гилетических данных в новом смысле этого термина («чувственных содержаний» в новом смысле — вот почему Гуссерль берет этот термин в кавычки), следовательно оно касается различия на уровне «предельных ноэматических образований (*letzte noematische Gebilde*)»¹, которые таким образом задают различие, например, между восприятием, *φαντασία* и сознанием прошлого (вспоминанием).

§9. Интерпретация К. Хельда

Прежде чем рассматривать вторую феноменологическую конструкцию пре-имманентной временности, которую мы находим в «Бернау-манускриптах», мы хотели показать, что предшествовавшие исследования позволяют ответить на знаменитую критику гуссер-

¹ Ср.: Husserliana Bd. XXXIII. S. 163.

левской феноменологии времени, сформулированную Клаусом Хельдом в знаменательной статье “Die Phänomenologie der Zeit nach Husserl”.¹ Автор ставит под сомнение гуссерлеву концепцию временения имманентных объектов, показывая — на что обратит внимание Рикёр² — на то, что имманентная сфера «перенимает» свою временную структуру у *объективной* временности. Однако, в свете результатов анализа, которые мы можем найти в «Бернау-манускриптах», эта критика может быть, в свою очередь, подвергнута критике. Сначала резюмируем вкратце точку зрения К. Хельда.

К. Хельд становится на уровень поля, находящего в некотором роде «между» осуществляющим Я и трансцендентным объектом — и в этом он, как мы видели, верен точке зрения Гуссерля. Отталкиваясь именно от этого поля множества «типов данности (*Gegebenheitsweisen*)», нужно попытаться установить, как конституируется трансцендентный объект в его идентичности и его «в-себе». Однако если *идентичность* этого объекта конституируется в поле *множества* данностей, то это потому, что определённая форма идентичности (или «единства» в более широком смысле) уже *содержится* в феноменальном поле. И, в самом де-

¹ Held K. Phänomenologie der Zeit nach Husserl // Perspektiven der Philosophie. Neues Jahrbuch, Berlinger R. u. a. (Hrsg.), Vol. 7, München, 1981.

² Ricoeur P. Temps et récit, volume 3 (Le temps raconté). Paris, Seuil («Points Seuil»), 1985. P. 46.

ле, Гуссерль утверждает, что это единство коренится во временной *структуре*, то есть в том факте, что те способы, которыми дан идентичный объект, связаны в единство настоящего, соотнесённое с этими способами данности. Это, таким образом, объяснило бы, почему гуссерлевский анализ времени, прежде всего, касается *настоящего*: это именно оно на деле, в конечном счёте, отвечает за единство и за идентичность объекта (такая концепция, конечно, напоминает кантовский аргумент в первой дедукции категорий). Учреждение единства (*Einheitsstiftung*) объекта объясняется, таким образом, благодаря его *прохождению* через *настоящее, теперь* феноменального поля. Мы должны обратить внимание на два аспекта: с одной стороны, именно это Теперь на деле — так сказать, «объективным образом» — присваивает этому объекту его временной момент. Но, с другой стороны, в силу протенциальной и ретенциальной структуры потока, это прохождение в равной степени «лишает настоящего (*déprésentifie*)» эту предметность, в том смысле, что для того, чтобы рефлексивным образом вернуться к её идентичности, в возвращении к ней её идентифицировать, она должна принять статус *не-присутствующего*. Именно благодаря способности быть *извлечённым* из протенциально-импрессионально-ретенциального горизонта объект может быть узнан, но само это узнавание в равной мере должно быть *в него вписано* или, скорее, должно *пройти* через него.

Итак, можно вместе с К. Хельдом¹, с помощью нашего графического изображения, подытожить, каким образом исходно конституируется объективность:

идентичность объекта (или «в-себе», как говорит Хельд)

Теперь, которое может быть презентированно

актуальная презентация (*aktuelle Gegenwärtigung*)

Итак, чтобы быть в состоянии дать отчёт о единстве самой актуальной презентации, по К. Хельду нужно преодолеть *статическую* феноменологию «путеводных нитей» — образцовым примером которой были «Лекции» 1905 года (с их имманентным временным объектом, в качестве путеводной нити) — в пользу *генетической* феноменологии,² которая «объясняет», почему феноменальное поле может быть трансцендировано по направлению к «в-себе» сущей трансцендентной предметности. Здесь никакой объект не смог бы послужить путеводной нитью, а все конститутивные реализации должны быть приведены обратно к самому феноменальному полю, к этому полю «между...». К. Хельд

¹ Ср.: Die Phänomenologie der Zeit nach Husserl. S. 197, а также §31 «Лекций». См. также по этому поводу: Held K. Lebendige Gegenwart. Op. cit. S. 31 и Janssen P. Edmund Husserl. Freiburg, München, K. Alber, 1976. S. 191.

² Ср.: Приложение I к тексту №2 в *Husserliana XIV*, в особенности S. 41-42.

высказывает это следующим образом в формулировке, выражающей само устремление этой генетической феноменологии: «*Генетическая феноменология, по сути, есть не что иное, как приведение к очевидности (Aufweis) истока самой интенциональности. Если единство феноменального измерения есть не что иное, как его временность, а феноменология, в её окончательном образе, в качестве теории генетической конституции, в конечном итоге не что иное, как возвращение к этой временности как к объяснительному фундаменту, тогда оказывается, как писал сам Гуссерль в Кризисе¹, что, “вся конституция сущего, какого бы рода или ступени она ни была, есть *временение*”*»² [Курсив наш. — А.Ш.].

Итак, согласно К. Хельду, гуссерлевы разработки не в состоянии соответствовать требованиям генетической феноменологии, по той причине, что они остаются зависимыми от концепции точек настоящего, соотнесённых с их презентациями; они далеки от того, чтобы принять в серьёз феноменальное поле в наиболее собственных его характеристиках; они занимают их единство — претендующее быть «претобъективным» — у протопечатления. Что такое «протопечатление (*Urimpression*)»? Это данность того, что в презентации проявляется непосредственным и исходным (*ursprünglich*) образом. Таким образом, К. Хельд

¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. Д. В. Скляднева модифицирован. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 227; Husserliana Bd. VI. S. 172.

² Held K. Phänomenologie der Zeit nach Husserl. Op. cit.

приводит к очевидности обманчивую цикличность на уровне этого протовпечатления, лишаящую тот способ, каким Гуссерль пытается реализовать проект генетической феноменологии, шансов на успех. По сути, мы сказали, что цель генетической феноменологии — объяснить, как феноменальное поле, с его формальным временным единством, может конституировать трансценденцию идентичного объекта. Итак, согласно К. Хельду, — а тексты, на которые он опирается, очевидно, дают ему право так утверждать — протовпечатление несёт на себе пятно объективной временности, а именно в отношении двух моментов: с одной стороны, речь идёт о пре-объективном единстве, которое тем не менее *объективно*, поскольку будучи *гилетическим*, зависит от *содержания*. С другой стороны, феноменальное поле заимствует «исходный шок», учреждающий единство, именно у этого протовпечатления как у пограничной точки актуальности, в которой сходятся протенциальные и ретенциальные непрерывности. Однако К. Хельд считает, мы можем говорить о пределе только при условии, что мы уже предполагаем объективную временную длительность. Что можно было бы ответить на эту двойную критику?

I. Как мы попытались показать в деталях, сам Гуссерль в тексте №2 из *Husserliana XXXIII*, решает апории, возникающие из сенсуализма протовпечатления. Его концепция «протопроцесса» с его структурой «ядер» ставит под вопрос приоритет настоящего в той мере, в какой всякая презентация есть не что иное, как

наполненная протенция. Таким образом, нет такого настоящего, которое в пре-имманентной сфере было бы зависимым от объективной временности.

II. В случае трёхмерной диаграммы Гуссерль говорит уже не о «точке актуальности», а о «наиболее высокой точке» наполнения протенции и об «опустошении» ретенции. Получающаяся в результате точка пересечения, на деле, возникает из феноменологического *конструирования*, а не из какой бы то ни было *предпосылки*. Наоборот, вся сложность тогда заключается в проблеме того как связать объективное время и это феноменологическое данное (сложность, которую Гуссерль разрешил благодаря своей концепции наполняюще-опустошающего процесса, как мы только что это показали в предыдущем параграфе).

Следовательно, как нам кажется, Гуссерль предлагает решающим образом изменить курс, что позволяет миновать подводный камень, выявленный К. Хельдом. В случае протопроцесса и его структуры ядер, речь для Гуссерля идёт не о спуске к источнику разделения на субъективное осуществление и гилетическое содержание, которое возникало бы «извне» (как, судя по всему, полагает К. Хельд), а об описании конститутивных феноменов «*сознания времени*», для которого разделение на «субъективное» время и «объективное» время было бы только вторичной производной. Описание протопроцесса как раз и позволяет установить, что «сознание» времени основывается на «все-интенциональных» феноменах, которые *не* являются гилетическими. Эта

«нейтральность», как мы видели, и зовётся «протопроцессом», чьё отношение к «гилетическому» времени обеспечивается «протоядрами», феноменами стихания и «протенциальными» ядрами, которые тоже «нейтральны», всем обязаны «ноэматической форме». А это отношение к гилетическим содержаниям осуществляется в конституировании имманентной временности, где мы находим акты и содержания акта, чьё временное измерение, тем не менее, конституировано в пре-имманентной сфере.

§10. Анализ пре-имманентной временности на границе поля феноменологии: «активная» интенциональность и «пассивная» интенциональность

В ходе проведенного анализа мы попытались показать то, как в исследованиях Гуссерля складываются различные элементы первого «феноменологического конструирования» феноменологической временности в рамках «пре-имманентной» временности. Это «конструирование» притязало на то, чтобы исправить недостатки предшествовавших концепций, которые мы уже разобрали в предыдущих главах нашей работы. Однако, как мы увидим в этом параграфе, направление, в котором до сих пор шел Гуссерль, относилось только к *одной* из двух возможных перспектив, разработанных в «Бернау-манускриптах». Действительно, анализ конституирования пре-имманентной времен-

ности, то есть протопроцесса (который Гуссерль также называет «потоком протопереживаний»), дает основание для второй перспективы, которую можно считать *апогеем* исследований, касающихся времени.¹ Эта новая перспектива предлагает другое феноменологическое конструирование, объяснительную модель имманентной временности как фундированной во «вневременной»² сфере.

То, что дается, то, что «открывается» посредством феноменологической редукции³ это, как известно, *имманентная сфера*. Что же дается в этой сфере, что дается вместе с ней? Гуссерль считает, что данными в первую очередь, *реально* данными являются «составляющие» сознания времени, охарактеризованного здесь как «*активная*» интенциональность. Эти составляющие находятся «в» сознании — но, конечно, здесь не идет речи

¹ Такова, во всяком случае, точка зрения Финка относительно *рукописи L I 20* (опубликованной как текст №14 в *Husserliana XXXIII*); Ср.: Brusina R. The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts: Status Questionis — Freiburg, 1928–1930 // Alter №1, 1993. P. 363.

² Мы видели, что в первом феноменологическом конструировании Гуссерль использовал неустойчивую терминологию (он говорил также и о «вневременности», пока не возникла необходимость в понятии «пре-имманентной» временности). Здесь мы предлагаем устранить двусмысленность, закрепив понятие «пре-имманентности» для первого конструирования, а понятие «вневременности» для второго.

³ Далее мы увидим, что здесь, на самом деле, идет речь о *первой* редукции, за которой последует вторая.

о пространственных отношениях между содержащим и содержимым. Наряду с этим известно, что Гуссерль постоянно колебался в отношении того, входит ли интенциональный объект в эту имманентную сферу или нет.¹ Однако этот вопрос, на самом деле, отсылает к другому, еще более фундаментальному — к вопросу о статусе феномена. Можно ли назвать «феноменом» то, что в имманентной сфере «репрезентирует» трансцендентный объект? И, с другой стороны, можно ли также назвать «феноменами» то, что является конститутивным для трансцендентных (и имманентных) феноменов? Негативный ответит на этот вопрос означал бы, что феноменология описывает конституирование феноменов, опосредующих нечто, что, строго говоря, не относится к *феноменальному* и, таким образом, не проявляется на тех же основаниях, что и опосредуемое. Мы, следовательно, имели бы дело с *феноменологией неявного* (или точнее: *не-являющегося*).

Как бы то ни было, Гуссерль утверждает в тексте №14 из *Husserliana XXXIII*, что реально дан как раз «мой “поток переживаний (*Erlebnisstrom*)”».² Попробуем в анализе этого предмета последовать за Гуссерлем.

Итак, феноменологическая редукция передает мне мой поток переживаний. Этот поток характеризуется Гуссерлем как с необходимостью изменяющееся «живое настоящее (*lebendige Gegenwart*)». Это настоящее есть

¹ Ср.: *Boehm* R. Op. cit.; Ср. также: *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 279.

² *Husserliana* Bd. XXXIII. S. 274.

«мое субъективное настоящее», которое обладает особой структурой, находящейся на конститутивном уровне, более глубоком, чем само это живое настоящее — ниже уровня активной интенциональности (это, как мы в дальнейшем увидим, означает, что оно обладает другой формой объективации). Действительно, подчеркнем, что одно дело обращать взгляд на поток переживаний, а другое дело — рассматривать его *структуру*. Какова тогда эта структура?

Структура живого настоящего конституирована соединением «протоприсутствия (*Urpäsenz*)» и «горизонта»¹ только-что-прошедшего и (ближайшего) будущего:

горизонт ← протоприсутствие → горизонт

Рефлексивный взгляд может проникнуть в этот горизонт: тогда он откроет непрерывность тех субъективных настоящих (*subjektive Gegenwart*) — из которых лишь одно-единственное является живым, актуальным, моментальным — а также определенную непрерывность прошедшего и неопределенную непрерывность «грядущего». Подобным образом можно обратиться и к протоприсутствию. В отличие от «подвижного» ха-

¹ Рукопись L I 20 (то есть текст №14 из *Husserliana XXXIII*) была для Финка решающей во многих отношениях — не только из-за того, что там вводится это понятие «горизонта».

рактера «субъективных»¹ настоящих, точки протоприсутствия (или лучше просто: *протоприсутствия*), которые формируют их структуру, обладают *фиксированной* формой в текучей последовательности. Однако если эта форма является формой имманентного времени (как Гуссерль недвусмысленно утверждал), и если схема

горизонт <= протоприсутствие => горизонт (или даже <=.=>)

описывает структуру живого настоящего, тогда нужно отождествить живое настоящее и имманентное время. Это, впрочем, возвращает нас к идее о том, что (первая) редукция открывает нам имманентную сферу (см. первую фразу этого текста², в которой Гуссерль говорит, что применяя феноменологическую редукцию можно найти поток переживаний, живое настоящее).

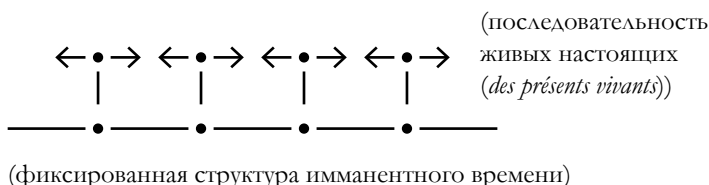
Таким образом, будут учитываться два конститутивных уровня живого настоящего: имманентная временность (вместе с подвижным характером живого настоящего), с одной стороны, и ее фиксированная *структура*, с другой.

Вплоть до этого момента Гуссерль описывал структуру живого настоящего, его форму. Отныне он будет рассматривать не структуру *некоего* настоящего, а структуру непрерывности таких *настоящих* (*ces presents*): в свя-

¹ Этот субъективный характер настоящего никоим образом не указывает на несовершенство или недостаточность, а обозначает «полноту (*Fülle*)» в противоположность его чисто формальной «объективной» структуре.

² Husserliana Bd. XXXIII. S. 274.

зи с этим Гуссерль устанавливает, что каждой точке имманентного времени (то есть каждому протоприсутствию) соответствует *актуальное, моментальное* настоящее, относящееся к живому настоящему, — подлежащее однако другому типу объективации; также он указывает что всякий горизонт, окружающий точку протоприсутствия, интенционально «относится» к некоторой фазе имманентного времени.

Как, исходя из статуса объективации, понять различие между двумя *континуумами*? Мы уже знаем, что имманентная временность характеризуется фиксированным характером (см. анализ «Лекций» относительно «общей упорядоченной связи»).¹ Эта структура лежит в основе временной индивидуации и необратимого характера временных фаз. Однако на *менее* глубоком конститутивном уровне, на том уровне живого настоящего, который непосредственно доступен при помощи редукции, мы

¹ В §5 Главы II (Раздела А) А. Шнелль говорит об этой «связи», развивая замечание Гуссерля о том, что континуум модификаций прото-впечатления «имеет характер одностороннего, ограниченного, ортоидного многообразия» (*Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени*. М. 1994. С. 109). Имеется в виду упорядоченная связь точек в континууме временных модификаций. — *Прим. пер.*

также констатируем направленность серии настоящих, «но только в соответствии с точками протоприсутствия в имманентном времени этих протоприсутствий».¹ Это значит, что такое направленное бытие живого настоящего зависит от структуры имманентной временности, что совершенно не должно нас удивлять, учитывая, что живое настоящее конституировано в этой временности (что, впрочем, подтвердили наши исследования в предыдущих параграфах). Но, с другой стороны, эта направленность относится только к *исходному* или *актуальному* настоящему (или, как в равной степени можно здесь сказать, к присутствию). Даже если горизонт — или скорее: горизонты — относятся к фазам имманентного времени (а они не могли бы не относиться, поскольку речь идет именно о *живом* настоящем, а не об идеальной структуре или конструкции), они не находятся в имманентном времени на тех же основаниях, что и протоприсутствия. Другими словами, способ объективации, свойственный живому настоящему отличается от способа, характерного для имманентной временности — это ясно утверждается в следующей важной цитате: «В любом случае, перед нами разные имманентные временные порядки, один из которых с необходимостью является первым, формой временного сущего, которое в своем бытийном содержании не несет ничего от той интенциональности, посредством которой временное бытие конституируется в качестве временного».

Отсюда следует несколько выводов:

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 274.

- В ходе представленного здесь структурного пере-
смотра временных уровней (внутри имманентной
сферы), где, в частности, вводится понятие «живое
настоящее», избавляющее от необходимости ис-
пользовать схему схватывание/содержание схваты-
вания, проявляются несколько уровней *объективации*. Это подтверждает ту реконструкцию позиции
Гуссерля, которую мы провели в предыдущих па-
раграфах, и которая позволила успешно решить
проблему (недопустимого) смешения имманент-
ной временности и временности объективной (мы
констатировали эту проблему еще на этапе диа-
грамм времени построенных до 1917, в особенно-
сти на примере диаграммы из «Лекций»). На диа-
грамме из «Лекций» на *одном* чертеже изображались
вместе объективные Теперь и ретенциальная ин-
тенциональность (а это, в силу неопределенности
онтологического статуса трансцендентного време-
ни, не позволяло увидеть то, чем характеризуется
это объективное время *внутри той же* имманентной
сферы). Теперь Гуссерль пытается различить, с од-
ной стороны, уровень объективации живого на-
стоящего, и, с другой стороны, уровень объекти-
зации его формы или (конститутивной по
отношению к нему) структуры. Здесь предлагается
радикализировать эту позицию, чтобы избежать
всякой двусмысленности в отношении понятия
объективного времени: в нем нет ничего от транс-
ценденции, оно обозначает только порядок и фик-
сированность *имманентного* времени.

- Если «первым» временным порядком является тот, чья «форма <...> не содержит ничего от интенциональности, посредством которой временное бытие конституируется в качестве временного», то это значит, что нет такой интенциональности, которая действовала бы на этом предельно конститутивном уровне временности. Однако под этим стоит скорее понимать отсутствие активной интенциональности, и в конце текста №14 из *Husserliana XXXIII* будет сформулировано, только, конечно, неявным образом, что структура $\langle =, \Rightarrow \rangle$, в свою очередь, фундирована в том, что Гуссерль назовет «пассивной интенциональностью» чувственности, исходно лишенной Я. А когда Гуссерль, наоборот, говорит об «активной интенциональности» (что влечет за собой необходимость говорить о «пороге активной интенциональности» внутри самой имманентной временности), то это не значит, что он скатывается здесь к смыслу интенциональности, близкому «интенциональности акта» «Логических исследований»; это также не значит, что Гуссерль использует схему схватывание/содержание схватывания для того, чтобы отразить пару живое настоящее/структура (живого настоящего). Это, скорее, значит, что, в действительности, имманентная временность обладает определенным числом конститутивных слоев, каждый из которых, в свою очередь, должен анализироваться специфическим образом (что мы и попытаемся сделать ниже).

- В конце концов, Гуссерль ссылается на «несколько» временных порядков, а не только на два (а именно, на временной порядок непрерывности наполненных присутствий, формирующий живое настоящее и на порядок текучего *континуума* точек протоприсутствия (как структуру имманентного времени), — две «временные формы (*Zeitformen*)», которые, как говорит Гуссерль, «покрывают друг друга»). Каковы же эти другие временные порядки? Окончание текста №14 из *Husserliana XXXIII* нам это проясняет. Действительно, Гуссерль утверждает, что редукция, которая открывает нам имманентную сферу (в частности, область потока переживаний вместе — что на этом этапе пока не учитывается — с «Я» как его «функционирующим (*fungierend*)» полюсом), требует еще и некоторой *второй* редукции, которая осуществлялась бы в том же поле этого потока сознания. Эта редукция открывает доступ к полю «полностью собственных» тенденций “Я”, то есть к полю пассивной «интенциональности» (см. ниже). В точности как в «Картезианских размышлениях», где редукция к примордиальной сфере возможна только *на основании* интерсубъективной сферы (даже если этой последней сферы можно окончательно достигнуть только посредством этой редукции)¹, Гуссерль здесь, прежде всего,

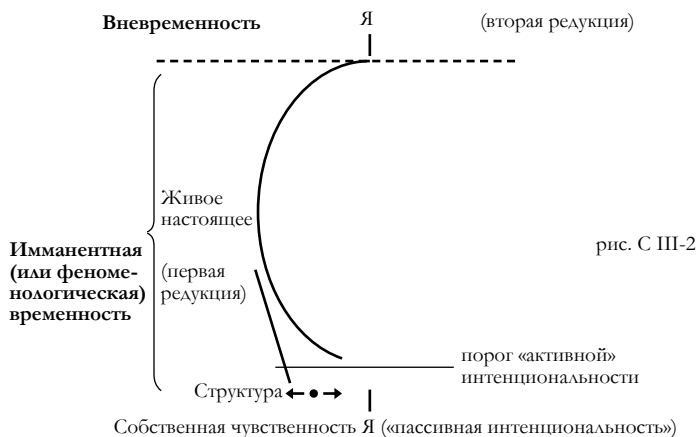
¹ Т. е. интерсубъективная сфера, в любом случае должна уже предполагаться для того чтобы была возможность осуще-

предлагает первую редукцию, которая раскрывает для нас живое настоящее, а затем и его структуру, чтобы только постфактум достигнуть — благодаря заключению в скобки исходных функций (*Fungierungen*) Я (которые, таким образом, относятся ко *второй* редукции) — конститутивной сферы потока переживаний: исходно собственной чувственности Я (пассивной интенциональности). Тем не менее, нужно быть внимательным к разным уровням конституирования: это «Я» — та сфера, которую Гуссерль также называет «сферой Я», которая, как мы увидим, больше не имеет ничего общего с эгологической структурой — не является предельным слоем, на котором строился бы слой исходной (собственной по отношению к Я) чувственности, на котором лежал бы, в свою очередь, слой живого настоящего (и его структуры); вторая редукция скорее редуцирует поле живого настоящего «сверху», затем раскрывает наиболее глубокие конститутивные слои, обладающие структурой $\leq = \geq$ и, наконец, слой пассивной интенциональности.

Для того чтобы наглядно представить эти конститутивные слои, мы предлагаем следующую схему¹:

ствить абстрагирующую редукцию к примордиальной сфере. В таком случае, примордиальная редукция служит только средством выявления конститутивного феномена интересубъективности. — *Прим. пер.*

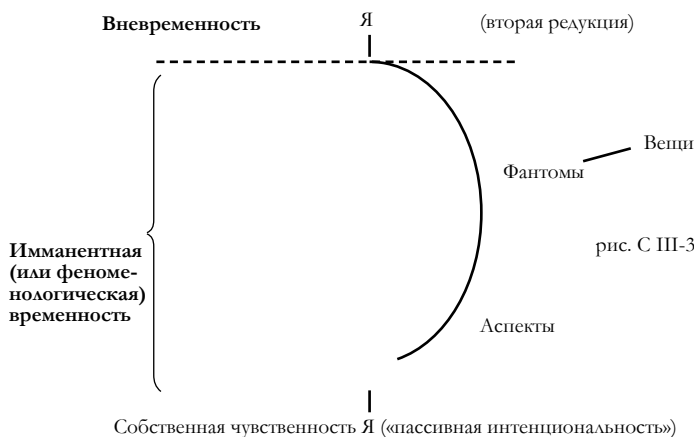
¹ Эта схема (также как и следующие) начерчена нами.

Но отвечает ли эта схема окончательно на наш вопрос о природе различных временных порядков? Сводятся ли эти временные порядки к оппозиции между «Я» и живым настоящим, с одной стороны, и оппозицией между живым настоящим и исходной чувственностью Я, с другой? Гуссерль отвечает, что существуют «другие способы интенционального конституирования», которые осуществляют конституирование времени — это способы конституирования «порядков ощущений»: «имманентное временное положение *данных* ощущений — имманентный временной ряд протекающих аспектов — временной ряд изменений фантома [то есть еще не схваченного объективно единства чувственных данных — *А.Ш.*] — временной ряд вещи».¹ Такова эта сфера этих «полностью собственных» тенденций «Я», о которых мы собираемся сейчас говорить: это «чув-

¹ Husserliana Bd. XXXIII. S. 275.

ственные тенденции ассоциации и репродукции».¹ Тот факт, что здесь осуществляются «определенные процессы образования *горизонта*² [Курсив наш. — А.Ш.], как раз доказывает, что достигнут *конститутивный* уровень потока переживаний. Это поле, эта структура (о которой Гуссерль не преминул заметить, что она только «абстрактна») является полем «пассивности исходной чувственности»³, другими словами, здесь речь идет именно о том, что Гуссерль называет «пассивной интенциональностью». Вторая схема позволяет представить этот новый конститутивный порядок:

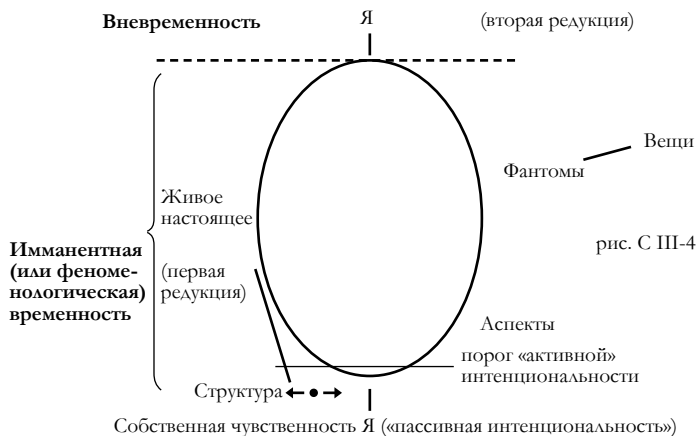

¹ Ibid. S. 276.

² Ibid.

³ Именно эти «[процессы] образования горизонта» как раз формируют вместе с протоприсутствиями структуру живого настоящего (или даже форму имманентного времени).

Сложение этих двух схем позволяет образовать эту третью фигуру:

Эта схема представляет нам два различных временных порядка и две полярности — Я и пассивной интенциональности, — которые не являются временными в смысле имманентной временности¹ (хотя бы в том, что касается Я). Однако, все, что явлено, проявляет себя в имманентной временности; отсюда можно заключить, что исследования конституирования имманентной временности приводят нас к «феноменам», которые *stricto sensu* не проявляются. Феноменология, таким образом, в силу своих

¹ Такое циклическое изображение может быть сопоставлено с тем весьма плодотворным способом «крутового раскрытия», который предложил Десанти в своих «Размышлениях о времени». Десанти произвел в этой работе «пересмотр» гуссерлевской интенциональности, что привело его к круговой структуре, составленной из «интенциональной арки» и «обратной арки». Ср. по этому поводу главу I второй части нашей работы «Генезис явленности».

внутренних особенностей подталкивает нас к «феноменальности» неявного (или не-являющегося) — ввиду собственной необходимости и иначе, чем это делает Хайдеггер (поскольку у него речь идет не о феноменологии не-являющегося (*Nicht-Erscheinenden*), а о феноменологии *Unscheinbaren*^{1,2}). Такой ход событий вынуждает, в этой предельной точке, отказаться от полностью *дескриптивной* стратегии; хотя эта стратегия и предполагает *конструктивное* дополнение, оно мало чем может помочь, когда возникает необходимость обосновать фундаментальный статус феноменологической дескрипции. Иными словами, «сами вещи», или даже «феномень», требуют выхода за свои пределы к их собственному нефеноменальному основанию. Во всяком случае, как нам кажется, это следует учесть на основании осуществленных исследований.

§11. Выводы из исследования протопроцесса

Заканчивая нашу интерпретацию «Рукописей L», мы можем сделать следующие выводы. В этих текстах, которые Гуссерль с полным правом характеризует как «исключительно важные», мы проследили переплетение

¹ Ср. переведенную нами статью Хельда «Путь Хайдеггера к “самим вещам”» в *Phénoménologie française — Phénoménologie allemande. Deutsche und Französische Phänomenologie. Cahiers de Philosophie de l'Université de Paris XII*, № 4. Paris: L'Harmattan, 2000. P. 27.

² Невидимого (нем.). См.: *Heidegger M. Seminare*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1986. S. 399. — *Прим. пер.*

(очевидно проявляющееся в главе III раздела С) явно противоположных тенденций: с одной стороны это успешное «очищение» описания имманентной и пре-имманентной временности от всего, оставшегося от теории интенциональности акта — здесь действительно идет речь о движении вперед, поскольку мы можем констатировать переход от интенциональности акта в узком смысле (раздел В, глава I) к интенциональности акта в широком смысле (раздел В, глава II), а в итоге — достижение концепции, для которой нет необходимости в этой теории (раздел С, глава III). С другой стороны, проводится радикальная «интенционализация», которая, во-первых, избавляется от остаточного явления восприятия — «протопечатления» (раздел В, глава III) в пользу описания «протопроцесса» и его конститутивных *ядер*, характеризующихся, как мы видели, тем, что мы назвали «все-интенциональностью»; и которая, во-вторых, достаточно убедительно показывает, как этот процесс — посредством двойной интенциональности, которая теперь является не только ретенциальной (иначе поток мог бы удержать самого себя только «постфактум»), а ретенциально-протенциальной (Гуссерль применяет для пре-интенциональной сферы выражение «*наполняюще-опустошающая*» интенциональность) — «*конституирует себя*», то есть «себя учреждает (*s'institue*)», будучи «представленным» (*figure*) в «протопереживании», в «само-явленности». Указанное переплетение выражает *напряжение* (*tension*) (возникающее не только между этими двумя тенденциями) — а интенциональность (*in-tention-nalité*), дей-

ствительно, как мы видели, всегда является *полем* ретенциальных и *протенциальных напряжений*, которое не стоит сводить просто к их *нотическому* измерению (а не иначе как отсюда должна брать свое начало «онтология времени») — то напряжение, которое Гуссерль обозначил как протопроцесс, вместе с его исходными «ретенциальными» («феноменами стихания») и «протенциальными» *ядрами* («ноэмами-временем»).

Эта первая перспектива, в которой проявляются все возможные «феноменологические затруднения» дополняется второй, которая утверждает возможность и необходимость преодолеть строгие рамки «данного», чтобы достигнуть того, что было названо «феноменологией неявляющегося» (в смысле отличном от хайдеггеровских разработок). В этой перспективе остро встает вопрос о статусе предельных структур гуссерлевской «интенциональности», и он во многом затрагивает те проблемы, которые Гуссерль оставил «подвешенными» (а именно проблемы статуса дискурсивности, отношения времени к пространству, к *Leiblichkeit* («собственной телесности») и т. д.). Эти «неизбежные» вопросы не остались без ответа, а послужили поводом для важных исследований постгуссерлевских феноменологов, в том числе, как известно, в области конституирования сознания времени.¹

Перевод с французского Г. Чернавина

¹ Ср. работы Финка, Мерло-Понти, Левинаса, М. Анри, Деррида, Рикера, Десанти и Ришира. Позволим себе сослаться в этой связи на нашу работу «Генезис явленности» (в частности, на главы I и II второй части).

Научно-популярное издание

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. Гуссерль, А. Шнелль

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Отвественный редактор *Н. Артеменко*

Ведущие редакторы *Д. Рындин, П. Костюк*

Художественный редактор *Е. Саламашенко*

Технический редактор *А. Новикова*

Корректор *Н. Артеменко*

Верстка *А. Дятлова*

Подписано в печать 02.08.2019.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 15,12.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик».

109147, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23.

www.ripol.ru

Отпечатано: Акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии».

109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.

Тел.: 8 (499) 322-38-30.

www.letmeprint.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

Эта книга — часть амбициозного проекта по переводу важнейших феноменологических текстов, написанных как классиками феноменологии (Эдмунд Гуссерль), так и ведущими ее представителями (Оскар Беккер, Мориц Гайгер, Микель Дюфрен, Поль Рикёр, Ханс-Георг Гадамер, Марк Ришир, Александр Шнелль), а также комментарии к ним. На данный момент три части этого проекта представляют собой одно из самых обширных и значимых изданий, дающее наиболее полное представление о феноменологии как об одном из главных направлений современной философии. Переводы представленных здесь работ выполнены ведущими специалистами в области отечественной феноменологии и впервые увидели свет на страницах журнала «Horizon. Феноменологические исследования». В настоящем издании они публикуются в доработанном и расширенном варианте. Редактором-составителем и автором проекта выступила главный редактор журнала «Horizon» Наталья Артёменко.

Данный том объединяет тексты, посвященные одной из самых сложных тем в феноменологии — теме времени. Работы Гуссерля, посвященные проблеме времени, составляют внушительную часть его наследия. Работа над этой проблемой не прекращалась, начиная с самых ранних текстов 1905–1911 гг. и заканчивая периодом рукописного творчества 1930-х гг. Перед читателем — перевод отдельных фрагментов Бернау-манускриптов 1917–1918 гг. («Bernau Manuskripte über das Zeitbewusstsein (1917/18)» Hua XXXIII) и комментарии к ним одного из самых влиятельных современных феноменологов Александра Шнелля.